

Ничто не мешает избравшему разумную жизнь
проводить её таким образом.

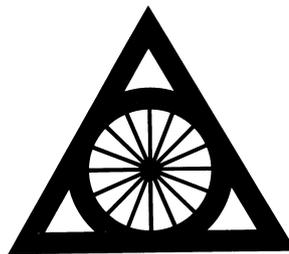
Платон

Э П И К Т Е Т
РУКОВОДСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ
СИЛЫ ДУХА

Изречения Эпиктета

перевод с греческого и латинского, общая редакция,
особое осмысление и уложение в новом порядке

Йог Раманантáта

МОСКВА – 2005 г.

*Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Эпиктет

Руководство для развития силы духа.

Перевод с греческого и латинского, составление и редакция Йога Раманантаты. – М.:

Издательство «АУМ», 2005, 164 стр.

В книге собраны наиболее интересные и важные афористичные фрагменты из бесед Эпиктета (греческого философа I-II вв. н.э.) со своими учениками.

Эпиктет – один из столпов философии стоиков, учения, не только проповедовавшего, но и претворявшего на деле величие и красоту человеческого духа.

Большинство фрагментов впервые переведено на русский язык, подано в логически упорядоченном виде и представлено в рубриках, наиболее значимых для методологии стоиков.

© Перевод с греческого и латинского, составление, редакция и комментарии:
Йог Раманантата, 2005 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Кто пишет кровью и образами, хочет, чтобы его не только читали, но и выучивали наизусть.

Ф.Ницше

Нас, разумеется, могут спросить: «В чём смысл появления этой книги, ведь Эпиктета по-русски издавали, и уже не раз?» Что ж, мы ответим: смысл её появления вполне нешуточный, так как веских причин тому имеется две.

Первая, и наименее значительная, касается самого Эпиктета. Этот удивительный философ не был писателем и за всю жизнь, как утверждают знавшие его, не написал ни строчки. Он считал, что гораздо важнее знать, как практиковать добродетель, нежели уметь её описывать. Он, стало быть, был вполне последователен и программу свою целиком претворил в жизнь. Данное обстоятельство, помимо самой близости философских взглядов, роднит Эпиктета с его многовековым предшественником – Сократом, также за свою жизнь ни строчки в назидание согражданам и потомкам не написавшим. Есть у них ещё и третья особенность, сближающая их: Сократ известен нам главным образом лишь как литературный персонаж Платона и Ксенофонта, озвучивавший мало свойственные ему идеи этих авторов (бывших его учеников); так и Эпиктет доходит до нас лишь в пересказах своего ученика Арриана. И поэтому мировая практика изданий Эпиктета (это же до сего времени происходило и в России) сводилась к тому, что издавали Арриана или, вернее, выдержки из сочинений Арриана и выдавали всё это за самого Эпиктета, присовокупив к Арриану небольшую порцию афористичных фрагментов Эпиктета из Стобея (автора V века).

Мы пошли по совершенно другому пути, позволив себе рассматривать Арриана и некоторые другие источники лишь как сырьё, как руду, из которой с помощью некоего алхимического процесса в готовом виде извлекали на свет Божий бесценный металл текстов самого Эпиктета. Мы не строим себе иллюзий: в строго научном, филологическом смысле работа наша не представляет интереса. Но как *создание искусства* она имеет непреходящее значение – величие мыслей, авторами коих мы всё же не являемся, позволяет нам отбросить ложную скромность. Мы льстим себя надеждой, что, пренебрегши *формой*, мы восстановили дух Эпиктетова учения, и нет надобности объяснять,

насколько успех этого принципа важнее механического, мертвящего торжества голых филологии и истории, которое до сего времени применительно к Эпиктету имело место. Ведь вместо академических консервов мы предлагаем нашим читателям саму жизнь – живую мысль Эпиктета.

Такой же подход мы в самом ближайшем времени намерены применить и к учению Сократа. (*Сие – да простят нам чопорные критики – будет уже четвёртым обстоятельством, сближающим двух гениев античности – Сократа и Эпиктета.*) При этом мы ни в коей мере не отменяем самого Арриана и считаем и настаиваем, что он, как автор, заслуживает отдельного и особого издания под своим собственным именем не в меньшей мере, чем всегда издаваемые Платон и Ксенофонт.

Вторая причина появления данной книги – и гораздо более серьёзная, нежели первая – касается уже читателя, которому приходится жить в пору агрессивных шаблонов и вульгарных стереотипов, в условиях, когда личность человеческая не только подвергается чудовищному давлению и преступным посягательствам извне, но и когда она даже просто не может *сформироваться*, и вместо неё в современных условиях до бесконечности тиражируются человекообразные автоматы, лишённые всего человеческого, – *зомби*, если использовать излюбленное нынешними культуртрегерами словцо.

Наша жизнь в нынешнем обществе устроена таким образом, что стремится замкнуть каждое наше действие, каждый жест в область привычки, сделать нас её рабами. Все наши действия, хотим мы того или нет, становятся всё более коллективными и, стало быть, *посредственными*, когда недостаток качества всё более восполняется количеством. Мы, добровольно и по принуждению, собираемся в бригады, запираемся в казармы.

Йога и стоицизм стремятся к прямо противоположному, они – быть может, в большей степени, чем само искусство – школа индивидуализма и расширения нашего «Я». Они позволяют оградиться от постоянных напряжения и давления, навязываемых современной жизнью, и от всех связанных с ними пагубных физических и ментальных последствий.

Все бегут, спешат, торопятся, наступают друг другу на ноги, словно у людей только и заботы что о том, как бы поспеть куда-то вовремя, обогнать кого-то на долю секунды или долю дюйма. Радио и реклама повсюду, вплоть до уборных. Вы просыпаетесь под их болтовню, потому что во всех квартирах радио и телевизор надрываются с раннего утра до глубокой ночи. Всё это преследует вас в собственном доме, у соседей, на улице, во всех магазинах, в учреждениях, в кафе и даже – когда вы

спускаетесь в метро или садитесь в такси или поезд. Оно орёт как резаное, требует, приказывает, уговаривает, поучает, вставляет вам в уши клинья! Радио постоянно бубнит вам свою нудную, очень точно отщёлкиваемую, преступно-примитивную мелодийку – всегда одну и ту же, идущую сквозь вас и не остающуюся (*по счастью!*) в вашей памяти. Миллионы разноцветных лампочек с вечера и до утра выплясывают какие-то замысловатые световые картинки, рассчитанные на самое незатейливое детское воображение и любопытство. И, кажется, спастись от всего этого вам никак нельзя.

В такую пору культивирование стоицизма, йоги и индивидуализма становится священной, прямо-таки *святой* обязанностью каждого, кто ещё не подвергся глобализационной дегуманизации, ибо только в этих трёх учениях сегодня обретается оружие человеческой самообороны, только в них залог духовного выживания человечества в нынешних бесчеловечных условиях.

В современном мире, скроенном по умственному складу людей Запада, передача знаний стала весьма доходным делом, вследствие чего появились посредники и армия наёмных учителей и сформировалась целая индустрия обучения. Дело стало на конвейер, посредники обогатились, наёмные учителя обнищали, обучающиеся стали получать всё более сомнительные знания. Всё обезличилось, потеряло индивидуальность, стало стадным, военизированным, *омуравеенным*.

Не такова традиция Востока, и результаты обучения были иными: индивидуальность торжествовала, потому что без неё – как идти к совершенству, к универсализации своего «Я» и слиянию с Абсолютом? В древней Индии знание было даром Учителя своему Ученику. Знание не продавалось, и учительство не было способом наживы. Скорее, это было священное действие, несшее благословение тому, кто получал знание. Гуру (духовный учитель) ожидал от Ученика лишь желания серьёзно учиться, учиться без самонадеянности и лени. Ведь что может сделать Учитель? Он может только указать путь, а что будет достигнуто на этом пути, зависит единственно от того, кто по нему пойдёт.

Йог Рамачарака указывал: «Каждый человек должен пройти весь путь, шаг за шагом, должен пройти его *своими собственными* усилиями, но ему могут помогать и помогают те, которые уже прошли по этому пути больше его, которые знают и видят момент, когда человеку нужна рука помощи, могущая поддержать его в опасном месте».

Учитель и Ученик – автор и читатель – состоят, по понятиям Востока, в глубокой эмоциональной связи. Учитель принимает в своём Ученике самое живое участие, а тот, в свою очередь, питает к Учителю

самую глубокую и сильную приязнь. Учитель всегда был вправе ожидать от своего Ученика самого искреннего почтения. Вместе с тем его неизменным желанием было, чтобы Ученик на избранном пути превзошёл и его самого. Добиться этого было наивысшей наградой для Учителя.

На распутстве, вседозволенности, разнузданности и бесхребетности – именно такой образ «жизни» насаждается и поощряется нынешней Западной попсокультурой – далеко не уедешь. Не эти «ценности» позволят человечеству выжить, но дисциплина ума и воли, контроль над собственным сознанием. И на этом пути Эпиктет, как Учитель, не заменим.

На этом мы свою апологию, пожалуй, можем закончить. Книга такого рода, как та, что сейчас выпускается нами в свет, не нуждается ни в оправданиях, ни в адвокатах. Она лучше, чем кто-либо посторонний, может защитить и обосновать себя сама, ей нет надобности ни в имиджмахерах, ни в рекламодателях. Тем более, что умный и так поймёт, а его антиподу хоть сто раз объясни – всё зря.

Ἰὸρ πασαναντατα

02.XII.2002 г.

Человек, посвятивший себя этим исследованиям,
занят в жизни делом, не заставляющим раскаиваться.

Платон

Счастья добиться нелегко: очень трудно найти
его в себе самом, но и невозможно более найти его
нигде.

Н. Шамфор

Часть Первая

ИЗРЕЧЕНИЯ ЭПИКТЕТА

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Боги создали всех людей для того, чтобы те были счастливы; несчастны они лишь по собственной вине.

Подобно тому, как цель не ставят для того, чтобы её не достичь, так и зло не существует в природе мира.

Добро и зло, наше благо и наша беда лишь в нашей воле. Причина сего в том, что не самые вещи беспокоят людей, но представления о вещах.

Речь ведь идёт не о пустяках, а о том, быть безумным или же нет. Всё лишь мнение; устрани, исправь или измени его – и ты вернёшься к благу и истине.

Лучше знать, как практиковать добродетель, чем знать, как её описывать.

Виноград зелёный, виноград спелый, изюм – всё есть превращенье, но не в то, чего не может быть, а в то, чего пока нет.

ОБ ИСТИННЫХ И МНИМЫХ БЛАГАХ

Невежество – худший из всех недугов, ибо больной чувствует свой недуг, невежда же нет.

Делать прекрасное дело из-за денег или чтобы добиться известности – значит делать его ради скверной цели.

Что такое здравый смысл? Точно так же, как у всех людей есть слух, позволяющий им слышать голоса и различать произносимые слова, так есть у них и *природная способность к пониманию*, которая, если только в уме у них нет какого-то явного расстройства, позволяет им должным образом разуть то, что представляется их вниманию; вот эта-то способность, одинаково присущая всем людям, и называется *здравым смыслом*.

Не самые вещи, а представления о них делают человека счастливым или несчастным. Добро и зло не в вещах, а лишь в нашем отношении к ним, поэтому стать счастливым – в нашей воле.

Настоящему счастью свойственно быть постоянным, оно не знает преград. Там, где нет этих свойств, нет и истинного счастья.

Из всех вещей, какие на свете есть, одни зависят от нас, другие же нет. Зависят от нас: наши мнения, наши движения, наши желания, наши склонности, наши предубеждения; короче говоря, все наши поступки.

Не зависят от нас: наше тело, наше имущество, наше доброе имя, наше положение; короче говоря, всё, что не является нашими поступками.

Вещи, от нас зависящие, по природе своей свободны; ничто не может их остановить или стать им препятствием; те же, что не зависят от нас, слабы, подневольны, подвержены тысяче препятствий и неудобств, и совершенно нам чужды.¹

Так помни же: если ты сочтёшь свободным то, что по природе своей подневольно, и сочтёшь своим то, что зависит от другого, то ты повсюду найдёшь препятствия; ты будешь угрюм, озабочен, подавлен и станешь сетовать на богов и людей; но если, вместо этого, ты сочтёшь своим то, что действительно принадлежит тебе, и чуждым то, что принадлежит другому, то никто и никогда не заставит тебя делать того, чего ты делать никак не желаешь, равно как и не помешает тебе делать то, что ты желаешь делать; ты не будешь жаловаться ни на кого; никого не станешь попрекать; самой малости ты не станешь делать вопреки себе; никто не сможет причинить тебе зла, и у тебя совсем не будет врагов, ибо ничего вредного не сможет случиться с тобой.

Из всех же прочих внешних вещей ты должен целиком отречься от одних и отложить иные на другое время. Ибо если ты станешь пытаться согласовать их одну с другой и будешь искать и этих истинных благ, и вместе с тем почестей и богатства, то, быть может, ты не достигнешь этих последних, поскольку ты желал также и других. Но неизбежно ты не сумеешь достичь тех, кои одни только и могут доставить тебе свободу и счастье.

Без того, что может быть с пользой отложено, можно с ещё большей пользой обойтись совсем.

Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских благ, откажись от души; если хочешь уберечь свою душу, отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того, ни другого.²

Истинные блага – те, что находятся в нашей власти.

Основная задача философии – уметь отличать то, что находится в нашей власти, от того, что не находится в нашей власти.

Нам следует заниматься лишь тем, что находится в нашей власти, а всё остальное принимать таким, каково оно есть.

Поскольку ты стремишься к вещам столь великим, то помни: достичь их ты можешь лишь прилежным трудом.

Часовой спрашивает пароль у всякого, кто к нему приближается. Поступай так же, спрашивай пароль у всего, что приближается к твоему воображению, и ты никогда не будешь застигнут врасплох.

Сперва, стало быть, всякой неприятной и докучливой мысли будь готов сказать: «Ты всего лишь мысль, а вовсе не то, чем кажешься!» Затем рассмотри её хорошенько, углуби. И чтоб испытать её, воспользуйся правилами, кои ты уже изучил, в особенности первым, которое учит тебя узнавать, к числу каких вещей принадлежит представившееся тебе – тех ли, что зависят от тебя, или же тех, что от тебя не зависят. И коль вещь эта окажется из числа не находящихся в нашей власти, то, не колеблясь, считай, что она тебя не касается.

Нужно установить правила, определяющие, когда следует давать своё согласие. Что касается стремлений, то необходимо следить за тем, чтоб они не были безусловны, направлялись на общее благо и сообразовывались бы с достоинством. От влечений же хотя и следует вообще воздерживаться, но явно показывать своё пренебрежение к тому, что не в нашей власти, всё же не стоит.

Если с нами случается какая-нибудь неприятность или мы попадаем в какое-нибудь затруднение, то все мы бываем склонны обвинять в этом других людей или судьбу свою, вместо того чтобы сообразить, что коли внешнее, от нас не зависящее, становится для нас неприятностью или затруднением, то, значит, в нас самих что-нибудь не в порядке.

Вспомни, что предел твоих желаний – это добиться того, чего ты желаешь, и предел твоих страхов – избежать того, чего ты боишься. Тот, кто не добивается того, чего он желает, несчастен, и тот, кто оказывается во власти того, чего он боится, жалок. Если, стало быть, ты не приемлешь того, что противно твоему истинному благу и находится в твоей власти, то ты никогда не будешь в плену у страха. Но если ты боишься смерти, болезни или бедности, ты всегда будешь несчастен и жалок.

Перенеси же страхи свои и опасения с тех вещей, что от тебя не зависят, на те, коие зависят от тебя; что же касается желаний, то на время откажись от них вовсе, ибо если ты желаешь одну из тех вещей, что не находятся в твоей власти, то ты ещё не в состоянии знать те, коих стоило бы желать. Пока же довольствуйся тем, что у тебя есть, но осторожно, всегда с исключением и без спешки.

О СВОБОДЕ МНЕНИЯ

Если б скоты и свиньи могли говорить, то и они бы тогда тоже смеялись над всяким, кто может помышлять о чём-нибудь, помимо сена и желудей.

Пусть страшимся мы вещи, но не должны бояться произнести слово.

Ты сетуешь на своё одиночество? Но вспомни тогда, что Бог довольствуется самим собой и всё находит в себе самом. Пытайся на Него походить: это в твоей власти.

Беседуй с самим собой: тебе надо столько сказать самому себе и о столько надо самого себя расспросить, что тебе нет нужды до других.

И как ты ещё можешь жаловаться? Божество дало тебе самое великое, самое благородное, самое царственное из того, что у него было – власть разумно пользоваться своим мнением и найти в себе самом те блага, кои действительно твои. Чего же ещё хочешь ты? Так будь всегда доволен, благодари столь доброго родителя и никогда не уставай молиться ему!

Честь и достоинство лишь в обладании подлинными благами, ибо только они одни идут человеку впрок, и поэтому обладание ими – единственный повод для ликования и поздравлений, который может быть среди людей.

Настоящими праздниками должны быть для тебя те дни, в кои ты преодолел искушение и изгнал из себя, или по меньшей мере ослабил, гордыню, безрассудство, злорадство, злословие, зависть, сквернословие, любовь к роскоши или какой-нибудь иной порок из тех, что тебя тиранят. В этом гораздо больше достоинства, чем в том, чтобы заказать

молебен, получить какую-то правительственную должность или стать полководцем.

Болезнь есть помеха телу, но никак не воле, лишь бы только она сама того не желала. Я хром – вот помеха моей ноге, но не моей воле. Скажи себе то же о любых препятствиях, кои только попытаются тебя останавливать. Ибо всегда ты увидишь, что это помеха никак не тебе, а чему-то иному.

Когда ворон каркает, предвещая несчастье, пусть воображение твоё тебя не смущает. Но прежде сделай в себе самом такое разделение и скажи: «Ни одно несчастье, предвещаемое этой птицей, меня не касается. Оно касается либо моего слабого тела, либо моего жалкого имущества, либо же недостойного понятия, которое составят обо мне другие, или моей жены, или детей моих. А у меня могут быть лишь хорошие пророчества, если только я того захочу. Ибо, что бы ни произошло, лишь от меня одного зависит, чтобы получить от того величайшее благо».

Всегда помни, что чужие достоинства – не повод для твоей гордости. Если бы лошадь могла хвалиться и сказала: «Я красива», то это бы ещё куда ни шло; но когда ты хвалишься и говоришь: «У меня красивая лошадь», знай, что ты хвалишься вещью совершенно тебе посторонней, а красота так и остаётся у лошади. Что же тогда есть у тебя? Способность верно пользоваться своим мнением и воображением. Вот почему, составляя суждение согласно природе вещей, ты имеешь право гордиться, ведь ты гордишься благом, действительно принадлежащим тебе.

И чего только не делает меняла, дабы проверить деньги, которые ему дают! Все чувства: зрение, осязание, запах, вкус, слух – он пускает в ход. Он заставляет монету звенеть ещё раз и ещё; он так внимательно прислушивается при этом к оттенкам звука, что становится чуть ли не музыкантом. И мы

все такие же внимательные и насторожённые менялы в том, что, по нашему разумению, до нас непосредственно касается. Нет ухищрений, в которые бы мы не пустились, нет уловок, к которым бы мы не прибегли, только бы не дать себя обмануть. Но лишь только речь зайдёт о нашем уме, лишь только дело коснётся того, чтобы критически рассмотреть свои мнения, мы сразу же становимся ленивы и небрежны, как если бы всё это не имело к нам никакого отношения, ибо мы ничего не ведаем и знать не знаем о том ужасном вреде, который нам это безразличие причиняет.

Обо всяком предмете, развлекающем тебя, служащем тебе и тебе любом, не забудь сказать самому себе, *что* он на самом деле такое есть; начни делать это с вещей самых малых. Если тебе нравится глиняный горшок, скажи себе, что тебе нравится всего лишь глиняный горшок; и пусть тогда даже горшок этот разобьётся, ты не станешь жалеть о нём. Если ты любишь сына своего или жену, скажи самому себе, что ты любишь всего лишь смертного человека; и пусть тогда даже он умрёт, ты не станешь безутешно горевать.

Пусть перед умственным взором у тебя всегда будут такие правила: *Что моё и что принадлежит мне? Что не моё и принадлежит не мне? Что было дано мне во временное пользование? Исполнения каких дел ждут от меня боги? От совершения каких дел мне следует воздержаться, дабы оставаться угодным богам?* До нынешней минуты они позволили тебе распоряжаться своим досугом, чтобы ты занимался собой, читал, размышлял, писал о предметах столь важных; словом, готовился к тому, что тебе предстоит ещё совершить. Отпущенного времени тебе для такой подготовки должно было хватить. Теперь же боги говорят тебе: «Иди сражайся и покажи на деле, чему ты научился; докажи, что ты и впрямь атлет, достойный нас, такой, который заслуживает победного венца, а не из тех, что разъезжают по всему свету и всюду оказываются биты».

Когда я слышу, как кого-то называют счастливым потому лишь, что он любимец императора, я прежде всего спрашиваю, что такое с ним из-за этого случилось? «Как же! Он был назначен управляющим провинцией». А что, разве вместе с этим его наделили и всем что требуется, дабы управлять провинцией хорошо? «Его назначили главнокомандующим». Как, а разве у него уже есть всё что нужно, чтобы командовать войсками и одерживать победы? Ведь не сами должности делают человека счастливым, но исполнение связанных с ними обязанностей, если исполнять их честно и хорошо.

Берегись того, чтобы, увидев кого-то осыпанного почестями или вознесённого до великого могущества или благоденствующего ещё каким-то иным образом, ты, увлечённый и соблазнённый воображением, не счёл его и впрямь счастливым. Ведь если истинное благо в вещах, находящихся в нашей власти, то не остаётся места ни зависти, ни ревности, ни соперничеству, и ты не захочешь быть ни полководцем, ни сенатором,³ ни консулом,⁴ а пожелаешь оставаться просто свободным человеком. И к свободе этой есть только одна дорога: презрение к вещам, которые совершенно не находятся в нашей власти.

Постоянно и во всём следует делать то, что находится в нашей власти, а в отношении всего прочего оставаться твёрдым и невозмутимым. Например, мне приходится отправиться в плаванье по морю. Что мне следует сделать? Выбрать толком корабль, капитана, матросов, время года, день для отплытия, подходящую погоду – вот, собственно, и всё, что зависит от меня. Я в открытом море, и тут грянула буря – это дело меня не касается, оно касается капитана. Корабль идёт ко дну – что я должен делать? Я делаю то, что в моей власти: не поднимаю крика и не мучаю сам себя. Я знаю, что тот, кто родился, всё равно должен умереть – таков закон природы. Нужно, стало быть, чтоб я умер. Оно и понятно: я не есмь вечность, я всего лишь человек, т.е. часть

единого целого, как час – часть суток. Час наступает и проходит, так наступил и прошёл и я; способ же, каким это произошло – лихорадкой ли или водою – не имеет значения.

Природа наша двойственна, и части, составляющие её, весьма несхожи: наше тело роднит нас с животными, а дух наш роднит нас с богами. Одних из нас влечёт к первым родственникам, и родство это сулит нам несчастья и смерть; другие же стремятся к родственникам совершенно иного порядка, и такое родство возвышает и готовит нам жизнь вечную. В этом причина того, что последние – и их меньшинство – мыслят благородно, тогда как первые – а их куда больше – питают лишь мысли низкие и недостойные.

Ведь что такое ты есть? Незначительный человек и очень несчастный: тело твоё сделано из материала непрочного и злополучного. Но есть в тебе нечто куда более достойное, нежели ткани этого тела. Зачем же ты отдаляешься от начала столь возвышенного ради того, чтоб быть в плену у своего тела? Вот влечение, которому отдаются почти все люди, и вот почему так много среди них всякого рода чудовищ, вот откуда берутся волки, львы, тигры да свиньи среди людей. Следуй же за лучшим в тебе – только так избежешь несчастья причислить к этим уродам ещё и себя.

Осуждай свои дела. И когда осудишь, не отчаивайся.

Подлинное благо человека всегда в той его части, которою он отличается от зверей. И пусть только эта часть его будет хорошо укреплена и пусть всё необходимое будет дано ей – и тогда достоинства будут бодро стоять на страже в готовности отбросить врага прочь, и человек тогда окажется в безопасности и ему нечего будет бояться.

Сдерживайся и воздерживайся – вот линия поведения в этой жизни для человека достойного. И совсем ничтожен тот, кто ей не следует.

Несчастлива ли лошадь от того, что не поёт? Нет, но она несчастна, если не может скакать. Несчастлива ли собака от того, что не летает? Нет, она несчастна, если у неё пропал нюх. Несчастен ли человек от того, что не может душить рукой львов и делать прочие вещи, ему не свойственные? Нет, не несчастен, ибо он не был предназначен для всего этого. Он несчастен, если утратил совесть, доброту, верность, чувство справедливости и если божественные знаки, которые боги начертали в его душе, исчезли без следа.

Всегда в твоей власти извлечь пользу из любого события. Не задавайся же более вопросом: «Что случится? Что будет? Что произойдёт?» ибо какая тебе важность, что произойдёт, коль всё происходящее ты умеешь обращать себе во благо и коли в твоей власти любое событие, каково бы оно ни было, сделать источником бесконечного счастья?

Разве Геракл⁵ когда-нибудь говорил: «Пусть не встретится мне на пути ни сильного льва, ни огромного кабана! И да проживу я жизнь так, чтобы мне не биться и не бороться с коварными и жестокими людьми!» О чём тебе беспокоиться? Предстанет пред тобой грозный кабан, значит, в бою и победе будет больше чести. Встретятся тебе на пути люди сильные, жестокие и бессовестные, тем больше будет твоя заслуга, коль ты очистишь от них мир. «А если я погибну?», – вопрошаешь ты. Ты умрёшь, совершая подвиг. Что ещё тебе после этого нужно?

Геракл, когда его испытывал Эврисфей, не говорил, что он несчастен, и выполнял самые мучительные повеления этого тирана. А ты, которого испытывают боги, те самые боги, которые тебя создали, ты поднимаешь крик, ты жалуешься и считаешь себя несчастным. Какое малодушие, какая никчёмность!

Ты можешь не познать ни одного поражения. В твоей власти никогда не быть побеждённым. Для этого всегда вступай только в такой бой, победа в котором целиком зависит от тебя одного.

Пусть смерть и изгнание и всё, что кажется людям наиболее ужасным, будет ежедневно у тебя перед глазами, особенно смерть, – и у тебя никогда не возникнет низких помышлений, и ты ничего не станешь желать с излишним рвением.

Вспомни, что ты – всего лишь актёр, играющий в пьесе, и что драматург, который её написал, пожелал, чтобы ты сыграл в ней роль; большая она или маленькая – это другой вопрос. Если он желает, чтобы ты играл роль нищего, тебе нужно играть её как можно лучше. И то же самое с ролью хромого ли, императора или кого-то ещё, если только он находит нужным тебе её доверить; ибо твоё дело – хорошо играть данную тебе роль, а решать, *что* тебе играть, – это уж дело драматурга.

Если ты возьмёшься за роль, превышающую твои силы, ты не только сыграешь её плохо, но и окажешься лишён возможности сыграть ту, которая бы тебе удалась.

Друг мой, рассмотри перво-наперво, каково то, чего ты желаешь, а после этого соразмерь свою собственную природу, дабы видеть, достаточно ли она сильна, чтобы нести такое бремя. Ты хочешь быть атлетом или гладиатором? Посмотри тогда, каковы твои руки, ноги и туловище, достанет ли в них силы? ибо все мы рождены для разного назначения. Думаешь ли ты, что, избрав себе такое поприще, ты сможешь есть как другие, посвятившие себя ему, пить то, что пьют они, и отказываться, подобно им, от всех удовольствий? Нужно будет постоянно упражняться, работать над собой, оставить родных и друзей, лишиться всех своих прав, отказаться от стяжания почестей и должностей; словом, потерпеть крах во

всех делах частной и личной жизни. Взвесь всё это, а затем уж решай, хочешь ли ты такой ценой купить себе успех в данном занятии. Коли нет, займись каким-то другим делом, но только не поступай как ребёнок: сегодня он философ, завтра – воитель, потом – ритор, а вслед за тем – сподвижник кесаря, ведь такие вещи одна с другой никак не вяжутся. Нужно быть *цельным* человеком, цельным либо в добре, либо во зле. Следует уделять должное внимание своему телу и трудиться над обретением внутренних благ или же над приобретением благ внешних; короче говоря, следует выработать характер либо философа, либо зауряда, человека толпы.

Кто-то домогается должности трибуна, кто-то – полководца. Что до меня, то я домогаюсь единственно целомудрия и скромности, ибо я совершенно свободен и вожу дружбу с богами, повинуюсь им от всего сердца. Стало быть, мне не надо дорожить телом, имуществом, должностью, мнением людей, ни какой-то другой посторонней вещью, ибо не угодно богам, чтобы я дорожил всем этим. Ведь, будь только оно им угодно, они позаботились бы о том, чтоб все эти вещи были благом для меня; и поскольку они этого не сделали, то, стало быть, это и не блага, и мне остаётся только повиноваться их мудрым велениям.

Нет человека, у которого естественным образом не составилось бы некоторой идеи, какого-то понятия о добре, о зле, о честности, обмане, справедливости, произволе, счастье, бедствии, об исполнении долга и пренебрежении обязанностями. Отчего же тогда по этим поводам так часто ошибаются люди в том или ином конкретном случае? Происходит это, как я уже говорил, от того, что мы не умеем толком пользоваться общими понятиями и составляем свои суждения на основе поверхностных предубеждений. Красота, доброта, зло, благо, справедливость, произвол – это только слова, которыми все пользуются без разбора, не научившись

ещё употреблять их разумно и справедливо: отсюда и происходят споры, ссоры и войны.

Один говорит: «Это справедливо»; другой говорит: «Это несправедливо». Как достичь согласия? Как понять друг друга? Есть ли у нас какое-то правило для верного суждения? Может быть, это – мнение? Но если нас двое, то у нас и два противоположных мнения. Да и как бы мнение могло быть надёжным судьёй? Ведь что, разве у безумца нет своего мнения? Тем не менее обязательно должно быть верное правило, чтобы знать истину, ибо невозможно, чтобы боги оставили людей в полном неведении относительно того, что им следует знать, дабы вести себя правильно. Так найдём же это правило, ведь одно оно только и может избавить нас от ошибок и заблуждения и умерить произвол и безумие мнений.

Вот оно, это правило: оно состоит в том, чтобы *при рассмотрении вещей и явлений идти от видовых понятий к родовым, от частного – к общему*. Ведь эти понятия, всем известные и всеми удостоверенные, помогают нам преодолеть наши предубеждения по каждому отдельному поводу. К примеру, у нас есть понятие о благе, а нам нужно узнать, благо ли сладострастие? Так рассмотрим же последнее в согласии с нашей идеей о благе, взвесим последнее на весах разума. Я сравниваю сладострастие в противовесе с известными мне свойствами блага, которые служат мне гирями, и тут же обнаруживаю, что сладострастие слишком легковесно. Мне остаётся, стало быть, только его отвергнуть, ибо благо вещь весьма прочная и весит она изрядно.

Как продавец товаров не отказывается от монеты, на которой стоит проба государственной чеканки, так и душа не отвергает истинных благ. Правда, нередко она принимает за таковые блага блага лишь мнимые, но это потому, что её сбивает с толку знак пробы, тогда как навыка опознать фальшивую чеканку у такой души нет.

Кто наградил этой медалью? Траян? Я принимаю её и храню. Нерон?⁶ Я отвергаю её, так как она внушает мне отвращение. Это же правило касается людей добрых и злых. Каков этот человек? Он добр, общителен, благожелателен, терпелив и человеколюбив. Я принимаю его [у себя], я рад видеть в нём согражданина, соседа, друга, товарища в делах, гостя. А каков тот человек? Он чем-то напоминает Нерона; он заносчив, зловреден, неумолим; никогда не прощает. Я не желаю с ним знаться. Почему вообще ты назвал его человеком? Кто заносчив, мстителен, подвержен гневу, тот не более человек, чем восковой муляж яблока – само яблоко: у муляжа от яблока только форма и цвет, [а самого важного в нём нет].

Невозможно быть злым и порочным без верного убытка и без определённого ущерба для себя.

У тебя все мысли заняты тем, чтобы жить во дворце, чтобы окружить себя раболепными слугами, чтобы роскошно одеваться, ездить в дорогих экипажах, чтобы охотиться в сопровождении пышной свиты, чтобы тебя развлекали музыканты и толпы комедиантов. Неужели же мне в чём-то таком тебе завидовать? Но воспитал ли ты свой ум? Позаботился ли составить себе здравые суждения? Возлюбил ли ты истину? Так что же ты досадуешь каким-то моим преимуществам перед тобой в вещах, коими ты пренебрёг? «Но ведь именно эти вещи всего важнее и знать их крайне необходимо!» Тем лучше, что ты это понимаешь. И что, собственно, тебе мешает заняться ими? Вместо всех этих охотников, музыкантов и комедиантов, собирай вокруг себя людей мудрых. У кого могло бы быть больше досуга, книг и учителей, нежели у тебя? Так начни же сейчас, сегодня, удели самую малую толику своего времени развитию собственного ума. Словом, выбирай, что тебе важнее. Коли продолжишь уделять всё время своё и внимание вещам внешним и посторонним, то в конце концов у тебя, может быть, и впрямь

окажется самая редкая и более роскошная, чем у кого-нибудь ещё, мебель, да вот только твоя бедная душа, оставшись в таком небрежении, окажется до крайности убогой, осквернённой нечистотами, вызывающей отвращение.

Ты потерял какие-то вещи, проиграл игру, остался без музыки, лишился удовольствий, и ты считаешь всё это серьёзной потерей, из-за которой не в силах найти себе утешение. Зато, когда ты потерял стыд, утратил верность, доброту, скромность, ты воображаешь, что ничего не лишился. А ведь внешних благ тебя лишила совершенно посторонняя и невольная причина, и непостыдно их не иметь, так же как непостыдно их потерять. А вот последние блага, внутренние, их мы всегда теряем лишь по собственной вине; большое несчастье и весьма постыдно их не иметь, и такое же большое несчастье и так же постыдно утратить их, когда они у тебя есть.

Естественно и справедливо, если тот, кто целиком отдаётся какому-либо делу, добивается в нём успеха и имеет преимущества перед тем, кто им вовсе не занимается.

Кто-то трудится всю жизнь ради того только, чтобы накопить имущество и выдвинуться. Едва встав с постели, он думает, чем бы ещё он мог угодить слуге сановника и шуту, которого тот особенно любит; он унижается перед ними, льстит им, делает подарки. В молитвах своих и принося жертвы он молит богов лишь о том, чтобы понравиться слуге сановника и его шуту. Каждый вечер он устраивает смотр своим словам и поступкам, вопрошая самого себя: «Не упустил ли я чего важного? Что ещё сделано мною? Что не сделал я из того, что следовало? Не пренебрёг ли я сказать его светлости такую-то лесть, которая должна была ему очень понравиться? Не сказал ли я неосторожно какой-то правды, которая могла бы ему не понравиться? Каждый ли раз я восхищался его пороками, хвалил его несправедливости и совершённые им дурные поступки?» И случись у него, по

недосмотру, вырваться слову, достойному порядочного и свободного человека, он себя бранит, раскаивается и считает, что погубил себя. Вот как он продвигается, как копит своё имущество.

А ты? Ты никому не угождаешь, не льстишь, никого не обхаживаешь; ты культивируешь свою душу; трудишься над тем, чтоб обрести здравые суждения. Ты ведь устраиваешь совсем иной смотр своим словам и поступкам. Ты вопрошаешь себя: «Пренебрёг ли я чем-нибудь, содействующим подлинному счастью и угодным богам? Прегрешил ли я чем-нибудь против дружбы, общежития, справедливости? Не упустил ли я случая сделать что-нибудь из того, что пристало порядочному человеку?»

Как при таком несовпадении желаний, несходстве чувств и различии занятий ты можешь досадовать, если тот человек превосходит тебя своим богатством и положением? Как может он внушать тебе зависть? Уж он-то, будь уверен, нисколько тебе не завидует. Всё это происходит от того, что он, в своей слепоте и невежестве, глубоко убеждён, будто наслаждается истинными благами; и от того, что ты всё ещё не имеешь достаточно твёрдости и убеждённости в своих правилах, дабы ясно видеть и понимать, что всё счастье целиком на твоей стороне.

Нет ничего обыкновеннее, чем убеждённость великих мира сего в том, что они всё знают, тогда как на самом деле они не знают ничего и не имеют понятия о самом необходимом. Поскольку они буквально *купаются* в богатстве и ни в чём не испытывают нужды, то они и не могут подозревать, что им чего-то не хватает.

Вот что я однажды сказал такому баловню судьбы: «Ты пользуешься монаршей милостью, у тебя большие связи, многие могущественные вельможи тебе обязаны; при таком влиянии ты можешь служить друзьям и вредить врагам». – «Так чего же мне ещё не хватает?» – спрашивает он меня.

«Самого важного и необходимого для подлинного счастья. И всё, что ты делал до сей поры, не могло тебя приблизить к нему – вот в чём твоя беда. Ты ничего не знаешь ни о Боге, ни о человеке; ты не ведаешь, какова природа добра и зла, и что самое для тебя удивительное: ты совершенно не знаешь самого себя! Ах, ты уходишь? Мои искренние слова вызывают твой гнев? И чем же я тебя так обидел? Я ведь только поставил перед тобой зеркало, в котором ты можешь видеть себя таким, каков ты есть».

Благородство человека обусловлено добродетелью, а не рождением. «Я значу больше, чем ты: мой отец был консулом; я трибун,⁷ а ты никто». Нет, милейший, будь мы двумя лошадьми и скажи ты мне: «Мой отец в свою пору скакал быстрее всех прочих лошадей, а у меня вволю сена, овса и роскошная сбруя», я бы тебе ответил: «Не спорю, однако скачем – кто быстрее?»

Разве нет у человека какого-то свойства, которое только ему свойственно, как быстрый бег – лошади, и по которому можно судить о его достоинстве и значимости? И разве это не будут скромность, преданность, справедливость? Так покажи же мне, каковы твои преимущества передо мною во всём этом! Покажи мне, что ты значишь больше, чем я, как человек. А если ты говоришь мне: «Я могу ржать и лягаться», я скажу тебе, что ты гордишься достоинствами, которые пристали ослу и лошади, а вовсе не человеку.

Ты говоришь мне: «Я претор в Греции». Кто претор, ты? А ты разве умеешь судить?⁸ Где же ты научился этому искусству? «У меня грамота кесаря». А если бы кесарь выдал тебе грамоту, что ты музыкант – тебе, не знающему ни одной ноты, – что бы ты с нею делал и какую бы она тебе сослужила службу? Но оставим это. Я спрашиваю тебя только об одном: какими способами ты добился своей должности? Через кого ты её получил? Кому ты делал подарки? Кому ты целовал руку? Под чьей дверью ты спал?

Ценой каких низостей, каких подлостей, какой лжи ты её получил?»

Здесь ничего не дают просто так. Ты хочешь стать консулом? Тогда надо строить козни, умолять, выпрашивать, целовать руку тому, сему, ползать под его дверью, совершать тысячу низостей и тысячу подлостей, ежедневно делать всё новые подарки – так добиваются успеха среди людей. А что значит быть консулом? Это всего-то значит, что впереди тебя по улице будут идти двенадцать ликторов с пучками прутьев,⁹ что раза три или четыре тебе придётся заседать в трибунале и устроить народу пиры и игры – вот, собственно, и всё. А для того, чтобы быть свободным от страстей и забот, чтобы обладать постоянством среди перемен и великодушием среди низости, чтобы спать, когда спишь, и бодрствовать, когда бодрствуешь, чтобы не знать ни тревог, ни страхов, ты не хочешь ничего пожертвовать, не хочешь приложить ни малейшего усилия? Суди сам, прав ли ты.

Кого-то предпочли тебе на пиру, в совете или кого-то навестили вместо тебя, сочтя это более интересным. Если эти предпочтения благо, ты можешь радоваться тому, что они достались твоему ближнему. А если они зло, то не огорчайся из-за того, что всё это случилось не с тобой, а лучше вспомни, что коль скоро ты не делал того, что делают все, кто стремятся к не зависящим от нашей воли вещам в надежде получить их, то ты и не можешь иметь ту же награду, что они. Ибо, как тот, кто ни разу не стоял под дверью вельможи, может рассчитывать на то же внимание с его стороны, что и тот, кто стоит под ней денно и ночью? Как тот, кто не сопровождает его постоянно, когда он выходит из дому, может состязаться с тем, кто берёт на себя такой труд? Как тот, кто не хвалит его и не льстит ему, может соперничать с тем, кто только и делает, что занимается лестью и славословием? Ты, стало быть, несправедлив и неразумен, если, не давая ничего, чем покупаются все эти милости, хочешь пользоваться ими, не заплатив за них

соответствующую цену. Сколько стоит на базаре пучок лука? Одну лепту. Если твой сосед, придя на базар, платит причитающуюся лепту и уносит свой лук, а ты, не платя своей лепты, возвращаешься без лука, не воображай себя беднее соседа, ибо если у него есть лук, то у тебя есть лепта, которую ты за него не заплатил.

Точно так же во всём. Тебя не позвали на пир? А разве ты заплатил хозяину цену, за которую он продаёт своё приглашение? И цена ему – похвала, посещение, подобострастие, подчинение. Стало быть, заплати по цене, коли вещь тебе так важна. А если ты хочешь иметь товар, не заплатив цену, то ты жаден и несправедлив. Но разве у тебя нет ничего, что заменяло бы тебе пир, на котором ты не был? Конечно же, есть, и оно куда предпочтительней этого пира. Что же это? А вот что: тебе не пришлось хвалить того, кто не заслужил похвалы, и тебе не нужно было стоять у него под дверью, терпя измывательства в ожидании, что тебя впустят.

Вместо того, чтоб обвинять Провидение, загляни внутрь себя – и ты воздашь Ему хвалу. Какие у недостойного человека преимущества перед тобой? Он богаче тебя? Но загляни ему в душу, посмотри, какую жизнь он ведёт. Видишь: для тебя оскорбление – походить на него. Это самое я и сказал вчера одному юноше, раздосадованному благоденствием Филосторга. «Послушай, – говорю я ему, – а ты бы смог спать с Сурой?» – «Боже упаси, – отвечает он, – лучше уж смерть». Что же ты досадуешь на Филосторга, когда он получает плату за то, что продаёт Суре? И почему ты считаешь его счастливым, если то, что у него есть, вызывает твоё отвращение? Чем же тебя обидело Провидение, даровав тебе лучшее, что у Него есть? Разве мудрость не лучше богатств, разве она не дороже их? Так и не жалуйся, ибо самое ценное у тебя, а не у кого-то ещё.

Как ты слеп и несправедлив! Ты можешь зависеть только от себя самого, и ты хочешь зависеть от бесчисленного

множества вещей, кои тебе совершенно чужды и которые, все до единой, отдаляют тебя от твоего истинного блага!

Ты не можешь быть ни Гераклом, ни Тезеем,¹⁰ чтобы очистить землю от чудовищ. Но ты можешь уподобиться им, очистившись от чудовищ, которые сидят внутри тебя. Внутри тебя есть и вепрь, и лев, и гидра – укроти же их. Вместо того, чтоб покорять Прокруста¹¹ и Скирона, укроти боль, боязнь, жадность, зависть, злость, скупость, вялость, расслабленность и неумеренность. Есть только один способ укротить этих чудовищ: во всём иметь в виду Бога, служить Ему, верить в Него, повиноваться лишь Его повелениям.¹²

Сбрось же наконец с себя иго рабства и невежества и, освободившись, обрати глаза к небу, и скажи Богу твоему: «Хочу служить Тебе верой и правдой, готов принять всё, что Ты ниспослешь мне, и быть свидетелем Твоим перед всеми людьми!»

Вместо того, чтобы угождать богатому старику, угождай мудрецу. За такую угодливость тебе не придётся краснеть; общаясь с мудрецом, ты обретёшь величайшее сокровище. Не веришь мне? А ты попробуй. В такой попытке срама нет.

Помни, что в жизни ты должен вести себя, как на пиру. Тебе предлагают блюдо с яствами? С достоинством и не спеша протяни руку и возьми себе немного лакомства. Блюдо передают назад? Не удерживай. Тебе его ещё не передали? Не торопи, но спокойно жди, когда оно до тебя дойдёт. Примени это правило по отношению к женщине, к детям, к должностям и наградам, к богатству – и ты окажешься достоин, чтобы тебя допустили даже к столу богов. И если и там ты откажешься от угощений и покажешь, что ты выше этого, то ты станешь не просто сотрапезником богов, но и одним из них и будешь править вместе с ними. Именно так

поступая, Диоген,¹³ Гераклит¹⁴ и некоторые другие стали людьми божественными и признаны таковыми всем миром.

Сократ¹⁵ любил своих детей, но он любил их как подобает любить свободному человеку и человеку помнящему, что сильнее всего следует любить богов. Вот почему он ни разу не сделал и не сказал ничего такого, что было бы недостойно человека добра – ни тогда, когда защищался перед своими судьями, ни тогда, когда был государственным мужем, ни тогда, когда был на войне. У нас же всё оказывается поводом для низости и трусости: дети, мать или брат. А между тем мы не должны становиться несчастными ради кого бы то ни было; напротив, все живые существа мы должны заставить служить нашему счастью; и прежде всего, – богов, создавших нас для того, чтобы мы были счастливы.

Никогда, ни по какому поводу, не говори: «Я *потерял* то-то», а говори: «Я *вернул* то-то». Твой сын умер? Ты вернул его Тому, Кто его тебе даровал. Твоя жена умерла? Её тоже ты вернул. Тебя лишили твоей земли? Ты опять-таки вернул то, что было дано тебе во временное пользование. Но тот, кто у тебя её отнял – негодяй? Какая тебе разница, чьими руками пожелал вернуть себе её Тот, Кто тебе её дал? И пока Он оставляет её тебе, пользуйся ею, как вещью нисколько тебе не принадлежащей на манер того, как путешественник пользуется гостиницей.

Вообрази себе государство, управляемое в согласии с принципами безбожника и сластолюбца. Всё там окажется перевернуто самым нелепым образом, во всём будет царить неразбериха. Люди перестанут заключать браки, должностные лица – исполнять свои обязанности, не будет ни ремёсел, ни стражей порядка, ни образования. Благочестие, справедливость, стыд искоренятся. Люди будут следовать лишь дурным примерам, руководствоваться вздорными мнениями, пагубными для государства и утверждать которые сегодня не посмела бы ни одна самая распутная женщина. А

в государстве, управляемом в согласии с правилами разума, будут царить приличие и порядок. Люди руководятся здоровыми мнениями, всем добродетелям оказан почёт, справедливость торжествует и порядок поддерживается во всём. Люди будут вступать в браки, у них будут дети, которых они станут воспитывать, и люди будут помнить о Боге. Там мужу будет достаточно своей жены, и он не станет заглядывать на жену соседа; он будет доволен своим имуществом и не станет посягать на чужое. Короче говоря, все обязанности там будут исполняться, а отношения – укрепляться.

Будь твёрд в соблюдении всех этих правил, повинуйся им как законам, малейшее нарушение которых ввергает в нечестие, и нисколько не заботься о том, что будут говорить о тебе другие, ибо это не относится к числу вещей, находящихся в твоей власти.

О ЖЕЛАНИИ И СВОБОДЕ

Счастье и желание избегают друг друга и никогда не бывают вместе.

Желай, чтобы всё происходило не так, как тебе хочется, а так, как оно произойдёт; и тогда, что бы ни произошло, ты всегда будешь счастлив.

Если ты хочешь, чтобы дети, жена и твои друзья жили вечно, то ты глупец, ибо это значит желать, чтобы то, что от тебя не зависит, зависело от тебя, и чтобы то, что принадлежит другому, принадлежало тебе. Точно так же, если ты хочешь, чтоб твой слуга всегда был безупречен, то ты глупец, ибо это значит желать, чтобы порок не был больше пороком, но стал бы чем-то другим. Хочешь ты, чтоб желанья твои тебя более не обманывали? ты ведь можешь достичь этого: желай только того, что зависит от тебя.

Нет насилия, которое могло бы лишить нас свободы выбора.

Ты садишься на корабль и хочешь попутного ветра для своего плаванья. Пока же он не задул, ты сидишь в унынии и то и дело выходишь посмотреть, какой ветер там дует. «Ах, опять этот противный северный ветер! Сколько он ещё будет дуть?! Что мне делать с этим встречным ветром?! И когда будет ветер попутный?» И т.д. Друг мой, он будет, когда то ему будет угодно, или вернее, когда то будет угодно тому, кто им повелевает. Или ты тоже повелитель ветров, некий новоявленный Эол? Тебе предстоит заняться лишь тем, что зависит от тебя, а всё остальное принимать таким, каково оно есть или каким окажется.

Всё то, чем люди так восхищаются, всё, ради приобретения чего они так волнуются и хлопочут, всё это не

приносит им ни малейшего счастья. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них ещё нет. Не удовлетворением своих праздных желаний достигается спокойствие, но, наоборот, избавлением себя от таких желаний.

Пойми хорошенько и постоянно помни, что человек всегда поступает так, как ему кажется лучше для себя. Если это на самом деле лучшее для него, то он прав; если же он ошибается, то ему же хуже, потому что за всяким заблуждением непременно следует и страдание. Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь ни сердиться, ни возмущаться кем-либо, никогда никого не будешь ни попрекать, ни бранить и ни с кем не будешь враждовать.

Вот ты едешь в Рим. В столь долгое странствие ты отправляешься, дабы добиться иной должности вместо нынешней, которая, как ты считаешь, тебе мало подходит. А тебе не приходило в голову, что гораздо важнее изменить не свою должность, а свои мнения и те чувства, которые ты испытываешь? Разве ты хоть раз отправился в путь, чтобы исправить в себе какой-то порок или предубеждение? Когда за всю жизнь ты подверг рассмотрению свои превратные мнения? Все годы жизни ты делал то же, что и сейчас: бежал от насущного в погоне за второстепенным.

Вот человек, только что ставший народным трибуном. Он возвращается к себе; дом его залит светом; все кидаются к нему с поздравлениями. И он идёт в capitoлий, приносит жертвы, благодарит богов за столь небывалый успех. А был ли среди нас хотя бы один, который поблагодарил бы их за то, что у него только здравые суждения, а желания его умеренны и ни в чём не противоречат природе?

Глупо желать, чтобы то, что от тебя не зависит, зависело от тебя, и то, что принадлежит другому, принадлежало тебе. Но так именно и поступает тот, кто хочет, чтобы дети его, его жена и друзья жили вечно.

Фрасил сказал, что предпочитает быть убитым сегодня, чем оказаться изгнанным завтра. Что ответил ему на это Курций Руф?¹⁶ – «Если ты выбираешь первое, считая иной исход самым ужасным, то ты безрассуден. Если же ты выбираешь его, считая его самым лучшим, то кто дал тебе право делать подобный выбор?»

О СВОБОДЕ

Свобода состоит в желании того, чтобы всё происходило не так, как тебе нравится, но так, как оно происходит.

Самое важное – это независимость нашего духа от всего внешнего, поскольку оно не находится в нашей власти.

Если ты потеряешь свою свободу, то взамен не получишь ничего столь же ценного.

Разве боги лишь за тем дали тебе разум, чтобы сделать тебя несчастным?!

Только когда истинно, от всей души скажешь, что во всём том, в чём ты знаешь волю Бога, ты не имеешь своей, а делаешь только то, чего Он хочет, тогда только ты сделаешься вполне свободным.

Терпи и воздерживайся!

Тот, кто умеет должным образом приноровиться к необходимости, становится мудр и сведущ в делах божественных.

Я всегда предпочитаю то, что со мной происходит, тому, что могло бы со мной произойти, ибо убеждён, что боги лучше меня знают, в чём моё благо. Я, стало быть, уповаю на них, следую им, сверяю по ним свои желания, поступки, убеждения и опасения. Словом, я хочу только того, чего они хотят.

Храни то, что принадлежит тебе, и не желай чужого – ничто тогда не сможет помешать тебе быть счастливым.

Хочешь, чтобы желания твои не причиняли тебе вреда? Ты можешь этого добиться: желай лишь того, что находится в твоей власти.

Что бы ни случилось, всецело в моей власти извлечь из того великую пользу.

«Поскольку свободный человек тот, с кем случается всё, чего он желает, – сказал мне один безумец, – то и я тоже хочу, чтобы со мной случалось то, что мне нравится». Э, нет, голубчик, безумие и свобода никогда не бывают вместе. Свобода – вещь не только отменно прекрасная, но и весьма разумная, и нет ничего более нелепого и неразумного, как желать того, что вздумается, и хотеть, чтобы всё происходило, как мы то помышляем. Когда мне нужно написать имя «Дион», нужно, чтобы я писал его не так, как мне придёт в голову, но так как оно пишется, не изменяя ни единой буквы. Точно так же обстоит дело и во всех науках, искусствах и ремёслах. А ты хочешь, чтобы применительно к самой великой и важной вещи – я имею в виду свободу – царили прихоть и произвол! Нет, дражайший, свобода состоит в том, дабы желать, чтобы всё происходило не так, как тебе нравится, но как оно происходит.

Ты надеешься, чтобы будешь счастлив, как только добьёшься желаемого. Ты заблуждаешься. Счастья ты так не достигнешь, потому что всё те же волнения, всё те же печали, разочарования, опасения и желания будут осаждать и преследовать тебя. Счастье состоит вовсе не в том, чтобы приобретать и наслаждаться, а в том, чтобы не желать, потому что только тогда можно быть свободным.

Боги даровали мне свободу, и я ведаю их повеления. Никто, стало быть, не может ввергнуть меня в рабство, ибо у меня есть освободитель, нужный мне, и у меня есть судьи, мне нужные.

Ужели есть такой человек, который желал бы жить в преступлении, в несправедливости, постоянно терзаться завистью, ревностью, вечно жаловаться, испытывать неловкость, быть снедаемым желаниями и непрестанно пребывать во власти страха и отчаянья? Нет такого человека. Стало быть, нет дурного человека, который бы делал то, что он хочет, и, стало быть, нет дурного человека, который был бы свободен.

Тот, кто подчиняется людям, сначала подчинился вещам.

Как малейшая невнимательность кормчего может погубить корабль, так и малейшая наша небрежность, малейшая невнимательность может лишить нас всех успехов, которых мы добились в постижении мудрости. Будем же бдительны. Ведь то, что нам следует хранить, куда дороже и бесценнее корабля, до краёв загружённого золотом. Это – стыд, это – верность, постоянство, покорность Божьей воле, неуязвимость для боли, волнения, страха – словом, истинная свобода.

Ради свободы, которая на самом деле ложна, люди подвергаются опасностям, бросаются в море, прыгают с самых высоких башен. Ради неё целые города подвергались самосожжению. А ты, ради подлинной свободы, истинной и надёжной, ты не хочешь ничем поступиться, не желаешь приложить ни малейшего усилия?

Если я люблю своё тело, если я привязан к своим вещам, то я пропал, я сразу превратился в раба. Здесь буду я уязвим для всякого, кому вздумается завладеть мною.

Прогони свои желания и свои страхи – и сразу избавишься от всех тиранов.

Помни, что не одно только стремление к почестям, власти и богатству превращает нас в рабов и заставляет подчиняться. Это же делают с нами желание отдыха, досуга, стремление путешествовать и учиться. Словом, все внешние вещи, каковы бы оне ни были, ввергают нас в зависимость, когда мы их ценим. Настоящим хозяином каждого из нас оказывается тот, в чьей власти дать или отнять у нас то, что мы хотим или не хотим. Пусть же каждый желающий быть свободным не хочет и не избегает зависящего от других, в противном случае он необходимо превратится в раба.

Главное, ничего не бойся, и ни в одном человеке не увидишь ничего страшного или грозного, ведь не представляет же лошадь угрозы для другой лошади, или пчела опасности – для другой пчелы. Или ты не видишь, что твои желания и страхи – это вражеские лазутчики, которых твои самозванные хозяева поддерживают в сердце твоём, как в крепости, дабы докучать тебе и подчинять себе? Прогони этих вражеских наёмников, вновь утверди власть свою в своей крепости, и ты станешь свободен.

Есть большие рабы и маленькие. Маленькие – это те, что отдаются в рабство из-за мелочей – ради обедов, ради ночлега, ради мелких услуг. Большие – те, которые отдаются в рабство, чтобы стать консулами, наместниками провинций. К числу таких рабов принадлежат и те, кого несут в носилках и перед кем шествуют ликторы с фасциями; и рабство таких ещё обременительнее, чем у прочих.

Чтобы судить, свободен тот или иной человек, не смотри на его должность и звание, ибо чем выше он поставлен, тем более он раб. «Но, – говоришь ты, – я вижу, что многие из них делают всё, что им вздумается». Нисколько не сомневаюсь, я только предупреждаю тебя, что это раб, который в течение нескольких дней пользуется привилегией сатурналий или хозяин которого в отъезде. Подожди, вот праздник кончится, или вернётся его хозяин, тогда и смотри

на него, чтобы видеть его в истинном свете. «А кто его хозяин?» – Это любой, в чьей власти даровать ему желаемое или лишить его такового.

Ты больше не желаешь быть в числе рабов? Так порви свои цепи, освободи себя, не питая ни досады, ни боязни. Аристида¹⁷ называли справедливым, Эпаминонда¹⁸ – освободителем, а Ликурга¹⁹ – богом не потому, что они были богаты и у них было много рабов, но потому, что хотя они и были бедны, они вернули Греции свободу.

«Как! жалкий философишка, – сказал мне один вельможа, похвалявшийся своей свободой и независимостью, – ты осмеливаешься называть меня рабом – меня, чьи предки были всегда свободными людьми? Меня – сенатора и бывшего консула, меня – монаршего любимца?» А ты, великий сенатор, попробуй доказать мне, что и твои предки не находились в том же рабстве, что и ты. Но я даже готов здесь согласиться с тобой: они были великодушны, а ты корыстен, они были умеренны, а ты живёшь в распутстве и роскоши. – «Какой же от того ущерб моей свободе?» – Огромный, ведь разве ты назовёшь свободным того, кто делает, чего не желает? – «Но я как раз делаю то, что желаю, и никто не может заставить меня к чему-либо другому, кроме императора, моего владыки, который хозяин всему». Вот ты сам и дал признание, великий вельможа, что у тебя есть хозяин, который может заставить тебя делать всё, что ему угодно. И то, что он хозяин всему, может служить тебе весьма печальным утешением, так как это значит, что ты находишься на положении раба в большом доме среди миллионов других рабов.

Вот ты стал консулом или губернатором провинции. С чьей помощью ты этого добился? С помощью Фелициона? А вот мне бы и жизнь опротивела, будь я чем-то обязан Фелициону и окажись вынужден терпеть его гордыню и рабское самомнение. Ибо я знаю, что он всего-навсего раб,

воображающий себя счастливым и ослеплённый своим везением. «А ты сам так ли уж свободен?» – скажешь ты мне. Нет, я всего лишь стремлюсь к этому. Но пока что ещё этого не достиг. Я ещё не могу смотреть на моих хозяев твёрдым взглядом; я ещё привязан к своему телу, и как оно ни увечно, я всё ещё хочу сохранить его. Я признаюсь тебе в своей слабости. Но если ты хочешь, чтобы я показал тебе человека понастоящему свободного, так это – Диоген. «В чём же причина его свободы?» Причина в том, что он порвал все связи, которые приводили его к зависимости. Он освободился от всего, ни с какой стороны нельзя было к нему подступиться, и ничто не держало его на крючке. Вы хотели лишить его имущества – он отдавал его вам; хотели лишить его ноги или всего тела – он не препятствовал вам; но он был безгранично предан Богу, и никто не мог превзойти его в послушании, в уважении, в подчинении этому верховному владыке. Вот в чём источник его свободы. Ты, быть может, на это скажешь: «Вот поистине пример человека одинокого, которого ничто не связывало с миром». Так ты хочешь пример человека, который не был одинок? – Пожалуйста. Вспомни тогда Сократа: у него была жена и дети, и он был ничуть не менее свободен, чем Диоген, потому что как и Диоген он всё подчинил закону и послушанию закону, которое закон налагает.

Ты только что освободил своего раба, а сам ты, даровавший ему свободу, подлинно ли ты свободен? Разве ты не раб своих денег, своей жены, своей любовницы, какого-нибудь тирана и последнего раба этого тирана?

В жизни мы почти все похожи на беглых рабов, присутствующих на зрелищах. Этим рабам доставляет большое удовольствие лицезреть пышность игр; они восхищаются актёрами трагедии; но они пребывают в крайнем беспокойстве и постоянной тревоге и всё время испуганно смотрят по сторонам. И если ненароком прозвучит имя их хозяина, их охватывает ужас и они обращаются в

бегство. Точно так же и мы: мы восхищаемся чудесами и красотами природы; зрелище это нас очаровывает, но мы постоянно испытываем тревогу, и если прозвучит вдруг имя нашего хозяина, мы чувствуем, что попались. А что такое этот хозяин? Это не человек, потому что один человек не может быть хозяином другому человеку. Это – смерть, это – жизнь, сладострастие, боль, бедность, и это – богатство. Пусть хоть сам кесарь приступит ко мне без этой свиты – и ты увидишь мою твёрдость. Но если он явится в сопровождении таких спутников, изрыгающих громы и молнии, полных угрозы, и если я их боюсь, то разве не похож я на беглого раба, трепещущего перед хозяином своим? Но если только я не боюсь их, то вот я и на полной свободе, и нет у меня иного хозяина, кроме самого себя.

Диоген весьма удачно выразился, что единственное средство сохранить свою свободу – это всегда быть в готовности умереть без особого труда.

Тот же Диоген писал царю Персии: «Обратить в рабство афинян не более в твоей власти, чем обратить в рабство рыб. Рыба, вытщенная из воды, проживёт дольше, чем афинянин, попавший в рабство».

Что заставляет людей бояться тирана? Его стражники и приспешники, вооружённые мечами и пиками. Но пусть к ним подойдёт ребёнок – он их не боится. Чем это вызвано? Тем, что ребёнок не знает опасности. А ты, ты должен её знать и её презирать.

Один тиран говорит мне: «Я властелин. Я могу всё». – И что же ты можешь? Ты можешь обзавестись умом? Ты можешь лишиться меня моей свободы? Так что же ты тогда можешь? Находясь на корабле, разве не зависишь ты от кормчего? И в своей повозке разве не зависишь ты от своего возницы? «Все заискивают передо мной». Но разве так обращаются с человеком? Покажи мне хоть одного, кто

считал бы тебя таковым, кто хотел бы на тебя походить, быть твоим учеником, как если бы ты был Сократом. «Но я могу приказать отрубить тебе голову!» Ты правильно говоришь, я забыл, что с тобой следует обращаться как со злым божеством и задабривать тебя подношениями, как болезнь. Разве у лихорадки нет алтаря в Риме? Ты более заслуживаешь его, чем она, ибо ты куда злотворнее: но пусть твои приспешники и нелепая пышность пугают простонародье, на меня они не производят никакого впечатления. Не тебе тревожить меня, ибо тревожу себя только я сам. Ты без толку грозишь мне, я говорю тебе, что я свободен. «Ты свободен! Каким образом?» Само божество освободило меня. Неужели ты думаешь, будто Бог потерпит, чтобы сын Его подпал власти такого, как ты? Ты властелин этого трупа, так и завладей им; но надо мной ты не имеешь никакой власти.

Философы учат тому, что человек свободен. «Они учат, стало быть, не признавать власть императора». Отнюдь нет. Ни один философ не учит подданных противиться власти монарха или воспрепятствовать её проявлению над тем, что ей подлежит. Вот моё тело, вот моё имущество, вот моё доброе имя, вот моя семья – я вверяю их тебе. И если ты сочтёшь, что я кого-то учу не вверять их тебе, то вели казнить меня как мятежника. Не этому я учу людей, я учу их только тому, чтобы они сохраняли свободу своих мнений, единовластными хозяевами которых их сделало божество.

Рабство тела – это дело судьбы, а рабство души – это дело порока. Тот, чьё тело свободно, но чья душа связана и скручена, – раб, а того, чья душа свободна, тщетно приковывать и обвешивать цепями, он пользуется полной свободой. Рабству тела природа кладёт конец смертью, но рабству души полагает предел одна только добродетель.

О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ

Богатому так же трудно приобрести мудрость, как и мудрому приобрести богатство.

Не в твоей власти быть богатым, но в твоей власти быть счастливым. Само богатство далеко не всегда – благо, и обладание им, уж точно, всегда скоротечно, а вот счастье, приистекающее от мудрости, длится вечно.

Кто же это может дать другим то, чего он не имеет сам?

Точно так же как мерилom для размера башмака каждому служит его нога, так и безошибочным мерилom для размеров потребного богатства человеку оказывается собственное тело. Держись этого правила – и у тебя всегда будет верная мера, и знай, что если ты от него отступишься, то тебе беда: ты будешь неудержимо катиться к пропасти и в конце концов в неё свалишься. Это так же, как с башмаком: стоит тебе выйти за пределы нужд твоей ноги, как ты потребуешь не простых башмаков, а изукрашенных вышивкой; затем подай тебе башмаки, обшитые жемчугом; а там, глядишь, уже и без золочёных тебе никак не прожить. Нет этому конца. И оно всегда так: стоит утратить чувство меры – и ничто не остановит твоих притязаний, и радости тебе не будет ни в чём.

Жизнь, сопряжённая с богатством, похожа на бурный поток: вода в нём мутная, грязная, полна опасностей и неистовства, с грохотом и шумом несётся мимо, в то время как жизнь души добродетельной походит на водоём, коий всегда даст напиться чистой, светлой, живой воды, которая в нём в изобилии и никогда не иссякнет.

Ты собрал много красивых вещей, у тебя много золотых и серебряных ваз, ты богат, но лучшего тебе всё

равно не хватает. Не хватает постоянства, покорности воле богов, спокойствия, свободы от волнения и страха. Право слово, как я ни беден, я гораздо богаче тебя. Мне не нужен покровитель при дворе; мне неважно, что могут сказать обо мне государю; и лесть не оскверняет моей речи. Вот какие богатства есть у меня. А у тебя, хоть вазы и из золота и серебра, но все твои мысли, желания, стремления, поступки – из пыли да грязи.

Как угнетает человека не сама бедность, а нежелание быть бедным, так и от всякого страха его освобождает не богатство, а разум.

Разве гадюка или какая иная ядовитая змея из-за того, что она сидит в золотой клетке, покажется тебе привлекательной? Разве её злотворная и смертоносная сущность не будет вызывать у тебя того же ужаса и отвращения, что и прежде? примени это же правило и к злодею, который благоденствует среди своих богатств.

Не украшай дома своего прекрасными статуями и картинами, но пусть повсюду в нём будут слышны слова мудрости и проявляется чувство меры. Картины – всего лишь обман зрения и соблазн для глаз, тогда как мудрость – украшение подлинное, верное и непреходящее.

Обставлять свой дом дорогой и красивой мебелью – значит всего лишь любить роскошь; а вот впустить в душу свою доброту, великодушие, справедливость – значит поистине сделаться благородным человеком.

Дитя просовывает руку в кувшин с узким горлышком. В кувшине орехи и семечки. Дитя хватается столько, сколько может взять, и плачет из-за того, что рука не вынимается. «Дитя, не бери всего, возьми меньше – и ты вытащишь руку, и в руке будет много орехов и семечек». Ты такое же дитя: ты

хочешь очень многого и не можешь ничего получить; желай меньшего – и ты своё получишь.

Не думай, будто здраво рассуждаешь, если говоришь: «Я богаче тебя, а значит, я лучше, чем ты». Или: «Я красноречивее тебя, стало быть, я больше значу, чем ты». Чтобы рассуждать здраво, надо говорить так: «Я богаче тебя, стало быть, моё имущество больше твоего. Я красноречивее тебя, значит, моя речь чище твоей». У тебя же нет ни подлинного преимущества, ни чистоты речи.

Представь, что с балкона дворца в народ на площади кидают семечки и орехи. Дети толкаются и дерутся, подбирая их, но взрослые люди не обращают на это никакого внимания. Вот распределяют должности наместников провинций; это всё семечки для детей. Вот пошли должности преторов и консулов; всё это опять же для детей. Для меня, для человека взрослого, это – лишь семечки и орехи. Вот одна случайно попала на моё платье – я беру и охотно съедаю её. Но большего она не стоит, я не стану нагибаться, чтобы её поднять, и не стану никого толкать.²⁰

Не забывай, что богачи, тираны и цари – всегдашние герои трагедий, а прочие люди, если и появляются в них, то ненадолго и никогда не играют значительной роли. Цари процветают в самом начале пьесы; всё улыбается им, их прославляют, уважают, убажуют, возводят им святилища, чертоги их изукрашивают особенным образом, преданные вассалы стремятся угадать малейшее их желание. Но уже в третьем или четвёртом действии сей герой восклицает: «О, горе тебе, Клитерон! Какое жестокое несчастье тебя постигло! И зачем только ты на свет народился?» И, глядишь, когда падает занавес, он и впрямь умирает в самых жестоких мучениях или его каким-то зверским образом убивают.

Боги оставляют меня в бедности, в ничтожестве, в неволе. Это случается вовсе не из-за их ненависти ко мне, ибо где найти такого хозяина, который бы ненавидел преданного

ему слугу? И не по небрежности это происходит, ибо они не пренебрегают и самой незначительной вещью. Они просто хотят, чтобы у меня была возможность упражняться в добродетели, они хотят выяснить, в самом ли деле они имеют во мне хорошего солдата, хорошего гражданина; и в конце концов, они хотят, чтобы я выступал их свидетелем перед другими людьми.

О ДОСТОИНСТВЕ И ТВЁРДОСТИ ХАРАКТЕРА

Отныне и впредь определи себе соответствующий характер и старайся его держаться; выработай правила поведения, которым ты всегда будешь следовать независимо от того, находишься ли ты сам с собой или в обществе других.

Не смейся подолгу, не смейся по часту или с избытком.

Избегай трапез вне дома и уклоняйся от многолюдных застолий. И если какие-то исключительные обстоятельства всё же вынудят тебя присоединиться ко всем, то удвой бдительность над самим собой, чтобы тебе не уподобиться протонародью. Ибо знай: коли один из сотрапезников перепачкается, то и сидящий рядом с ним и поступающий так же, как тот, тоже будет испачкан, как бы он до этого ни был чист сам по себе.

Вещами необходимыми для тела пользуйся лишь в той мере, насколько то нужно душе. Это касается прежде всего пищи, одежды, жилья, слуг и тому подобного; и безжалостно отвергай всё, что служит для убления расслабленности и тщеславия.

По большей части храни молчание и говори только необходимое, причём в немногих словах. Нам редко придётся говорить, если мы будем стремиться говорить только по существу. Будем всегда воздерживаться от обычных и пустых разговоров: ни слова, стало быть, ни о гладиаторских боях, ни о скачках, ни о состязаниях атлетов, ни о том, что кто пил и что кто ел – ведь именно таковы обычные разговоры между людьми. Особенно же будем избегать говорить о людях, чтобы их порицать, хвалить или сравнивать друг с другом.

Своими речами постарайся направить беседу твоих друзей на предметы приличные и подобающие, а если

окажешься в обществе людей посторонних, то упорно храни молчание.

Ты заключаешь в себе качества, каждое из которых предполагает исполнение определённых обязанностей. Ты человек, ты муж весомый, ты гражданин мира, ты сын богов, ты брат всем людям. И только после этого, во вторую очередь, ты сенатор или кто-то ещё, юноша или старец, сын, отец, муж. Подумай же, к чему все эти качества тебя обязывают, и постарайся не уронить достоинство ни одного из них.

Тебе не на что жить, и ты меня спрашиваешь, следует ли тебе, дабы добыть средства к жизни, опуститься до исполнения самой низменной работы, например, подавать ночной горшок тому, кто тебе за это платит. Что я могу тебе на это сказать? Есть люди, готовые подавать ночные горшки, лишь бы не умереть с голоду. А есть такие, для которых это совершенно невозможно. Так что не меня тебе надо спрашивать, а самого себя: суди сам, чего ты всё-таки стоишь.

Люди по собственному почину ценят себя либо очень высоко, либо очень низко, и каждый стоит ровно столько, как он себя ценит. Так что сам определись, кто ты: свободный человек или раб – это целиком в твоей власти.²¹

Ты хочешь походить на большинство людей. Это значит, что ты будешь похож на одну из нитей, составляющих твою тунику: она совершенно похожа на все остальные нити, её составляющие. А что до меня, так я желаю быть вот этой пурпурной лентой: она не только красива сама по себе, но и украшает всё, к чему её приложат. Так почему же ты предлагаешь мне быть таким, как все? Я бы превратился в нитку и перестал быть пурпурной лентой.

Прекрасно сказал Агриппин: «Я никогда не соглашусь стать помехой самому себе».²²

До коих ещё пор ты будешь откладывать и не считать себя достойным самых великих вещей; когда наконец ты станешь следовать здравому рассудку? Ты получил правило, с которым должен согласиться, и ты согласился. Чего же ещё ты ждёшь, в ожидании чего откладываешь исполнение своего дела? Ты уже не ребёнок, а взрослый человек. Если ты будешь и дальше пренебрегать собой, если и дальше будешь развлекаться, если будешь всё время менять свои решения, если каждый день будешь назначать всё новые сроки для занятий над самим собой, то в конце концов и не заметишь, как жизнь кончится, а ты так ничего и не сделаешь, и окажется, что ты упорствуешь в своём невежестве и при жизни, и после смерти. Смелее же, с сегодняшнего же дня считай себя достойным жить как человек, и как человек, уже продвинувшийся в мудрости. И пусть всё, что ты сочтёшь прекрасным и добрым, будет тебе ненарушимым законом. Если тебе представится что-либо мучительное или приятное, славное или постыдное, тут же вспомни, что вот он открытый бой, вот олимпийские игры, в которых ты должен одержать победу и от участия в которых нет возможности отказаться и нет возможности перенести его на другое время. И наконец, что от одного мгновения и от одного деяния мужества или трусости зависит твоё продвижение или твоя гибель. Именно так, заставляя все вещи служить себе и следуя всегда своему разуму, Сократ достиг совершенства. А что до тебя, то хотя тебе пока ещё и далеко до Сократа, но ты должен жить так, как желающий стать таким как он.

Как наличие маяков, горящих в гавани, оказывает помощь кораблям, сбившимся с курса, так и присутствие человека добра в городе, охваченном бурей страстей, служит большой помощью его гражданам.

Если у тебя знатные родители, то тебя распирает от этой знатности и ты не перестаёшь говорить о ней и уже всем прожужжал уши. Но твоим истинным отцом является сам Бог, ты имеешь Его внутри себя, и ты не помнишь об этой своей знатности, и не ведаешь, откуда ты произошёл и что ты носишь в себе! Вот однако о чём тебе следует помнить во всех делах жизни, всякий миг говори себе: «Бог создал меня, Он внутри меня, я всюду ношу Его с собою. Зачем же я стану марать Его непристойными мыслями, низкими и нечистыми делами, постыдными желаниями?»²³

Если бы Бог вверил твоим заботам юного воспитанника, ты, всячески стараясь оправдать оказанное тебе доверие, всемерно заботился бы о нём и никому не позволил как-то совратить его. Ведь вверяя его твоему попечению, Бог как бы говорил тебе: «Я не считаю, что могу его вверить в руки более верного и заботливого опекуна, чем ты. Сохрани же мне этого сына Моего таким, каков он есть по природе своей. Сохрани его Мне полным чистоты, стыдливости, верности, великодушия, отваги, свободным от смятения и неистовства страстей». И этот воспитанник, вверенный тебе Богом, – твоя душа, несчастный; это – ты сам. И ты пренебрегаешь собой. Какое вероломство, какое преступление!

Тебе было бы затруднительно совершить постыдные действия пред статуей или образом богов; но они тебя видят, они тебя слышат, и ты не краснеешь от стыда, что в присутствии их питаешь в себе непристойные мысли и совершаешь постыдные действия, которые их оскорбляют, которые их бесчестят, которые их огорчают. О, враг богов! О, неблагодарный из неблагодарных, ты начисто забыл свою природу!

Будь ты статуей Фидия, его Афиной или Зевсом, и теплись в тебе жизнь и обладай ты сознанием, ты бы остерегся сделать что-либо недостойное его или тебя самого,

помня о том, чьих рук ты творение; и ни за что на свете ты бы не пожелал появиться в непристойном виде, порочащем твою красоту. Так вот, нисколько не заботясь о том, в каком виде ты предстаёшь перед Богом, ты позоришь руку, создавшую тебя. И сколь огромна разница между одним творцом и другим, между одним творением и другим!²⁴⁻²⁵⁻²⁶

Если бы кто-нибудь отдал твоё тело во власть первого встречного, тебя бы, без сомнения, это возмутило. А когда ты сам отдаёшь свою душу во власть первого встречного, и тот, осыпая тебя оскорблениями, ввергает её в смятение и расстройство, так ты даже не краснеешь!

Когда ты делаешь что-либо и прекрасно сознаёшь, что это твоя обязанность, не заботясь о том, что тебя видят за исполнением её другие, сколь бы дурное мнение они о тебе при этом ни составляли. Ибо коли действие дурно, не делай его вовсе; а если оно хорошо, зачем тебе бояться осуждения тех, кто ничего не смыслят и судят невпопад?

Одна римская дама пожелала передать значительную сумму денег своей подруге по имени Гратилла, которую Домициан отправил в ссылку. Кто-то сказал этой даме, что Домициан наложит руку на эти деньги и их конфискует. «Неважно, – ответила она, – пусть уж лучше Домициан их присвоит, чем я их не пошлю».²⁷

Какого человека можно считать несокрушимым? Того, который твёрдо стоит на своём и не может быть сбит с толку ни одной из тех вещей, что не находятся в нашей власти. Я смотрю на него как на атлета. Он одержал победу в первом бою, выдержит ли он и второй? Он выдержал искушение деньгами, выдержит ли он и искушение красивой женщиной? Он выдержал искушение среди бела дня, у всех на виду, выдержит ли он его наедине с собой и во мраке ночи? Устоит ли он перед славой, клеветой, похвалами и смертью? Устоит ли он перед всевозможными неудобствами и печальями?

Словом, возобладает ли он даже над собственными снами? Вот атлет, который мне нужен.

Геракл – был бы он Гераклом без львов, тигров, вепрей, разбойников и прочих чудовищ, от которых он очистил землю? И чему бы без этих чудовищ служили его кряжистые руки, его сила, храбрость, несокрушимое терпение и все прочие его добродетели?

Мужайся же, сознай все способности, коими ты одарён и без страха готовься ко всяческим испытаниям: ты прекрасно вооружён и в состоянии извлечь пользу из любых несчастий, сколь бы они ни были ужасны.

Прежде, чем предстать перед трибуналом судей, предстань перед трибуналом справедливости.

Отказывайся от клятв во всём и везде, если это в твоей власти; а если нет, при малейшей к тому возможности.

«Ты не стремишься угодить такому-то, который так могуществен?» Пусть он будет могуществен, сколько ему влезет, разве в этом моё дело, разве я родился за тем, чтобы угождать ему? Разве нет у меня Того, Кому мне нравится, Кому повиноваться, Кому подчиняться? Это – Бог и те, кто стоят за Ним.

Когда тебе предстоит беседа с кем-либо, особенно если это одно из первых лиц города, задумайся, что сделали бы на этой встрече Сократ или Зенон.²⁸ Таким-то путём тебе не будет затруднительно исполнить свой долг и подобающим образом воспользоваться тем, что тебе представится.

Когда ты собираешься оказать почтение кому-либо из сильных мира сего, пообещай сам себе, что ты его не застанешь дома: пусть он откажется выйти, или тебе не откроют дверь, или он не обратит на тебя внимания. Если и

после этого твой долг зовёт тебя туда, выноси всё, что бы ни случилось, и не пытайся говорить или думать, что тебе это ничего не стоило, ибо так говорит простонародье или люди, над которыми вещи внешние имеют большую власть.

В повседневном общении избегай некстати или подолгу говорить о своих подвигах и опасностях, которым ты подвергался, ибо то, что тебе так приятно всё это рассказывать, вовсе не означает, что другим так же приятно всё это слушать.

Остерегайся также играть роль забавника или шутника, ибо это человек дурного нрава; пойдя по столь скользкому пути, ты незаметно для себя стал бы вульгарным и пошлым и утратил бы тот вес и уважение, какие имел в глазах окружающих.

Также очень опасно присоединяться к разговорам, где говорят непристойности. Когда окажешься втянут в такого рода беседы, при малейшей возможности отчитай того, кто ведёт подобные речи. Или в крайнем случае уж храни молчание и заливающей тебя краской стыда и строгостью лица дай понять, что такого рода разговоры тебе никакого удовольствия не доставляют.

Ты бледнеешь и дрожишь, тебе не по себе, когда тебе предстоит встреча с монархом или большим вельможей. «Как-то он меня примет? Станет ли он меня слушать?» Жалкий раб! Он тебя примет и выслушает, как сочтёт нужным. Тем хуже для него, если он плохо примет человека мудрого, он тем покажет лишь свою гнилую сущность. А тебя-то как может затронуть чужая ошибка? «Но как я буду с ним говорить?» Ты будешь говорить с ним, как пожелаешь. «Боюсь, что я буду сильно волноваться». А что, разве ты не умеешь говорить с достоинством, с осторожностью и неподдельной свободой? Из-за чего ты вздумал бояться другого человека? Зенон нисколько не боялся Антигона,

напротив, это Антигон боялся Зенона. Разве Сократ был в затруднении, когда говорил с тиранами или со своими судьями? Разве Диоген был в затруднении, когда говорил с Александром, с Филиппом,²⁹ с пиратами, со своим хозяином, который его купил?

Вспомни о храбрости Латерана.³⁰ Нерон послал к нему Эпафродита, своего вольноотпущенника, чтобы тот допросил его о заговоре, к которому он примкнул. И какой ответ этот вольноотпущенник получил от него? «Когда мне будет что сказать, я скажу то твоему хозяину!» – «Тебя припроводят в тюрьму!» – «Но какая нужда в том, чтобы я шёл туда со слезами на глазах?» – «Тебя отправят в изгнание!» – «Что мешает мне отправиться в него радостно, полным надежды и довольным собою?» – «Тебя приговорят к смерти!» – «Но какая нужда в том, чтобы я умирал, стелая и жалуясь?» – «Открой мне свою тайну!» – «А вот её-то я и не открою, ибо это в моей полной власти». – «Заковать его в кандалы!» – «Что такое ты говоришь, приятель? Это меня-то ты грозишь заковать в кандалы? Напрасный труд! Ты можешь заковать мои ноги, но моя воля останется свободной, и самому Юпитеру меня не лишит её». – «Я сейчас прикажу отрубить тебе голову!» – «Ба! а когда я говорил, что у моей головы есть преимущество неотрубаемости?» Эти храбрые слова не остались без последствий: Латерана повели на казнь, и так как первый удар палача был слишком слаб, чтоб отрубить ему голову, Латеран, придя в себя, снова подставил шею под удар и с большой твёрдостью держал голову.

Окажись мы в тюрьме накануне суда над нами по обвинению в преступлении, караемом смертью, смогли бы мы терпеть человека, который, войдя к нам, задал бы такой вопрос: «Хочешь, я прочитаю тебе стихи, которые только что сочинил?» Мы, наверняка, сказали бы ему: «Зачем, друг, ты докучаешь мне нелепыми разговорами? У меня сейчас другие заботы. Иль ты не знаешь, что завтра меня судят?» А между

тем, когда Сократ был в тюрьме, он, накануне пресловутого суда, сам сочинял стихи.

Хочешь увидеть человека всем довольного и который хочет, чтобы всё происходило, как оно происходит? Это Агриппин. Ему сообщают, что сенат собрался, чтобы судить его. «В добрый час, – отвечает он. – А я по обыкновению сейчас намерен помыться». Едва он закончил омовение, ему сообщают, что решение неблагоприятно и что он приговорён. «К смерти или к изгнанию?» – поинтересовался он. «К изгнанию». – «А моё имущество конфисковано?» – «Нет, его тебе оставили». – «Ну что ж, не откладывая, отправлюся в путь. Обедать буду в Ариции – обедать там можно с тем же успехом, что и в Риме».

Как-то Флор спросил Агриппина: «Идти ли мне в театр вместе с Нероном, чтобы там танцевать с ним?» – «Ступай», – отвечает ему Агриппин. «А ты, – спрашивает его Флор, – почему ты тоже не идёшь?» – «Да потому, – отвечает Агриппин, – что я об этом не подумал».³¹

Все великие правила, о которых идёт здесь речь, твёрдо запечатлелись в сердце Приска Гельвидия, и он достойно применил их на деле.³² Однажды император Веспасиан прислал повеление Приску Гельвидию не ходить в сенат. «В его власти освободить меня от моей должности, – ответил Гельвидий, – но я должен ходить в сенат, пока буду сенатором». – «Если придёшь, – сказал ему император, – то только для того, чтобы молчать». – «Не спрашивай моего мнения, – ответил Гельвидий, – и я промолчу». – «Но если ты присутствуешь, – возразил монарх, – я вынужден спрашивать твоё мнение». – «А я, – отвечает Гельвидий, – вынужден сказать тебе то, что мне представляется истинным». – «Но если ты это скажешь, я обреку тебя на смерть». – «Когда я говорил тебе, что я бессмертен? – спрашивает Гельвидий. – Каждый из нас с тобой делает то, что в его власти. Ты обрекаешь меня на смерть, а я переношу смерть без жалоб».

«Тебя приговорили к изгнанию». – Куда бы меня ни изгнали, это место не будет за пределами этого мира. Куда бы я ни поехал, везде будут небо, солнце, луна и звёзды. С тем же успехом я смогу там мечтать и мыслить, общаться с богами и служить им.

Все удовольствия, которыми ты наслаждался на родине и которых теперь лишился, замени следующим: постоянно помышляй о том, что ты повинешься богам и что в настоящее время ты действительно исполняешь долг человека добра и человека мудрого. Не правда ли, какое преимущество даровано тебе? – иметь возможность сказать самому себе: «Сейчас, когда все мудрецы наставляют своих воспитанников прекрасному и объясняют им, каковы обязанности человека добра, я претворяю их заветы на деле. Они объясняют всем мои добродетели, они славословят меня, сами того не ведая, ибо то, что они хвалят и чему учат других, я претворяю на деле».

О БОГЕ И РЕЛИГИИ

Когда ты ночью один в своей комнате, двери крепко заперты и потушен свет, не подумай, будто ты один, ибо один ты не бываешь никогда.

Самое первое, что нужно узнать, это то, что Бог есть; что Он управляет всем сущим через Своё провидение и что не только наши поступки, но и наши мысли и движения не могут быть Ему неизвестны. Затем нужно понять, какова Его природа. Когда её удалось выяснить, те, кто желают Ему быть угодными и Ему повиноваться, с необходимостью прилагают все силы к тому, чтобы на Него походить. Таким-то образом они постараются стать свободными, преданными, благотворными, милосердными, великодушными. Так пусть, стало быть, все твои мысли, все твои речи, все твои дела и поступки будут делами, поступками, речами и мыслями человека, подражающего Богу, желающего на Него походить.

Какова природа Божества? Это ум, знание, порядок, разум. Из этого же ты можешь понять, какова природа твоего истинного блага, ибо она всегда в подобии божеской природе.

Знай, что основание и суть религии в том, чтоб иметь о Боге мнения ясные и здравые; в том, чтобы знать, что Он есть, что провидение Его охватывает все и вся; что Он управляет этой вселенной самым совершенным образом и по всей справедливости; что ты пребываешь в мире сем, дабы Ему повиноваться; что твоё дело, принимая всё случающееся с тобой добровольно и всем сердцем, обращать его во благо как идущее от всеблагого и всемудрого провидения. Так у тебя не будет повода жаловаться на Бога и ты не станешь обвинять Его в том, что Он не заботится о тебе. Но питать такие чувства ты можешь, лишь отказавшись от всего, что не находится в нашей власти, и поместив все блага и все беды

твои лишь в вещи, находящиеся в нашей власти. Ибо если ты будешь усматривать своё благо или свою беду в одной из вещей тебе посторонних, то ты, когда окажешься лишён её или ввергнут в то, чего боишься, неизбежно станешь жаловаться и ненавидеть того, кого будешь представлять себе причиною своих несчастий. Ибо каждому животному врождённо отвращение или стремление к бегству от того, что представляется ему дурным и зловредным или смотрится его причиною. Равно как врождённо ему и влечение и любовь к тому, что видится ему полезным и хорошим или выступает его причиною. Невозможно, стало быть, чтобы тот, кто чувствует себя ущемлённым и болезненно задетым, находил удовольствие в том, что представляется ему источником его ущемления; отсюда же следует, что никто не радуется злу и не стремится к нему. В этом причина того, что сын осыпает упрёками и оскорблениями своего отца, когда тот не доставляет ему вещей, слывущих благами. В этом же причина того, что земледелец, моряк или купец клянут Бога, когда погода и ход их дел их не устраивают. И в этом же причина ропота тех, кто потерял своих жён или детей, ибо где полезность, там у них и благочестие. Таким образом, каждый, кто берёт на себя труд умерять свои желания и отвращения по предписанным правилам, стремится культивировать и увеличивать своё благочестие.

О, человек, неустанно благодари Бога за блага, которые ты получил от Него, и никогда не забывай Его великих благодеяний. Постоянно благодари Его за зрение и слух, которые Он даровал тебе. Да что там говорить! – за самую жизнь и средства к её поддержанию, как-то: пищу, масло, вино и все плоды земли. Но в то же время помни, что Он дал тебе нечто и ещё более ценное, и это – способность пользоваться всеми вещами, подвергать их испытанию и определять их истинную цену.

Когда приближаешься к монарху и прочим сильным мира сего, не забывай, что есть куда больший монарх, сущий

на небесах, который тебя видит и слышит, и что ему-то, а не кому-то ещё, тебе и следует угождать.

Хочешь быть угодным Богу? Тогда помни, что порок и несправедливость Ему всего более неприятны.

Вздумай император усыновить тебя, ты бы всех замучил своею спесью. А вот о Боге, своём истинном Отце, которому ты стольким обязан, ты даже не вспоминаешь.

Покровительства монарха, а то и просто большого вельможи, вполне достаточно нам, чтобы жить спокойно и чувствовать себя защищёнными от любой тревоги. А между тем мы имеем своим покровителем, заступником и отцом Бога, и этого нам оказывается недостаточно, чтобы избавиться от снедающих нас тревог, волнений и страха.

Что делают люди? Они пребывают в страхе перед тем, чего боятся, или стенают и жалуется по поводу своих страданий. К чему приводит подобная слабость? К ропоту и нечестию.

Всё, что происходит в мире, служит хвалой Провидению. Если человек умён и добросовестен, он с этим обязательно согласится.

Если бы Божество создало цвета и краски и не создало глаз, способных видеть их и различать, на что бы годились цвета? Или если бы Оно создало краски и глаза, но не создало света, на что бы годились краски и глаза? Кто же Тот, Кто создал сии три вещи одну для другой? Кто замыслил этот чудесный союз? Это Божество, стало быть, есть Провидение.

В жизни сей человек должен быть зрителем своей сути и дел Божеских и их восхищённым толкователем. А ты, несчастный, ничем не отличаешься от животного: ты смотришь, не понимая и не чувствуя. Обратись к своей душе,

пользуйся способностью, данною тебе Богом, ибо Он дал тебе душу разумную и способную Его познать. Так пусть же она делает своё дело: не покидай столь восхитительное зрелище как жизнь, ограничившись лишь рассеянным и непонимающим взглядом, но созерцай, постигай, восхищайся и благословляй!

Ты затеваешь далёкое путешествие, чтобы увидеть игры в Олимпии, и ещё более, дабы лицезреть прекрасную статую Фидия. Тебе кажется величайшим несчастьем умереть, не повидав всего этого. А вот произведения, бесконечно превосходящие работы Фидия, произведения, за которыми не надо ездить за море, ради которых не надо ни прилагать стольких трудов, ни терпеть такие лишения, и которые видны отовсюду – их у тебя так никогда и не появится желания рассмотреть? Неужели тебе никогда не приходило на ум поразмыслить, кто ты есть, зачем ты родился? Неужели ты так и умрёшь, не обратив внимания на восхитительное зрелище этой вселенной, которое Бог являет твоему взору, побуждая тебя вникнуть в него и его понять?

Божество даровало тебе разные виды оружия, чтобы защищаться от любых событий и происшествий, включая и самые неприятные. Оно дало тебе величие души, силу, терпение, выдержку и настойчивость. Так пользуйся же ими; а коль жалуешься, то так и знай, что ты попросту слагаешь оружие, которое Бог вложил в твои руки для защиты себя и других.

«Как я могу поверить в Провидение, если у меня постоянно течёт из носа, а оно, зная, что меня это крайне удручает, допускает такое?» – вопрошает безбожник и считает, что выказал остроумие. Жалкий раб! Зачем даны тебе руки? Разве не затем, чтоб, помимо прочего, пользоваться платком? «А разве не будь оно лучше, кабы не было насморка на свете?» – не унимается он. А разве не было

бы ещё лучше, несчастный, пользоваться платком, чем жаловаться на Провидение?

Бог, призывая тебя в свидетели, может спросить: «Не в том ли истина, что нет другого блага и другого зла, помимо воли? Разве причинил Я кому-то вред? Разве не предоставил каждому единолично распоряжаться всем, что ему всего более полезно и необходимо?» И что ты ответишь? «Невыносимы мои бедствия, и нет им конца! Никому я не нужен, ни от кого мне нет помощи. Все мною недовольны, никто меня не понимает. Я последний, я самый несчастный из людей!» Так-то ты признаёшь честь, тебе оказанную? Так-то ты воздаёшь хвалу Призвавшему тебя к жизни? Так-то ты понял явленные тебе истины? Бог желал найти в тебе свидетеля Своей доброты, Своей правды, Своей справедливости, а ты, оказывается, метишь в обвинители!

Среди гладиаторов императора хватает таких, которые близки к отчаянию из-за того, что у них нет возможности биться, таких, которые молят богов о помощи, дабы те позволили им выйти из этого бездействия и просят как о величайшей милости о возможности выступить в смертельной схватке на арене. А среди нас при этом нет ни одного, кто бы молил о возможности засвидетельствовать свою любовь к Богу.

Мой долг, покуда я пребываю в числе живых, за всё благодарить Бога, за всё хвалить Его, будь я в обществе людей или в одиночестве, и, лишь перестав жить, перестать благословлять Его.

Никто не властен помешать тебе признать раз установленную истину и заставить тебя одобрить заблуждение. Так ты можешь легко убедиться, что у тебя есть свобода воли, которой никто и ничто не может тебя лишить. Ведь если бы твоя свобода подлежала чужому произволу, то

божество не проявило бы о тебе должной заботы, как то положено хорошему отцу.

Мы так невежественны и неблагодарны, что среди всех чудес, какие провидение создало для нашего блага, мы вместо того, чтобы благодарить Бога, обвиняем Его и сетуем на Него. А между тем, будь сердце наше чуть более чувствительно и благодарно, малейшей вещи, существующей в природе, нам хватило бы, чтобы почувствовать провидение и Его заботу о нас.

Не будь мы так непроходимо глупы, мы всю свою жизнь – как среди людей, так и наедине с собой – тем только бы и занимались, что благодарили провидение за все блага, нами от него полученные и коими мы наслаждаемся каждое мгновение своей жизни. Да, и трудясь в поте лица своего, и работая лопатой, и на пашне, за едой, на прогулке, вставая с постели и отходя ко сну – при всяком нашем действии и при всяком случае мы восклицали бы: «Неисповедима доброта Божия! Всеблаго провидение!» Все и вся прониклось бы могучим отголоском этих слов: «Неисповедима доброта Божия! Всеблаго провидение!» Но вы слепы и неблагодарны. Нужно, стало быть, чтобы я говорил это вместо вас; чтобы старый, хромой, нищий и больной я непрерывно повторял: «Неисповедима доброта Божия! Всеблаго провидение!»

Доведись мне быть соловьём или лебедем, я бы делал то, что пристало соловью и лебедю. Но я человек, мне дан разум. Так что же надлежит мне делать? Славить Бога. Это я и буду делать всю свою жизнь. И призываю всех людей присоединиться ко мне.

Вступая в армию императора, легионер приносит присягу. Какого рода эта присяга, в чём присягает он? Что благо императора для него – высший закон, что он во всём будет ему повиноваться, что отдаст жизнь за него. А как же ты, связанный с божеством по своему рождению и по

множеству благодеяний, от Него полученных, и рождённый в воинстве Его, что же ты не принесёшь присяги своей? И неужели же, принеся её, не будешь ей следовать? Сколь велика разница между двумя этими присягами! Legioner клянётся в том, что благо императора для него высший закон, тогда как тебе следует клясться, что твоё собственное благо – высший закон для тебя.³³

– Ты спрашиваешь меня, как тебе убедиться, что все твои действия видны Богу и ни одно не остаётся от Него сокрытым?

– Да.

– А что, разве ты не убеждён, что все вещи на свете взаимосвязаны?

– Убеждён.

– Что все земные дела управляются небесными?

– Вполне убеждён.

– И в самом деле, ты легко можешь видеть, что в природе всё приходит в свою пору, все времена года наступают, когда им следует. При приближении или удалении солнца, при полноте или ущербе луны весь лик природы меняется. А стало быть, коль все вещи этого подлунного мира и сами наши тела так тесно связаны и соединены со всем целым, как можешь ты воображать, будто душа наша, куда более божественная, нежели весь этот мир, одна остаётся изъятой из общего хода вещей и что она не состоит в единстве и связи с божеством, создавшим её?

– Но как может Бог видеть сразу столько разных вещей и на таких расстояниях?

– Жалкий слепец! Сколько самых различных дел твой ум, при всей его ограниченности, выполняет зараз? Он постигает вещи божественные и человеческие; он рассуждает, анализирует, судит, оценивает, соглашается, отрицает. Сколько различных образов, сколько идей самых противоречивых он не содержит в себе? Солнце своими лучами освещает сразу весь мир. И ты хочешь, чтобы Тот, Кто создал это солнце и всю вселенную, по сравнению с

которой солнце только точка, ты хочешь чтобы Он не объял Своим взором всю землю?

– Но мой ум не может постигать всё сразу, он действует последовательно и в состоянии рассматривать все предметы лишь друг за другом.

– А кто тебе говорил, что твой ум столь же обширен, как само божество? Но подумай, о недостойнейший, сколько различных предметов видит глаз сразу, при всей его малости. Всё, что объёмлет земной окоём, оказывается одновременно доступно твоему зрению. И ты хочешь, чтобы хоть что-то скрылось от зрения Того, Кто создал самый глаз? Суди сам, насколько ты безрассуден.

Боги не даровали мне много имущества; они не пожелали, чтобы я жил в изобилии и предавался порокам. Так на что же мне жаловаться? С Гераклом они поступили точно так же, а ведь он был их сыном, и каким!

Геракл, рискуя жизнью, не считал, что оставит детей своих сиротами, ибо ему было ведомо: в мире сем нет сирот. У всех людей, где бы они ни были, есть Отец, который заботится о них и который никогда их не оставляет.

Стоит нам обратиться к авгурам,³⁴ как нас охватывает дрожь и мы воссылаем страстные мольбы: «Боги, смилостивьтесь надо мной, дозвоьте мне благополучно выпутаться из этого дела!» О, жалкий раб! Неужели ты хочешь чего-то другого, а не того, что лучше всего для тебя? А что может быть для тебя лучше, как делать угодное богам? Почему же ты делаешь всё от тебя зависящее, чтобы сбить с толку своего судью?

Зачем тебе обращаться к прорицателям, когда долг твой и так ясен? Если ради друга тебе следует подвергнуться какой-то опасности, если нужно умереть ради него, то на что тебе вещуны и гадатели? Разве внутри тебя нет прорицателя более верного и не способного тебя обмануть, который

прежде уже объяснил тебе природу добра и зла и научил безошибочно различать их?

Влечение человека к прорицателям вызвано его трусостью: он боится будущего, боится того, что может произойти, отсюда и его преувеличенное почтение к предсказателям, он делает их судьями и оценщиками всех своих дел; он поверяет им все свои заботы, и если они предскажут ему какое-либо благо, он благодарит их так, словно они ему его уже дали. Какое безрассудство! Будь мы мудрее, мы обращались бы к прорицателям вроде того, как спрашиваем дорогу, когда путешествуем, нисколько не переживая по поводу того, что нам следует повернуть направо или налево. Ведь что значит обращаться к прорицателям? Это обращаться к богам, чтобы узнать их волю и ей следовать. Стало быть, оракулами нам следует пользоваться так же, как мы пользуемся глазами. Ведь мы не просим глаза, чтобы они показали нам тот или другой предмет, мы просто видим то, что они нам показывают. То же будем делать и с прорицателями: не будем им льстить, не будем их ни о чём просить, но просто будем делать то, что они нам велят.

Когда обращаешься к прорицателю, помни, что ты не знаешь того, что должно произойти, и что ты обращаешься к нему, дабы это узнать. Но, если ты хоть сколько-нибудь философ, то в то же время помни, что к прорицателю ты обращаешься, вполне зная, какова природа того, что должно произойти. Ведь если это одна из тех вещей, что не находятся в нашей власти, то она, определённо, не может быть для тебя ни благом, ни злом. Не приходи же к прорицателю своему ни со склонностью, ни с отвращением к вещам мира сего, не то будешь вечно дрожать от страха. Пребывай в твёрдом убеждении, что всё, что случится, принадлежит к вещам безразличным и нисколько тебя не касается, а также, что какого бы рода предстоящее ни оказалось, целиком в твоей власти дать ему хорошее употребление, чему никто не в силах

тебе помешать. Иди же с доверием, как если бы ты приближался к богам, удостоивающим тебя своим ответом, а когда получишь какие-либо советы, помни, к помощи каких советчиков ты прибеж, кто суть те, чьих приказов ты вздумал бы послушаться, приди тебе такое в голову. Не ходи к оракулу иначе, как того хотел Сократ, т.е. ради знания вещей, недоступных ни разуму, ни правилам какого-либо иного искусства. Таким образом, если тебе предстоит подвергнуться большим опасностям ради твоего друга или отечества, не обращай к оракулам, чтобы узнать, должен ли ты это делать: ведь если прорицатель тебе заявляет, что внутренности жертвы неблагоприятны, то вполне ясно, что этот знак предсказывает тебе или смерть, или раны, или изгнание; здравый же рассудок говорит тебе ясно, что, невзирая на всё это, человек должен помогать своему другу и рисковать жизнью ради отечества. Стало быть, повинуйся оракулу более великому, нежели тот, к помощи которого ты прибеж. Ведь сам Аполлон³⁵ изгнал из храма труса, который не помог своему другу, когда того убивали.

О ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФАХ

Как творог из горшка нельзя вытащить крючком, так и человека слабого и безвольного нельзя наставить на путь истинный правилами философии.

Человеческая душа – это сосуд, наполненный водой; мнения и понятия – это свет, озаряющий воду в этом сосуде. Когда вода в сосуде неспокойна, кажется, что и свет в нём колеблется, но это лишь обман зрения. Точно так же и человек, когда он неспокоен или волнуется, добродетели и достоинства его не приходят в замешательство или смятение; лишь чувства его приводятся в движение; пусть они утихомятся – и всё будет спокойно.

Философия начинается с того, что мы узнаём свою слабость и собственное невежество в отношении наших первейших и необходимых обязанностей.

Философ – кто он такой? Это человек, который, если только ты пожелаешь его слушать, куда вернее сделает тебя свободным, чем все краснобаи.

Когда ворона каркает, ты по своему суеверию воображаешь, что это Бог предупреждает тебя о чём-то, а не ворона. Именно так поступай, когда тебя о чём-то предупреждает мудрец: считай, что это не он, а Бог тебя предупреждает.

Если ты окажешься в состоянии оценить великие взгляды истинного философа и глубину его познаний, ты убедишься в его ясновидении. Сам Аргус, при всём его многоглазии, по сравнению с ним представится тебе слепцом.³⁶

Философ похож на врача. Ведь к врачу ты идёшь не за удовольствием, но чтобы почувствовать боль, дающую исцеление. Так, один идёт к нему с вывихнутым плечом, другой с нарывом, кто-то пришёл к нему с язвой, а кто-то и с раной в голове. Скажи: чем могло бы помочь им удовольствие?

По поводу всякого дела прежде, чем взяться за него, посмотри толком, что ему предшествовало и что за ним последует, и только после берись за него. Если не будешь следовать этому правилу, то поначалу дела твои, может быть, и будут доставлять тебе радость, потому что ты не принял во внимание последствия, но в конце концов у тебя неизбежно возникнет причина для стыда и ты оконфузишься.

Любое своё дело или предприятие начинай с такой молитвы: «Веди меня, великий Боже, к тому, к чему предназначило меня Твоё провидение! Всем сердцем и с радостью я последую по этому пути. Ведь зачем, Господи, мне противиться Твоим приказам? Сделай я это, я мало того что оказался бы злодеем и нечестивцем, так мне и всё равно пришлось бы выполнять Твои приказы, но только не по собственной воле».

Человек добра, истинный мудрец, всегда помня, кто он, откуда он и Кто создатель его, неизменно остаётся на вверенном ему месте и стремится лишь к тому, чтобы выказать должное повиновение Богу, говоря Ему: «Тебе угодно, чтобы я ещё какое-то время побыл здесь? Я остаюсь. Тебе угодно, чтобы я отсюда ушёл? Я отсюда уйду. Ведь поскольку я здесь только ради Тебя, я и уйду отсюда только ради Тебя, и перед глазами у меня постоянно лишь Твои повеления и заветы».

Как поступают благоразумные путешественники, когда узнают, что на дорогах, по которым им предстоит следовать, полно воров и разбойников? Они избегают отправляться в

путь в одиночестве, но дожидаются возможности примкнуть к свите какого-нибудь посланника, квестора или проконсула. С этой предосторожностью они благополучно и завершают своё путешествие. Мудрец в мире сем поступает так же. На каждом шагу здесь полно разбоя, безобразия, нищеты и всяческих бедствий. Как может он совершить странствие по жизни в одиночку и не погибнуть? Но кого же ему дожидаться в попутчики, к кому присоединиться? К сановнику, к консулу, к претору? Но это злейшие враги, которых ему следует сторониться всего более. Он дожидается попутчика надёжного, верного, которого нельзя застать врасплох. И этот попутчик для него не кто иной, как Бог. Стало быть, он присоединяется к Нему, движется вместе с Ним и благополучно минует все превратности этой жизни.

Как, идя по дороге, ты избегаешь наступить на гвоздь или вывихнуть ногу, точно так же, идя по жизни, избегай поранить свой рассудок или душу. Если всякое дело в жизни мы будем делать, соблюдая это правило, то успех нам будет обеспечен.

Я изучаю людей, то, что они говорят, то, что они делают, не за тем, чтобы осуждать их или над ними смеяться, но чтобы применять эти наблюдения к самому себе, говоря: «Не совершаю ли и я тех же ошибок? Когда перестану? Когда исправлюсь? Ещё не так давно я вёл себя так же, как эти люди. Больше я так не грешу, хвала Богу за это!»

Обвинять в своих несчастьях только себя присуще человеку умному; обвинять в них других свойственно лишь невежде; и только настоящему мудрецу нет надобности обвинять в них ни себя, ни кого-то ещё.

Ты хочешь стать философом? Тогда готовься к тому, что над тобой будут смеяться. Не удивляйся и тому, что люди тебя освищут да ещё скажут: «Скажите, как быстро он стал философом! И откуда у него такая надменность?» Не

надменничай, а держись крепко правил, которые ты нашёл самыми лучшими, превосходными и прекрасными. И помни, что если только ты будешь твёрдо их держаться, то даже те, кто поначалу смеялись над тобой, в конце концов станут тобой восхищаться. Если же их насмешки и оскорбления заденут тебя, то ты достоин осмеяния вдвойне.

Если когда-нибудь ты оглядишься по сторонам и у тебя возникнет желание кому-нибудь понравиться, знай, что ты теряешь своё достоинство. Во всём и везде пусть тебе будет довольно *быть* философом; а если ты хочешь ещё им и выглядеть, то, будучи им, довольствуйся тем, чтобы выглядеть философом в собственных глазах, ибо этого вполне достаточно.

Ни при каких обстоятельствах не объявляй себя философом и не произноси прекрасных правил перед невеждами, но делай то, что эти правила предписывают. Например, на пиру не говори, как следует есть, но ешь, как следует, и помни, что именно так Сократ всегда и во всём осаживал всяческую спесь и роскошь. Молодые люди шли к нему, чтобы попросить его порекомендовать их философам, и он вёл их, куда его просили, без жалоб на то, что его самого таковым не считают.

Помни также, что и Евфрат³⁷ сказал: «Очень хорошо мне было от того, что я так долго скрывал, что я философ, ибо это позволяло мне оставаться в неизвестности и лишь лучше служить богам и самому себе. Помимо того, утешением мне было ещё и то, что поскольку я сражался в одиночестве, то подвергал опасности только самого себя, а не своего ближнего или саму философию вследствие тех ошибок, какие могли у меня выйти. И наконец было у меня и глубокое удовлетворение от того, что меня признали философом по делам моим, а не по наряду».

Пусть наша строгость к себе и наши физические упражнения не будут ни необычными, ни невероятными. Ведь занимайся мы ими для показа и самообольщения, мы оказались бы не философами, а фиглярами и балаганными зазывалами.

Если ты приучил себя к жизни умеренной, а тело своё – к суровым испытаниям, не превозноси себя за это в собственном мнении; и если ты пьёшь одну только воду, не говори на каждом шагу, что ты пьёшь только воду. И если хочешь упражняться в терпении и выносливости для себя, а не для других, то просто, когда тебя мучит нестерпимая жажда, возьми глоток воды в рот, тут же выплюни её и никому об этом не говори.

Когда собираешься что бы то ни было сделать, представь в уме прежде, каково то действие, к которому ты поступаешь. Если ты идёшь купаться, представь себе, что обычно происходит в купальнях: что там люди брызгаются водой, толкаются, сквернословят, что там воруют и всякое прочее; и тогда ты пойдёшь туда с большей уверенностью в том, что тебе делать, как себя вести; особенно, если скажешь себе при этом: «Я хочу искупаться, но я хочу также сохранить свою свободу и независимость – подлинное достояние моей природы». И так по поводу всего, что с тобой случается и выпадает на твою долю. Ведь благодаря этому, если что-то и помешает тебе искупаться, ты всегда в утешение можешь сказать себе: «Ведь я хотел не только искупаться, но и сохранить свою свободу и независимость. А это, искупайся я, мне бы не удалось».

Нет никакой необходимости часто ходить в театры, на общественные развлечения и спортивные состязания; и если иногда тебе всё же приходится оказаться там, не «болеи» ни за одну команду, но сосредоточь все свои симпатии и помысли на самом себе. Иными словами, будь доволен тем, что произойдёт, и пусть с тебя хватит того, что победа

достанется победителю. Это единственный способ избежать волнения и досады. Воздержись также от криков, громкого смеха и резких телодвижений. И когда уйдёшь оттуда, не говори долго о том, что ты видел, ибо это не имеет никакого отношения к улучшению твоего нрава, к тому, чтобы сделать тебя порядочным человеком. Эти долгие беседы свидетельствовали бы лишь о том, что ты бесконечно далёк от столь важных материй и что, кроме глупостей, которые ты только что видел, тебя ничто более не интересует.

Сам не ходи ни на концерты, ни на выступления сомнительных певцов и артистов, и пусть тебя будет нелегко туда затянуть. Буде же окажешься там, сохраняй достоинство и степенность и мягкость, не отмеченные следами печали или скуки.

Вот верные признаки того, что человек успешно продвигается в постижении мудрости: он никого не порицает; он никого не хвалит; ни на кого не жалуется; никого не обвиняет; не говорит о себе, как если бы он заслуживал внимания других или знал что-то бесконечно для них важное. Стоит возникнуть помехе или препятствию его желаниям, он пеняет за это лишь самому себе. Хвалит его кто-то, он в душе смеётся над хвалителем своим; осуждает его кто-то, он и не думает оправдываться; но, подобно больному, дела которого едва начали идти на поправку, он ощупывает себя и проявляет осторожность из опасения нарушить или расстроить что-то в своём начавшемся выздоровлении, пока здоровье его полностью не восстановится. Он отказался от желаний всякого рода и не испытывает ничего, кроме отвращения, к вещам, природа которых не находится в нашей власти; во всём он проявляет неспешность и умеренность. Если его принимают за невежду или простака, его это нисколько не заботит. Словом, он всегда настороже по отношению к самому себе, словно к человеку, который постоянно устраивает ему ловушки и строит всяческие козни, который ему самый опасный враг.

Кто-то с утра пораньше ложится в ванну; ни в коем случае не говори, что плохо купаться так рано, а скажи, что он купается раньше времени. Кто-то пьёт много вина; не говори, что вино пить вредно, но скажи, что он пьёт много; ведь пока ты не знаешь толком, что движет им, откуда ты можешь знать, что он поступает дурно? Ведь всякий раз оказывается, что, высказывая суждения такого рода, ты имеешь перед глазами одно, а говоришь совсем о другом.

Если случится, что речь зайдёт о каком-то важном вопросе перед невеждами, то храни молчание, ибо велика опасность в том, чтобы убеждать других в вещах, которые ты сам ещё толком не переварил. Правда, если при этом кто-то упрекнёт тебя, что ты, дескать, ничего не знаешь, а тебя это нисколько не заденет, то знай, что с этой минуты ты начал становиться философом. В общем же помни, что овцы не показывают своим пастухам, сколько оне съели, но просто, переварив корм с пастбища, дают шерсть и молоко; так и ты, не декламируй невеждам прекрасные правила, но, должным образом переварив их, покажи их в своих делах и поступках.

Помни, что наряду с искусством хорошо говорить, есть ещё искусство хорошо слушать.

Не задумывались, почему это невежды всегда сильнее вас в искусстве спора и в конце концов заставляют вас замолчать? Да потому, что они сильнее убеждены в истинности своих ложных принципов, а вы в истинности ваших – весьма слабо. Эти принципы у вас только на губах, а не идут от сердца; поэтому они немощны и мертвы; отсюда их слабость, отсюда неубедительность. Ваши слова всего лишь выставляют на осмеяние толпы убогую добродетель, о которой вы взяли разглагольствовать. Поэтому ваши доводы и тают как воск на солнце. Держитесь же подальше от солнца, пока ваши идеи и мнения сделаны из воска!

Человек, умеющий играть на лире, стоит ему взять её в руки, тут же замечает, какие струны расстроены и звучат фальшиво и без труда настраивает их. Чтобы жить без вреда для себя среди людей, мудрец должен знать искусство обращаться с ними, как музыкант со струнами своей лиры: сразу замечать, какие фальшивят, должным образом настраивать их и приводить к гармонии. Этим искусством и обладал в полной мере Сократ.

Нас губит то, что, едва отведав философию на вкус, мы уже строим из себя мудрецов и хотим быть полезны прежде всего другим: нам охота изменить мир. Нет, дружок, сначала измени себя самого, а потом покажи людям, каков он – человек, сформированный философией. Ешь ли с ними, гуляешь ли, наставляй их собственным примером. Уступай им, предпочитай их себе, терпи их всех. Так ты действительно будешь нужен миру.

Если ты докажешь злему человеку, что он делает то, что не хочет, и не делает того, что хочет, ты исправишь его. Но если ты не берёшь на себя труд доказать ему это, то и не жалуйся на него, а жалуйся на себя.

Хочешь быть подлинным философом? Тогда позаботься о том, чтобы все твои желания подстраивались под то, что происходит – так, чтобы ты всегда был доволен и тем, что происходит, и тем, что не происходит. Отсюда у тебя окажется то великое преимущество, что ты всегда будешь добиваться желаемого и что с тобой никогда не произойдёт того, что тебе нежелательно. Таким-то образом ты проживёшь свою жизнь среди людей без печали и забот и превосходно исполнишь свой долг как отец, сын, брат, гражданин, муж, сосед, компаньон, начальник и подданный.

Нет такой науки, такого искусства, которое не презирало бы невежество и самих невежд. Так неужели же философии быть единственным искусством, которое станет

принимать невежд в расчёт и которое позволит свести себя на нет их упрёками и вздорными суждениями?

Зачем же спорить с людьми, не признающими самых очевидных истин? Ведь это не люди, а камни.

Врач приходит к больному и, осмотрев того, говорит ему: «У тебя горячка, ничего сегодня не ешь и пей одну только воду». Больной верит ему на слово, благодарит и платит ему деньги. Философ, выслушав невежду, говорит ему: «У тебя нелепые желания, недостойные и рабские страхи, и впридачу ко всему у тебя ошибочные мнения». Невежда приходит в негодование и заявляет, что его оскорбляют. Чем вызвана такая разница? Тем, что больной чувствует свою болезнь, а невежда нет.

Если хочешь продвинуться в постижении мудрости, не отказывайся признать, что всё внешнее исполнено глупости и вздора.

Не стремись казаться учёным в глазах других, и если кто-то всё же примет тебя за такового, будь бдителен и следи за собой. Ибо ведай, что нелегко твоей воле соответствовать и собственной природе и вещам внешним; более того, если ты свяжешь себя с последними, тебе неизбежно придётся пренебречь первой.

Состояние души невежды и особенность его нрава в том, что он никогда не ждёт своего блага и своей беды от самого себя, но всегда от других. Состояние души философа и главная черта его нрава в том, что своего блага и беды он ждёт только от самого себя.

«Откуда у этого коротышки-философа такая гордость? Что это он так важничает, так пренебрежительно на нас смотрит?» Э, дружок, погоди! Я стану ещё *горделивее*, вот только ещё более утвержусь в принципах, которые узнал и

признаю единственно правильными. Пока что я ещё боюсь своей слабости, а как укреплюсь и исполнюсь уверенности, так ты узришь гордость иного рода. Статуя пока не закончена; боги не придали ей завершенности. Вот когда она будет закончена, тогда и смотри. Только не думай, будто моя гордость имеет какое-то отношение к гордыне. Эта гордость будет уверенностью и доверием к истине. Или ты воображаешь, будто гордость и строгость взора, какими отмечена эта статуя Зевса, вызваны гордыней? Нет. Её производят твёрдость, прочность, постоянство. Таким, именно, и должен быть Бог, говорящий тебе: «Всё, что Я утвердил словом Своим, не вводит в обман, несокруσιμο, и неизменно происходит в своё время». Я буду стремиться подражать столь высокому образцу. Ты увидишь, что я храню верность, что помыслы мои чисты и что я исполнен храбрости и недоступен смятению и страстям, которые, как известно, причина самых ужасных несчастий. «А увижу я тебя также бессмертным и свободным от старости и болезни?» Нет, но ты увидишь, что я *умею* умереть и *умею* быть старым и больным. Ты увидишь силу духа, которую сообщает философия, увидишь твёрдую выдержку и невозмутимость. «Что это ещё за выдержка?» Отсутствие неудовлетворённых желаний; знание подлинных опасностей, предупреждающее всяческие беды; уравновешенные движения и благопристойные жесты; замыслы, подкреплённые зрелым размышлением; а также согласие, которое никогда не сопровождается раскаянием.

Не такое уж это заурядное дело – исполнение обязанностей, налагаемых званием человека. Человек – это смертное существо, наделённое разумом и только разумом отличающееся от животных. Всякий раз, стало быть, как оно отходит от разума, как оно действует без разума, человек погибает в нём и показывается животное.

Как похожи мы на тех, кто сделал большие запасы съестного, а сами остаются худыми и измождёнными и

терпят мучения голода, потому что этими запасами не пользуются. У нас есть прекрасные правила, прекрасные изречения, но только для того, чтобы произносить их вслух и говорить о них, а не претворять их на деле. Наши дела и поступки на каждом шагу опровергают наши слова. Мы ещё не стали людьми, а хотим уже играть роль философов – ноша нам непосильная. Это всё равно, как если бы человек, неспособный поднять кирпич, взялся нести камень Аякса.

Первая и самая важная часть философии – та, что касается исполнения правила: не лги. Вторая – та, что даёт доказательства, почему нельзя лгать. И третья – та, что объясняет истинность этих доказательств, т.е. объясняет, что является доказательством, следствием, противопоставлением, истинностью, ложностью и уверенностью. Эта третья часть служит опорой второй части, вторая – первой, а первая – самая важная из всех, на ней-то и нужно остановиться и сосредоточить все свои усилия. Мы же нарушаем этот порядок, целиком останавливаемся на третьей части (все наши труды, все интересы сосредоточены на этой третьей части – на объяснениях истинности доказательств) и совершенно пренебрегаем первой частью, которая есть применение и использование. Так и происходит, что мы лжём, но зато также всегда готовы обстоятельно доказать, что не следует лгать.

Мы пишем прекрасные правила и изречения, но так ли уж мы проникнуты их духом и точно ли применяем их на деле? О лакедемонянах некогда говорили, что «они львы – дома, и обезьяны – в Эфесе». Не приложимо ли это присловье и к нам, философам? Мы – львы перед внимающими нам слушателями и обезьяны в повседневной жизни.

Почему это ты называешь себя стойком? Присвой себе имя, более соответствующее твоим делам и поступкам, и не прикрывайся тем, что тебе и не подходит и что ты только бесчестишь своими притязаниями. Множество народа

сотрясает воздух декламацией правил стоиков, вот только ни одного стоика не видать. Покажи же мне стоика, я буду рад увидеть хотя бы одного. Ведь стоик – это человек, который, будучи больным, считает себя всё же счастливым; который, подвергаясь опасности, всё равно считает себя счастливым; который, умирая, попрежнему считает себя счастливым; который, будучи презираем и оклеветан, всё так же считает себя счастливым. Вот совершенный и законченный стоик. Если ты не можешь показать мне такого стоика, то покажи хотя бы начинающего. И не воображай, будто я при всей моей старости, мог когда-то насладиться столь великолепным зрелищем – не довелось. Покажи мне человека, пожелавшего следовать воле богов и признавшего её своей; человека, который никогда не жалуется ни на богов, ни на людей; желания которого всегда исполняются; который ничем не обижается; у которого нет ни зависти, ни гнева; который, будучи в этом тленном теле, тайно общается с богами и который желает скинуть с себя человеческие покровы, дабы стать богом.

В жизни сей не следует легко поддаваться панике, поднимать тревогу по пустякам. Мы отправили человека узнать, что происходит. Но мы плохо выбрали лазутчика, ибо он оказался трусом, который боится собственной тени и при малейшем шуме возвращается к нам перепуганный. «Смерть, изгнание, клевета и нищета – вот что приближается к нам!» – «Говори не за нас, приятель, а за себя». Мы совершили глупость, решив, что этот человек в состоянии доставить нам верные сведения. «Диоген, который ходил в дозор прежде тебя, голубчик, дал нам совершенно другой отчёт. Он нам сказал, что смерть не есть зло, если она не постыдна; что клевета – всего лишь шум, поднятый глупцами. А что сказал он нам о труде, о боли, о нищете? Он сказал, что это только упражнение, которое предпочтительнее хождения в хитоне, окаймлённом пурпуром. Словом, он сказал нам: «Всё спокойно, врагов не видать. Убедиться в этом вам нетрудно. Взгляните на меня: я не избит, не ранен и в бегство не

обращался». Вот каких осведомителей следует посылать в дозор.

Один из моих учеников, питавший некоторую слабость к философии киников, однажды спросил меня, каким следует быть философу, придерживающемуся взглядов этой школы, и что ему следует делать, дабы добиться на этом пути успеха. «Друг мой, – ответил я ему, – об этом я могу сказать тебе только одно: всякий человек, который возьмётся за столь великое и трудное дело, не будучи призван к нему богами, окажется таким же безумцем, как тот, кто вздумал бы зайти в чужой дворец и объявить себя там хозяином. Это был бы Терсит, строящий из себя Агамемнона».³⁸ – «Но я вполне готов удовольствоваться рубищем, ходить в заштопанном плаще, спать на земле, взять палку и суму и клясть всех на чём свет стоит!» – О, милый мой, если таковы твои понятия об этой философии, то ты о ней ничего и не знаешь. Философу-кинику украшением служит стыдливость, ему нет нужды прятаться от людей, ибо он никогда не делает ничего непристойного. Это человек, отправленный богами в назидание всем остальным людям, который своим примером доказывает нам, что даже нагой, нищий, в качестве крыши над головой имеющий небо, а в качестве постели – землю человек может быть вполне счастлив. К людям порочным, сколь бы ни было велико их могущество, он обращается как к рабам. Это человек, которого бьют и оскорбляют и который любит и благословляет бьющих и оскорбляющих его; человек, который всех людей считает своими детьми; который вышел в дозор ради них; который как отец, как брат и даже как посланный богов с любовью и нежностью предупреждает их о грядущей опасности. Наконец, это человек, общаться с которым, несмотря на его низкое происхождение, цари и князья почитают за честь. Такими именно были отношения Диогена и Александра Македонского.³⁹

Когда кто-то хвалится, будто хорошо понимает написанное Хрисиппом⁴⁰ и в состоянии объяснить это другим, скажи самому себе: «Не пиши Хрисипп так путанно и невнятно, этому человеку нечем было бы хвалиться». Но сам-то я чего хочу? Знать законы природы и им следовать. Поэтому я ищу, кто лучше всех их узнал. Мне сказали, что это Хрисипп. Я беру Хрисиппа, но никак не могу его понять; я ищу, стало быть, того, кто бы мне разъяснил написанное; пока я такого не нашёл, в писаниях этих нет ничего ценного и заслуживающего уважения. Когда я нашёл хорошего толкователя, мне после его объяснений остаётся только воспользоваться его наставлениями, претворив их в дела – и это единственное, что заслуживает уважения. Ведь если я довольствуюсь одними объяснениями этого философа и восхищаюсь только ими, то кто я тогда? Грамматик, а не философ, вся разница в том только, что вместо того, чтоб объяснять Гомера,⁴¹ я объясняю Хрисиппа. И поэтому, если кто-то мне скажет: «Объясни мне Хрисиппа», то это лишь даст мне повод стыдиться, если свои объяснения я не смогу подкрепить делами, соответствующими этим объяснениям.

Почему о философии люди не судят так же, как судят они о прочих ремёслах? Если какой-нибудь мастеровой плохо сделал свою работу, то недовольны только им, а не ремеслом, которым он занимается. Но стоит ошибиться философу, так никто не скажет: «Это никудышный философ, да и не философ вовсе», но сразу говорят: «Видите, каковы эти философы? От философии один вред». В чём причина такой несправедливости? Она в том, что философия – единственное ремесло, в коем люди всего более преуспели, иначе говоря, причина в том, что страсти не ослепляют людей относительно ремёсел, которые им лестны или приносят пользу, но зато ослепляют их касательно всего, что их стесняет, осуждает или служит их исправлению.

Есть люди настолько незрячие, что они и самого Гефеста не признали бы хорошим кузнецом, не будь на нём

фартука.⁴² Как глупо, стало быть, жаловаться, если оказываешься непризнан столь ничтожным судьёй, который достойного человека отличает лишь по вывеске! Ведь именно так Сократ не имел признания у большинства своих сограждан. Они обращались к нему, чтобы он познакомил их с каким-нибудь философом, и он вёл и знакомил их. Разве он когда-нибудь жаловался, что его самого не считают философом? Нет, у него не было такой вывески, он был счастлив быть философом, а не им казаться. И кто когда был более философом, нежели он? И ты будь таким же, пусть философия покажет себя в твоих делах.

Следует ли считать себя музыкантом, если купил ноты и флейту? Стоит ли считать себя кузнецом, если надел фартук и держишь в руках молот? А вот философом ты себя считаешь, потому что у тебя длинная борода и ты ходишь с палкой, сумой и в заштопанном плаще. Так вот, дружок, платье указывает на ремесло, но лишь мастерство даёт звание, а не платье.

Думаешь ли ты, что я назову тебя трудолюбивым, если ты ночи напролёт проводишь за учёбой, работой, чтением? Нет, конечно же. Я желаю знать, к чему клонится эта учёба и твоя работа. Ведь не назову же я трудолюбивым человека, который всю ночь не смыкает глаз, дабы взирать на свою возлюбленную – я назову его влюблённым. И если ты бодрствуешь ночью ради славы, я назову тебя честолюбивым. Если ради того, чтоб заработать денег, я назову тебя корыстным или жадным. Но если ты не смыкаешь глаз, чтобы культивировать и формировать свой ум, чтобы научиться выполнять должным образом свои обязанности, тогда только я и назову тебя трудолюбивым, ибо разве это не единственный труд, достойный человека?

Ты только что выбранил слуг, на все корки разругался со своими домашними, а потом, придав себе пристойный облик, отправился слушать философа, который рассуждает об

обязанностях человека и природе добродетели. Друг мой, все эти прекрасные рассуждения тебе ни к чему: ты не явился слушать их в необходимом настрое, и ты уйдёшь оттуда таким же, каким пришёл.

«Я сочиняю прекрасные диалоги, пишу хорошие книги!» – Фи! покажи лучше, голубчик, что ты укрощаешь свои страсти, умеряешь желания и не отступаешь от истины в своих суждениях. Заверь меня, что не боишься ни тюрьмы, ни изгнания, ни боли, ни бедности, ни смерти. Без этого же, какие бы хорошие книги ты ни писал, можешь быть уверен, что всё ещё остаёшься неучем и круглым невеждой.

Какую жизнь ты ведёшь? Хорошенько выпавшись, ты встаёшь, когда тебе хочется, зеваешь, потягиваешься и идёшь умываться. После этого ты или берёшь в руки какую-то скверную и пустую книгу, чтобы убить время, или сам пишешь разные изящные безделицы, дабы вызвать восхищение читающих зевак. Затем ты выходишь из дому, наносишь визиты, прогуливаешься по улице с друзьями и развлекаешься. Наконец ты возвращаешься к себе, идёшь в купальню, ужинаешь и отправляешься спать. Я не стану разоблачать твои ночные тайны – нетрудно догадаться, в чём они состоят. При этих эпикурейских и распутных нравах ты говоришь словно Зенон или Сократ. Тебе нужно что-то изменить, друг мой: или нравы, или речи. Того, кто обманом присваивает звание римского гражданина, сурово наказывают. А те, кто обманом присваивает великое звание философа, остаются безнаказанными! Такое недопустимо, ибо противоречит неизменному закону богов, согласно которому наказание всегда должно быть соразмерно тяжести проступка.

При хронических недугах медицина предписывает больным сменить обстановку, перебраться в другое место. Точно так же предписывает поступать и философия при

закоренелых привычках, так как место, где эти привычки возникли, может содействовать только их усилению.

Привычка устраняется только привычкою противоположного толка. Ты привык к сладострастию? Умерь его при помощи боли. Тебя одолевает лень? Сокруши её трудом. Ты вспыльчив и заносчив? Терпеливо сноси оскорбления. Тебя влечёт к вину? Пей одну только воду. Поступай так же и со всеми прочими порочными привычками, и ты убедишься, что не зря потратил время. Избегай только снова взяться за старое, будь строг к себе, не вступай в неравный бой, помни: противник твой очень силён, и, побеждав тебя прежде, он вполне может победить тебя и ещё раз.

Весьма небезразлично, с кем ты общаешься. Если ты часто находишься в обществе человека порочного, будь бдителен, ибо гораздо больше следует опасаться того, что он тебя совратит, чем надеяться на то, что ты наставишь его на путь истинный. Поскольку, стало быть, так опасно общение с невеждами и подлецами, то его следует свести к минимуму, а когда всё же приходится вступать с ними в общение, то делать это следует не иначе, как проявляя осторожность и благоразумие.

Друг мой, долго упражняйся в борьбе с искушениями, соблазнами и желаниями. Поверяй свои душевные порывы и смотри, не окажутся ли они устремлениями больного или затасканной женщины. Старайся дольше оставаться в безвестности. Философствуй только с самим собой. Именно так появляются плоды. Семя, сокрытое от глаз, подолгу лежит в земле и мало-помалу прорастает, чтобы достичь зрелости. Но если оно даст колос прежде, чем возник стебель, то это будет уродством, подлежащим гибели и уничтожению. Желание суетной славы заставило тебя появиться из безвестности прежде времени – и холод да зной убили тебя. Ты ещё кажешься живым, из-за того что на верхушке у тебя

осталось немного цвета, но на самом деле ты мёртв, потому что засох твой корень.

«Как я несчастен! У меня нет времени читать и учиться!» – сетуешь ты. Друг мой, а для чего ты учишься? Не ради ли пустого любопытства? Если это так, то ты действительно несчастен. На самом деле учёба твоя должна быть подготовкой к достойной жизни. Начни же сегодня жизнь порядочного и честного человека. Ведь исполнить свои обязанности ты можешь, где бы ты ни был, а дело наставляет лучше, чем книги.

У тебя болит голова и ты жалуешься, что не можешь заняться учёбой. А для чего ты, собственно, учишься? Разве не для того, чтобы стать терпеливым, обрести постоянство, надёжность и прочность? Так выкажи эти качества, когда у тебя болит голова – и вот ты уже всё знаешь. Болезнь – такая же часть жизни, как прогулка и странствие, и она имеет свою полезность, потому что служит испытанием мудрого и показывает ему, каких успехов он добился в постижении мудрости.

У тебя лихорадка, у тебя жар, но если ты переносишь это испытание как должно, то у тебя есть всё лучшее, что может дать испытание лихорадкой. Ты спрашиваешь, что хорошего может дать лихорадка? Отвечаю: очень многое. И главное: ты страдаешь и при этом не жалуешься ни на богов, ни на людей; не тревожишься о том, что с тобою станет, ибо знаешь, что всё к лучшему; ты готов храбро встретить смерть; чрезмерно не радуешься, когда врач говорит тебе, что дело пошло на поправку, равно как и не огорчаешься, если он говорит, что дела твои совсем плохи. Ибо что это значит, что они плохи? Да то лишь, что близится срок, когда душе твоей назначено отделиться от тела. Считаешь ли ты такое отделение злом? И если оно не произойдёт сегодня, разве не произойдёт оно завтра? Разве с твоею смертью погибнет мир?

Так что, как видишь, тебе не о чем беспокоиться, ни когда ты болен, ни когда ты здоров.

Жажда пьяницы отлична от жажды здорового человека. У человека здорового жажда сразу же проходит, едва он её удовлетворил, и он пребывает в довольстве по сему поводу. Но у пьяницы после мгновения радости начинается головная боль, вода превращается в жёлчь, его тошнит, у него колики, и в конце концов эта жажда становится только сильнее. То же происходит с тем, кто одержим богатством, кто одержим почестями и кто одержим стремлением обладать красивой женщиной. Всё это жажда пьяницы. Отсюда происходят ревность, страх, сквернословие, нечистые желания и непристойности.

Друг мой, прежде ты был так мудр, так исполнен стыдливости. Что стало с этой стыдливостью, с твоей мудростью? Вместо того, чтобы читать сочинения Хрисиппа и Зенона, ты читаешь одни отвратительные книги – книги Аристида и Эвемиса.⁴³ Вместо того, чтобы восхищаться Сократом и Диогеном и следовать их примеру, ты восхищаешься и подражаешь лишь тем, кто умеет обманывать и развращать женщин. Ты хочешь быть красивым и пускаешься для этого во всяческие хитрости, ты даже красишься, чтобы им казаться, хотя этим делу не поможешь; у тебя умопомрачительные наряды; ты тратишь состояния на духи и ароматы. Опомнись! Бейся с самим собой. Верни себе стыдливость, обрети достоинство и свою свободу. Словом, стань снова человеком. Вернись к самому себе, говори с самим собой. Ведь никто не сможет убедить тебя так, как ты сам. Начни же с того, что ты осудишь, чему предавался последнее время. Но поторопись, пока поток тщеславия и глупости не унёс тебя.

Пусть насмешки и упрёки друзей не помешают тебе изменить образ жизни. Неужели ты предпочтёшь оставаться

порочным, чтобы им нравиться, а не разонравиться им, став порядочным?

Не поддавайся отчаянию, будь как те наставники в борьбе, которые, как только молодой человек упал, приказывают ему подняться и сражаться далее. То же самое и ты скажи своей душе. Ничто не превосходит в гибкости душу человеческую; нужно только захотеть – и всё окажется сделанным. Но стоит тебе расслабиться – и ты пропал. Всей жизни уже не хватит тебе, чтобы встать на ноги. Твоя гибель и твоё спасение – в тебе самом.

Ни победы на олимпийских играх, ни победы, одержанные в сражениях, не приносят человеку счастья. Единственные победы, дающие счастье, – это победы над самим собой. Искушения и испытания – это битва. Ты был побеждён один раз, два, много раз, но не прекращай биться. Если ты наконец победишь, то будешь счастлив всю жизнь так же, как и тот, кто побеждал всегда.⁴⁴

О ЖЕНЩИНАХ И СЛАДОСТРАСТИИ

Не подчиняйся страстям, печали и боли: оне настоящие враги души. Живи в себе самом, не вмешиваясь в дела мира.

Только неблагодарный и трус может утверждать, будто нет разницы между красотой и уродством. Что, разве её нет между Терситом и Ахиллом?⁴⁵ Разве смотреть на дурнушку так же приятно, как на Елену Прекрасную? Утверждать такое и грубо, и нечестиво. Так говорят лишь люди, не ведающие природы вещей и которые боятся, что, почувствуя они эту разницу, то не смогут преодолеть искушение. Не отрицанием красоты, уклоняются от её власти. Можно видеть её и всё же ей сопротивляться.

Владей сам своими страстями, не то оне овладеют тобою.

Не вкушай, если можешь, удовольствий любви до брака, а если вкушаешь, пусть это будет по крайней мере в согласии с законом. Не будь суров с теми, кто вкушает эти удовольствия, не осуждай их с чувством горечи и не хвались по всякому поводу своей воздержностью.

Когда твоё воображение пытается увлечь тебя какой-нибудь сладострастной мыслью, не дай подчинить себя и скажи себе сразу: «Постой, моё воображение, не лети так! Дай-ка я посмотрю, что ты такое есть и что ты мне предлагаешь». Не позволяй ему идти далее и являть пред тобой ещё более соблазнительные картины, не то, коль ты ему это позволишь, оно тебя одолеет. Вместо этих ужасных образов заставь воображение своё явить твоему взору образы более достойные, прекрасные и счастливые – вот способ уйти от его власти.

При всяком искушении скажи самому себе: «Вот великий бой, испытание, назначенное богами! Речь идёт здесь о царственности, о свободе, о счастье, о невинности». Помни о богах и призови их себе на помощь, они станут биться за тебя. Тебе памятно мужество Кастора и Полидевка⁴⁶ в буре; так вот, искушение – буря куда более опасная для тебя.

Когда тебя одолевает искушение, а ты, вместо того, чтобы преодолеть его, откладываешь дело это на завтра, то и завтра, когда оно наступит, ты не будешь с ним сражаться. Живя так день ото дня, ты не только окажешься побеждён, но и впадёшь в полную бесчувственность, которая помешает тебе даже заметить, что ты согрешаешь. Так-то ты на собственном опыте почувствуешь правду слов Гесиода: «Кто со дня на день откладывает то, что нужно сделать сегодня, всегда осаждён бедствиями».⁴⁷

Что делает человек, преследующий жену ближнего своего? Он топчет ногами стыд, верность; он нарушает добрососедство, общественные устои, оскорбляет дружбу и всё самое святое. Он теряет право считаться другом, соседом и гражданином. Он даже не годится в рабы, он как треснувший кувшин, ни на что более не годный и который остаётся только выбросить.

«Женщины общие – таков закон природы!» – заявил Диогену один распутник, застигнутый за совращением чужой жены. Диоген на это ему ответил: «Мясо, которое подают на стол, предназначено для всех, но как только порции разложены по тарелкам, ты должен вовсе не иметь совести и стыда, если покусишься на долю в тарелке соседа. Театр тоже общ всем согражданам, но как только все расселись по местам, ты не можешь и не должен пересаживать соседа, для того чтобы занять его место. То же и с общностью женщин. Как только магистрат с общего согласия распределил их и у каждой из них имеется собственный муж, позволительно ли

тебе не довольствоваться своей женой, но и взять ещё жену своего соседа? Если ты это делаешь, то ты и не человек, а обезьяна или хищный волк».

Молодых женщин мужчины, живущие с ними, называют «любовницами». Это служит женщинам указанием, что мужчины ценят их лишь за удовольствия, которые они им доставляют, отсюда и стремление женщин всячески приукрасить себя, чтобы больше нравиться, и поэтому все свои надежды они вкладывают в наряды и украшения. Нет, стало быть, ничего полезнее и необходимее, как приложить все усилия, дабы дать им понять, что уважать и почитать их будут лишь по мере того, что у них будут мудрость, стыдливость и скромность.

Если воображение явит тебе какой-либо сладострастный образ, подвергни природу его, как и природу всякого другого явления, рассмотрению – только так не позволишь ему увлечь и провести себя. Не уступай сладострастию сразу же, заставь его тебя дожидаться, дай себе отсрочку. А потом, в конце концов, сравни мгновения наслаждения и время раскаяния, которое за ним неизбежно следует, не забыв и упрёки, которые ты станешь делать самому себе за то, что поддался и не смог устоять, и противопоставь всему этому удовлетворение, которое ты испытаешь, и похвалы, которые воздашь себе, если ты сладострастию сопротивляешься. Если же ты найдёшь, что тебе пришло время насладиться этим удовольствием, берегись, чтобы его наживки и приманки, чтобы его привлекательность не соблазнили и не разоружили тебя, и противопоставь им удовольствие ещё большее – возможность сознавать, что ты одержал над ними верх.

Если я сопротивляюсь чарам красивой женщины, готовой одарить меня своей благосклонностью, я говорю себе: «Вот это славно, Эпиктет, это куда лучше, чем опровергнуть самый тонкий софизм». Если я сопротивляюсь

её посулам и отвергаю её ласки, я могу гордиться победой гораздо большей, чем разгадка всех самых сложных головоломок. Но как сопротивляться столь неодолимому искушению? Для этого нужно лишь желание нравиться самому себе и желание быть прекрасным в глазах богов, нужно только желать сохранить чистоту тела и души.

ОБ УХОДЕ ЗА ТЕЛОМ

Верный признак косности ума, неповоротливости мысли – это подолгу предаваться заботам о теле, так же как долго заниматься физическими упражнениями, долго пить, долго есть и отдавать много времени прочим телесным потребностям. Все эти вещи не должны быть главным в жизни, но лишь вспомогательным, и делать их нужно только как бы между прочим. Всё наше усердие и внимание должны быть направлены на наш ум, на наш дух.

Всю свою жизнь мы заботимся о собственном теле, сколь бы недостойным и безобразным оно ни было, и считаем ещё, что такая жизнь достойна зависти. А случись бы нам иметь на попечении тело своего соседа, и уже на четвёртый день мы сочли бы свою жизнь невыносимой.

Человек – всего лишь *слабая душа, обременённая трупом*. А ещё вернее сказать о нём так: *недоразвитая душа, сидящая внутри мертвеца*.

Друг мой, мужчина ты или женщина? Если мужчина, так и украшай себя тогда как следует мужчине, не превращай себя в урод и какое-то страшилище. Ведь что хотел сказать Сократ, когда советовал Алкивиаду⁴⁸ стать ещё красивей? Он советовал ему пренебречь красотой тела и трудиться лишь над красотой души. «Так что, мне надо ходить грязным, невымытым и в пачкающей одежде?» Вовсе нет. Просто твоя чистота должна быть мужественной и достойной мужчины.

Что непорочность для души – то же самое и чистота для тела. Сама природа учит тебя чистоплотности. Невозможно, чтобы между зубами, после того, как ты поел, не остались кусочки пищи – и природа даёт тебе воду и повелевает прополоскать рот, дабы ты был человеком, а не свиньёй. От пота и грязи, приставшей к коже, она даёт тебе купание и

омовение, масло, скребницы, мыло и полотенце. Ты этим пренебрегаешь? Так ты больше и не человек. Разве не заботишься ты о своей лошади, разве не велишь чистить её скребницей? Разве не заботишься о своей собаке, веля намыливать её, ополаскивать да расчёсывать? Так не обходись же с собственным телом хуже, чем с лошадью или собакой. Мой его, чисти и не воображай, что унизишь тем своё достоинство. И будь спокоен: никто теперь не убежит от тебя. И напротив, как не убежать от человека грязного и неряшливого, от того, от кого скверно пахнет? Я тебя не убедил? Ты всё ещё хочешь быть немытым и вонючим? Так будь им в одиночестве, наслаждайся своей грязью один. Но уйди из города, ступай в пустыню, не отравляй жизнь своим соседям и друзьям. Ты всего лишь ком грязи, а ты смеешь ходить с нами в храмы, где запрещено сморкаться и плевать на пол!

Если философ – грязный, неопрятный и страшный на вид, словно преступник, вылезший из темницы – вещает мне прекрасные правила, то как он может увлечь меня? Как он вынудит меня любить философию, если она оставляет человека в таком состоянии? Я даже не могу заставить себя слушать его речи, и уж, конечно, ни за что на свете не последую за ним. Не будем же забывать о чистоте и приличии. То же самое я говорю ученикам. Мне больше по душе молодой человек, если, решив посвятить себя философии, он придёт слушать меня умытым и прилично одетым, а не грязным, со слипшимися, нечёсаными волосами, ибо из этого я волен делать вывод, что у него есть понятие о красоте и что его влечёт к тому, что порядочно и честно. Раз он заботится о красоте, которая ему ведома, я могу надеяться, что он оценит и ту красоту, с которой я его познакомлю, – красоту внутреннюю, которая состоит в том, чтобы пользоваться своим умом, и по сравнению с которой красота тела – жалкое уродство. Но человеку немытому, отвратительному, покрытому потом и грязью, с перепутанными волосами и бородой до пояса, что я могу

сказать ему, чтобы он узнал красоту, о которой он не может иметь никакого понятия? Это свинья, и свинья всегда предпочтёт своё поганое корыто самому прекрасному из фонтанов.

О ПРЕЗРЕНИИ К ОСКОРБЛЕНИЯМ

У меня злой сосед, злой отец. Но злы они только к себе самим и очень добры ко мне, ибо они упражняют и укрепляют мою доброту, моё терпение и чувство справедливости. Такой подход к делу – поистине волшебный жезл Гермеса,⁴⁹ и если он не превращает в золото всё, до чего им дотронешься, – не велика важность, ведь зато он превращает в добро всё, что считается злом: болезнь, бедность, позор и самую смерть.

К каждой вещи может быть два подхода: один делает её необременительной, другой – совершенно невыносимой. Так, если брат твой чинит тебе несправедливость, не смотри на это дело как на причиняемую тебе несправедливость, ибо такой подход сделает твоё положение невыносимым; взгляни на всё с другой стороны: вспомни, что речь идёт о твоём брате, о человеке, с которым ты вместе вырос – так ты согласишься на дело с правильной стороны, и оно не будет тебя так сильно удручать.

Начни говорить оскорбления камню – чего ты тем добьёшься? Ведь он тебя даже не слышит. Будь как этот камень: не слышь оскорблений, которые тебе говорят.

Помни, что ни тот, кто тебя поносит, ни тот, кто тебя бьёт, не причиняют тебе вреда. Вред тебе причиняет твоё мнение о них, это оно заставляет тебя думать, что с тобой дурно обходятся. Когда кто-то тебя огорчает или раздражает, знай, что не тот или иной человек тому виной, но твоё мнение. Старайся же помешать воображению взять над тобой верх, ведь если тебе удастся выиграть время, то в конце концов тебе будет легче справиться и овладеть собой.

Учитель в палестре развивает мне силу мышц и придаёт форму моей шее, плечам и рукам, когда приказывает

мне делать мучительные упражнения. «Подними эту гирию! Двумя руками возьми её. Да повыше! А теперь держи!» И чем гирия тяжелее, тем сильнее укрепляются мои мышцы. Точно такой же учитель мне и человек, который обходится со мной дурно, который говорит мне обидные слова: он упражняет и укрепляет моё терпение, мою доброту и милосердие. Можешь не сомневаться: такое упражнение ничуть не менее полезно, чем первое.

Когда кто-то причиняет тебе зло или дурно говорит о тебе, вспомни, что он считает себя к этому обязанным. Не может же быть, чтобы он следовал твоим суждениям, но только собственным. Так и выходит, что если он нездорово судит, то сам и страдает от этого, потому как он один ошибается. Это то же самое, что почитать ошибочным рассуждение в высшей степени справедливое и логичное: не рассуждение от того несёт ущерб, а тот, кто заблуждается на его счёт. Если ты будешь постоянно следовать этому правилу, ты будешь терпеливо переносить тех, кто дурно говорит о тебе, ибо при каждой встрече с ними, ты сможешь сказать себе: «Он думает, что это так».

Если тебе сообщили, что кто-то дурно говорил о тебе, не трать времени на опровержение слов, а просто скажи: «Ба! Раз он это говорит, то он, видно, вовсе не знает, какие ещё за мной пороки водятся! Ведь тогда бы он не ограничился сказанным».

«Да разве я не должен отомстить и воздать за зло, мне причинённое?» Но, милый мой, во-первых, никто не причинял тебе зла и причинить не мог, потому что добро и зло только в твоей воле. И, во-вторых, если кто-то причинил себе вред, желая причинить его тебе, зачем же ещё и ты станешь причинять вред себе, отвечая ему тем же?

Мудрый всегда ждёт от злых людей куда большего зла, чем от них получает. Такой-то осыпал меня оскорблениями, я

признателен ему уже и за то, что он не набросился на меня с кулаками. Он полез драться? Я ценю хотя бы то, что он меня не поранил. Он меня ранил? Ну что ж, спасибо, что хоть не убил.

Чем отомстить врагу? Стараться быть на него не похожим и делать ему как можно больше добра.

О ДРУЖБЕ И БРАТСТВЕ

Только мудрец способен на дружбу. Как человек, не умеющий отличить дурное от хорошего, мог бы дружить? Как, не способный понять, что такое добро и что такое зло, он мог бы любить?

Всякий человек, любящий имущество, любящий похоть и суетную славу, не способен любить людей. Друг людям только тот, кто любит честное и пристойное.

Чтобы быть людям другом, надо поместить в одно место полезность, святость, порядочность, родину, родных, друзей и самую справедливость. Отними у дружбы всё это – и уже нет её самой, ибо всюду, где ячество и собственность, звериная натура берёт верх над человеческой. Если чувство собственного «я» находится там же, где честность и справедливость, то я хороший друг, заботливый отец, внимательный сын, преданный муж; но если моё «я» и моё имущество, с одной стороны, а честность и справедливость, с другой, то прощай дружба, прощайте все самые святые и необходимые обязанности.

Ты хочешь знать, друзья ли эти двое? Так не смотри на то, братья они, вместе ли росли, были ли у них те же самые учителя и наставники. Выясни только одно: в чём полагают они свою сокровенную собственность. Если в вещах, не зависящих от нас, то остерегись называть их друзьями: они не друзья, не могут они и быть людьми верными, постоянными, свободными. Но если они помещают свою сокровенную собственность в вещи, от нас зависящие, и в здравые мнения, то не имеет значения, будут ли они друг другу отец и сын, или братья, давно ли они друг друга знают, и говори смело, что они друзья, ибо не может не быть дружбы там, где благоразумие, верность и готовность поделиться всем, что есть прекрасного и честного.

Ум человека порочного никогда *не утверждён*, он в непрестанном непостоянстве, без привязки к чему-либо ценному и стоящему и болтается во все стороны по прихоти своих мнений. Такой человек неспособен на дружбу.

Посмотри на щенков: они играют, обнюхивают друг друга, лижут друг другу мордочки, машут хвостиками – ну чем не лучшие друзья? Но брось им кость – тогда ты всё увидишь. Такова же дружба братьев, дружба отцов и детей. Если им надо оспорить или поделить клочок земли, дом, любовницу, то нет более ни отца, ни брата, ни сына.

Ни к чему на свете животное так не привязано, как к тому, что доставляет ему пользу. Всякий, кто лишает его полезного – будь то его отец, его брат, сын, друг, – становится ему ненавистен, так как зверь любит только ему полезное; оно заменяет ему отца, брата, сына, друга, родных, родину и самого Бога.

Распутник говорит, что «не надо ни растить, ни кормить детей, ибо нет ничего более противоположного истинному благу», каковое он целиком помещает в плотские утехи. Несчастный! так ты, стало быть, хочешь, чтобы мы стали хуже самых жестоких зверей, которые никогда не оставляют своих детёнышей? Милосердие родительское к своим детям столь велико, что, я уверен, узнай твои отец и мать через посредство оракула, что однажды ты выдвинешь столько нелепое требование, они бы и тогда тебя не оставили.

Ты оставляешь своего ребёнка, когда ему так плохо, потому, говоришь ты, что ты его сильно любишь и у тебя нет сил видеть его в таком состоянии. Если таково действие сильной любви, то тогда его должны оставить и мать, и кормилица, и братья, и сёстры, и наставник, т.е. все те, кто его любит, с тем, чтобы он остался в руках тех, кто нисколько его любит. Какое ослепление, какая несправедливость, какое

варварство! Неужели, случись тебе заболеть, ты бы хотел иметь друзей, любящих тебя столь нежно!

Ты достиг высокой должности и тут же стал притеснителем и тираном своему ближнему. Ты что, так и не вспомнишь, кто ты есть и кому отдаёшь свои приказы? Своим родным, своим братьям. «Но я же занимаю высокое положение, у меня есть преимущества, есть права». Несчастный, все твои мысли прах да грязь, ты вперил глаза в ничтожные человеческие законы, которые хороши лишь для мертвецов, а о божеских законах ты не только не помышляешь, но и слыхом-то не слыхал!

Все наши обязанности почти всегда измеряются определёнными связями. Это твой отец? Тебе надлежит о нём заботиться, во всём ему повиноваться, сносить его оскорбления и дурное обращение. «Но это же плохой отец!» Как, друг мой, разве природа обязана дать тебе хорошего отца? Нет, она должна дать тебе просто отца. Твой брат поступает с тобой несправедливо? Оставайся ему братом, невзирая ни на что; смотри не на то, что он делает, а на то, что должен делать ты, и на то, чтобы твоя свобода и требования природы не вступали в противоречие; ибо не во власти другого человека оскорбить тебя, причинить тебе вред, если ты того сам не пожелаешь, и оскорблён ты будешь только тогда, если сочтёшь себя оскорблённым. При таком подходе к делу ты всегда будешь доволен своим соседом, своим соотечественником, своим начальником; а стало быть, приучайся всегда помнить о связи, сущей у тебя с ближними.

Лучше простить, чем мстить, ибо в прощении проявляется природа мягкая и человеческая, а в мести – натура жестокая и звериная.

Ты ведь жалеешь слепых, жалеешь хромых? Так почему же ты не жалеешь злых? Ведь они злятся не по своей воле,

так же как другие хромают и не видят не по собственному желанию.

Ведь до чего дошло: люди построили храмы и возвели алтари в честь некоего Триптолема за то лишь, что он придумал пищу менее грубую и дикую, чем та, что была в ходу прежде него. А кто из нас благословляет в сердце своём тех, кто нашли истину, сделали её доступной нам, изгнали из душ наших мрак невежества и заблуждения?

Солнце не ждёт, чтобы его попросили поделиться светом и теплом. Так и ты делай всё добро, сделать какое в твоей власти, не дожидаясь, чтоб тебя попросили.

О ЛОЖНЫХ МНЕНИЯХ

Разумному человеку всего более тягостно лишённое разума.

Есть общие понятия, по поводу которых все люди едины во мнении и никто не станет спорить. Отчего же споры, ссоры, распри и войны? От приложения этих общих понятий к каждому конкретному случаю. Справедливость и здравомыслие – наиважнейшие вещи, и никто оспаривать этого не станет. Но вот справедлива, правильна ли та или иная отдельная вещь? По этому-то поводу и кипят страсти, по этому поводу и льётся кровь. Избавимся от этого позорного невежества, научимся безошибочно применять эти понятия в каждом отдельном случае – и не будет больше ни споров, ни войн. Ахилл и Агамемнон будут едины во взглядах.

Не вещи причиняют людям беспокойство, а их мнения о вещах. К примеру, смерть ни в коей мере не является злом, ведь будь она таковым, Сократ считал бы её злом. Но вот мнение людей о смерти, которое гласит: *смерть есть зло*, оно-то и является злом. А потому, если мы встревожены, грустны или омрачены, не будем искать других виноватых, помимо самих себя, ведь такие уж мы позволяем себе иметь мнения о вещах внешних.

Знавал я одного человека, который, воскорбев о несчастье своём, кинулся в ноги Гепифродиту⁵⁰ и сказал ему, что пред ним лежит несчастнейший человек на всём белом свете, что он совершенно разорён, что ему не на что жить, ибо у него осталось всего лишь пятьдесят тысяч сестерциев.⁵¹ И что, ты думаешь, ответил на это Гепифродит? Полагаешь, он посмеялся над этим глупцом? Как же! Он со всей серьёзностью изрёк: «О, жалкий человек! Почему же ты мне раньше не сказал о своём несчастье? Откуда у тебя силы терпеть такое бедствие, не наложив на себя рук!»

По поводу каждой являющейся тебе вещи помни, что тебе следует вернуться в самого себя и там найти, какая у тебя имеется способность, чтобы хорошо пользоваться этой вещью. Если ты видишь красивую девушку или, соответственно, юношу, то применительно к этой вещи ты найдёшь способность, которая зовётся сдержанностью; если это какая-то неприятность, какая-то работа, в твоём распоряжении отвага и терпение; если это оскорбления и брань, ищи в себе смирение и покорность. И так по каждому поводу, приучись призывать на помощь ту способность, что дала тебе природа, дабы с ним бороться, и тогда воображение и страх не смогут взять над тобой верха.

Ты вот целиком и полностью согласен с философами в том, что нужно быть твёрдым и постоянным в своих решениях. Одна только беда: всё упорство ты направляешь к тому, чтоб оставаться твёрдым в своих ложных мнениях, ошибках и безумстве. Но, друг мой, самое главное здесь не твёрдость, а то, чтобы решения были хороши, а мнения соответствовали истине вещей; а это значит, что и те и другие должны быть приняты с осторожностью и в согласии с правдой и разумом. Я тебе говорю, что у человека должно быть упорство, но нужно, чтобы это было упорство здорового человека, упорство сильного и мужественного атлета, а не упорство психопата. Ведь то, в чём упорствуешь ты, не здоровье, а болезнь.

И как нам не делать ложных выводов, как не заблуждаться? Ведь нас учат этому с самого детства. Кормилица выводит нас на прогулку, мы спотыкаемся о камень и принимаемся плакать. Вместо того чтобы выбрать нас, она укоряет камень и пинает его ногой. Но, бессмертные боги, чем виноват этот бедный камень? Должен ли он был угадать, что мы о него споткнёмся и откатиться в сторону, дабы сего избежать? Когда мы несколько подросли, и случись нам, выйдя из бани, не застать ужин готовым, мы

начинаем негодовать, выходить из себя; и наставник наш, вместо того чтобы выговорить нам за нашу необузданность, сам тоже принимается браниться и даже бьёт повара. Друг мой, разве тебя взяли наставником повару, а не ребёнку? Умеряй же порывы своего воспитанника, обуздавай его нетерпение. И когда мы уже люди взрослые и занимаем ответственное положение, мы, что ни день, даём примеры всё того же безрассудства. Вот почему мы проживаем жизнь детьми и умираем несмышлёнышами. Ведь что значит быть ребёнком? Как в грамоте ребёнком называют того, кто не умеет ни читать, ни писать или делает это плохо, так и в жизни ребёнком называют того, кто не умеет жить и придерживается вздорных мнений.

Если разум, который должен налаживать все и вся, сам оказывается разлажен, то кто же тогда наладит его самого?

Глупцы неисправимы, потому что, как говорит пословица, «глупца легче на тот свет отправить, чем хоть малость в чём-то исправить».

Не нужно бояться ни бедности, ни изгнания, ни тюрьмы, ни смерти; нужно только бояться бояться.

Когда садишься на корабль и видишь перед собой только небо и море, эту огромную массу воды, тебя окружающей, ты пугаешься так, словно в случае кораблекрушения, тебе придётся проглотить это море целиком, тогда как на самом деле довольно и трёх вёдер, чтобы ты утонул. Точно так же и при землетрясении ты воображаешь, будто весь город тебе свалится на голову, тогда как с тебя довольно и одного кирпича. О, жалкий раб мнения!

«Ах, когда-то я ещё увижу Афины и Акрополь!» Друг мой, разве ты можешь увидеть что-нибудь более прекрасное, чем небо, солнце, луна, звёзды, земля под ногами и море перед глазами? Если ты так удручён из-за того, что не

видишь всего лишь Афин, что будешь ты делать, когда в конце концов утратишь возможность видеть и самое солнце?

Мы все боимся смерти тела, но боится ли кто смерти души?

Друг мой, не хочешь ли ты наконец повзрослеть, чтобы питаться не грудным молоком, но серьёзной пищей? Неужели ты всё ещё хочешь плакать и с криком тянуться к сиське кормилицы, неужели тебя всё ещё услаждают сказки и песни, которыми она тебя убаюкивает?

Наши мнения служат нам правилом и мерой для наших действий и поступков. Что служит причиной несчастий Атрея у Еврипида? Мнение. А его Медеи, его Ипполита? Опять же мнение. А Эдипа у Софокла? Только мнение. И всегда мнение.⁵²⁻⁵³

Парису представилось нужным похитить Елену, а Елене – последовать за Парисом. Если бы ещё и Менелай почёл за лучшее обойтись без неверной жены, то что бы из этого вышло? Мы бы остались без «Илиады» и «Одиссеи». Остальное я считаю несущественным.⁵⁴

Если ты считаешь, что для Париса было большим несчастьем, когда греки вошли в Трою, предали всё огню и мечу, убили всю семью Приама и увели женщин в плен, то ты, друг мой, сильно ошибаешься. Великое несчастье приключилось с Парисом, когда он утратил стыд, скромность, нарушил верность и гостеприимство. Точно так же несчастье с Ахиллом случилось не тогда, когда был убит Патрокл, но когда он впал в гнев и когда принялся оплакивать Бризеис и забыл, что он явился на эту войну не за тем, чтобы заводить себе любовниц, а за тем, чтобы вернуть жену её законному мужу.

Ты, конечно же, видел ярмарку, на которую съезжаются люди со всех окрестных земель. Одни попадают туда, чтобы купить, другие – чтобы продать. Мало там оказывается таких, что явились туда из одного любопытства, дабы поглядеть на самую ярмарку и поинтересоваться, почему она случается и кто всё это придумал. Точно так же и с этим миром. Все люди приходят сюда либо продавать, либо покупать. Мало таких, которые находят здесь, чтобы восхищаться великим зрелищем этой вселенной, чтобы узнать, что такое этот мир, кто его создал, почему и как он им управляет, ибо не может такого быть, чтобы мир сей не был кем-то создан и кем-то не управлялся. Ни город, ни отдельный дом не могли бы существовать без строителя и весьма быстро придут в негодность, если ими не управлять. А кто-то хочет, чтобы столь необъятная и восхитительно устроенная машина, как этот мир, возникла и продолжала существовать по чистой случайности! Нелепое допущение. Есть, стало быть, некто, кто её создал и кто ею управляет. Кто же это, и как он ею управляет? И мы сами, также его произведение, кто мы есть? И почему мы есть? Очень мало людей, предающихся таким размышлениям, людей, которые, восхитившись творением и благословив мастера, уходят отсюда довольные. Но стоит им обнаружить себя, как они сразу же становятся предметом насмешек для всех остальных, наподобие того, как праздные посетители оказываются жертвами зубоскальства торговцев, коих те почитают зеваками. Оно и понятно: обладай скоты способностью речи, как бы потешались они над всяким, отвращающим морду от пастбища!

Ты оказался проездом в этом городе, и пока корабль разгружается в гавани, ты говоришь самому себе: «Пойду-ка я погляжу на Эпиктета, да послушаю, что он скажет». Ты приходишь, видишь меня, и вот, собственно, и всё. Что значит беседовать с человеком? Не правда ли, это значит узнать его мнения и объяснить ему свои? У меня ошибочное мнение, избавь меня от него. Ты пребываешь в заблуждении, так терпи же, коль я тебя из него вызволяю. Вот что значит

беседовать с философом. Ты же вместо всего этого являешься ко мне с визитом и, найдя свои труды напрасно потраченными, возвращаешься ни с чем назад. «Этот ваш Эпиктет – полное недоразумение. Стар, хром, да к тому же ещё слова из него не вытянешь!» Разве дело в этом? Вот так и устроены люди: подавай им говоруна витийствующего, а сами-то они все дни напролёт друг с другом как статуи: не стремятся себя узнать, понять один другого и хоть в чём-то улучшить. Погоня за развлечениями да пустое любопытство – вот и весь предмет их забот и цель всех усилий.

Мудрец спасает свою жизнь, теряя её.

«Если б Сократ, – говоришь ты, – согласился тогда на побег, он мог бы ещё принести много пользы людям». Нет, друг мой, то, что Сократ сказал и сделал, отказавшись спасать свою жизнь и умерев за справедливость, людям гораздо полезнее всего, что он мог сказать и сделать после того, как спасся бы бегством.

Ты узнал несколько философских правил и вот тебе уже не терпится учить им других. А тебе не приходило в голову, что ты попросту изрыгаешь то, что ты толком не переварил, совсем как испорченный желудок изрыгает попавшее в него мясо? Усвой, мой друг, толком то, что ты узнал, пусть изменится состояние твоего ума – это и будет верный признак того, что умственная пища тобою вполне усвоена, а тогда уж учи других. «Но такой-то уже открыл свою школу, и я тоже хочу, чтоб у меня была школа». Жалкий раб! Разве школу открывают по прихоти или недоразумению? Нужно быть в зрелом возрасте, нужно придерживаться определённого строя жизни и иметь к тому же божеское призвание. Без этого ты всего лишь самозванец, который кощунствует. В лучшем же случае ты похож на врача, который обзавёлся лекарствами, но не знает как их применять и что ими лечить.

«Люди никак друг с другом не связаны, общество – всего лишь досужая выдумка; боги никак не вмешиваются в дела человеческие; и нет иного блага, кроме сладострастия и распутства». Вот и все нехитрые поучения философствующего сластолюбца. О, несчастный! Стоило ли тебе столько трудов положить, столько ночей глаз не смыкать, чтобы написать книги, содержащие подобную премудрость? Не лучше ль тебе было вместо того просто лежать в тёплой постели да и вообще вести жизнь червя, поскольку это единственная, коей ты счёл себя достойным? Послушать тебя, так благочестие и святость – лишь выдумка заносчивых людей и софистов. Справедливость – не более, как проявление слабости, стыдливость – просто откровенная глупость. С твоей помощью нет более ни отца, ни сына, ни брата, ни гражданина. Какое бесстыдство! Какая самонадеянность! Орест, осаждаемый чёрными фуриями, не зол как ты.

Как не во власти человека дать согласие на то, что ему представляется неверным, и отказать в нём тому, что ему представляется правильным, точно так же не в его власти отвергнуть то, что ему представляется хорошим.

Тот, кто утверждает, будто вор не тот, кто ворует, а тот, кто попадает, без сомнения, будет и сам воровать, если уверен, что об этом никто не узнает.

Если человеку культуры не хватает, а он имеет в чём-то преимущество перед остальными, или только воображает, что оно у него есть, то он становится совершенно невыносим. Его-таки распирает от гордости, и он неизменно злоупотребляет своим мнимым достоинством.

Вот ты идёшь в амфитеатр, но ты уже заранее решил, что хочешь, чтобы такой-то актёр, такой-то атлет был увенчан лавровым венком. Прочие же зрители хотят, чтобы победа досталась другому. Это несогласие с твоим мнением

выводит тебя из себя: как же! ведь ты претор, и все, на твой взгляд, обязаны склониться пред твоим желанием. А что, разве у всех остальных нет своего мнения? Разве у них нет своих желаний? И разве нет у них точно такого же права возмутиться из-за того, что ты противишься их представлениям о справедливости? Если тебе дорого собственное спокойствие и не нужны споры и возражения, то желай, чтобы лавровый венок достался тому, кто им будет увенчан. А если ты так уж хочешь присудить его тому, кому тебе хочется, устрой игры и состязания у себя дома, частным порядком, и тогда, в своих собственных стенах, ты сможешь с полным правом провозгласить: «Такой-то победил на сегодняшних почётных состязаниях!» Но на людях не присваивай себе то, что тебе не принадлежит, пусть волеизъявление останется свободным.

Несчастье с людьми всегда случается из-за непредусмотрительности и самонадеянности. Люди так похожи на оленя, который спасается от летящего на него сверху орла и, увёртываясь, попадает вдруг в западню, в которой и находит свою кончину.

Ты вот утверждаешь, что доверие никак не совмещается с предусмотрительностью. Только ты ошибаешься: совместить их ты можешь. Просто предусмотрительность обрати на вещи, от тебя зависящие, а доверие – на те, что от тебя не зависят. Так ты проявишь и предусмотрительность, и будешь исполнен доверия, ведь, избегая благодаря благоразумию истинных зол, ты мужественно выдержишь мнимые бедствия, которыми тебя пытаются запугать.

Фелицион был глупцом, которого никто словом не достаивал, а тут государь возьми и доверь ему попечение о своём паланкине. И вот уже Фелицион важная особа, да и слывет умницей. От каждого только и слышишь: «Какую прекрасную речь произнёс сегодня Фелицион!» Ничего, вот подождите немного: монарх лишит его забот о своём

паланкине – и ваш умник сразу снова станет для вас глуп, как пробка.

Вот тебе ещё конкретный пример, из коего сможешь судить о характере и нраве придворных. У Эпафродита, предводителя императорской когорты, был раб, отправлявший ремесло башмачника. Раб этот был так глуп и так неискусен, что, не зная, что с ним делать, Эпафродит продал его. И что же? Какой-то из слуг Нерона покупает его, и волей случая тот становится башмачником самого императора, и в конце концов – его фаворитом. На следующее утро Эпафродит первый перед ним угождает. Эпафродита больше нигде не видать, он целыми днями сидит взаперти и рассуждает о важных делах с человеком, которого сам же и продал из-за его крайней глупости и никчёмности.

Весьма уважаемый человек – ныне он отправляет должность римского префекта по продовольствию, – возвращаясь из изгнания, по дороге в Рим нанёс визит мне. Красочно и с чувством он описал мне ужасы придворной жизни, заверил меня, что она ему до крайности противна, что он ни за что на свете не согласится вкусить её вновь и что ту малость времени, какую ему осталось провести на свете, он желал бы прожить в покое, вдали от дел, от шума и суеты. Я заверил его, что ничего подобного он не совершит, что стоит только ему очутиться в Риме, как он тут же забудет все свои благие намерения. И что если ему представится возможность сблизиться с императором, он ею непременно воспользуется. Уходя от меня, он сказал: «Эпиктет, если только услышишь, что я снова заделался придворным, то так и говори всем, что я самый последний на свете негодяй!» И что же из этого вышло? Прямо на подъезде к Риму он получает письмо от кесаря и сразу и думать забывает о своих клятвах и замыслах, вот уж он и самый первый усердник при дворе – так-то и исполнилось моё предсказание. «А что, – сказал мне кто-то, – ему, по-твоему, делать? Неужели же в праздности и лени провести остаток дней?» Ты что же, голубчик, полагаешь, что

философ, что человек, проявляющий попечение о себе, ещё ленивее куртизана? Что его занятия не так важны и не настолько серьёзны? Право слово, каких олухов терпит земля!

Я не порицаю ни красноречия, ни умения хорошо писать, я порицаю лишь то, если этими талантами дело и ограничивается, ведь есть вещи более важные и серьёзные.

Уважение, оказываемое тем, кто может причинить вред, подобно алтарю лихорадке, воздвигнутому посреди Рима. Её почитают, потому что боятся.

Один человек пришёл узнать моё мнение о своём намерении вступить в коллегия жрецов Августа в Никополисе. «Вот уж, почтеннейший, – говорю я ему, – с какой стати? Труд, право, напрасный». – «Да как же, – говорит, – ведь моё имя будет увековечено, его занесут в реестры!» – «Тогда напиши его на камне, оно пребудет ещё дольше. К тому же, кто будет о тебе знать за пределами Никополиса?» – «Да ведь я буду носить золотую корону!» – «Если в этом твоё стремление – корона ради короны, то лучше уж сплети себе корону из роз, она легче золотой, да и более тебе к лицу».

Философия, считают многие, путь долгий и мучительный. Вы, друзья мои, ошибаетесь. Не такой уж он долгий, ведь чему может научить нас философия? Следовать повелениям Божьим, умерять свои желания, правильно пользоваться своим мнением и не позволять сбивать себя с толку. Вот если говорить о том, кто есть Бог, что такое желания и мнения, то это и впрямь будет долгий разговор. Но разве философы, наставляющие вас относительно того, что такое наслаждение, так уж кратки? К примеру, Эпикур говорит вам: «Благо человека заключается в его теле». Скажи же мне тогда, что такое тело, что такое душа, что составляет нашу сущность – и вы увидите, что это не короче всего остального.

Что это, приятель, ты ступаешь так, словно аршин проглотил? «Мне угодно, чтобы прохожие восхищались мной; пусть со всех сторон мне будет слышен восторженный шёпот: *«Вот идёт великий философ!»* Каковы же те люди, восторгов которых ты добиваешься? Не те ли самые, о которых ты говорил как о глупцах? Значит, тебе приятно восхищение глупцов? Тогда ты самый первый из них!

«В амфитеатре я желаю сидеть на сенаторской скамье!» – Боже правый! Ты совсем себя не бережешь. К тому же тебе надо изрядно торопиться: желающих там оказаться и без тебя хватает. – «Но ведь иначе представление мне будет плохо видно». – Ну, так и не смотри на него, какая в самом деле необходимость в том, чтоб ты его видел? А если тебя так влечёт желание посидеть на той скамье, так дождись тогда, пока все уйдут. Когда зрелище закончится, ты власть насидишься на своей любимой скамейке.

Люди охотно прощают ошибки, которые совершают сами. Так случилось оно и со мной. Курций Руф как-то раз меня в чём-то упрекнул. Я ему ответил: «Ну и что, от этого ведь capitoлий не сгорел?» – «Несчастный, – говорит он мне, – дать такого маху по подобному поводу – это хуже, чем спалить capitoлий!»

Людей надо избавить только от двух вещей: от самонадеянности и от безразличия.

Стоит тебе только сказать себе, что счастье возможно лишь в Риме, в одних только Афинах – как ты пропал! Потому что отныне, где бы тебе ни довелось быть, ты останешься глубоко несчастным, будучи лишён права вернуться в сии заманчивые места; а случись тебе вновь попасть туда, то неуёмная радость, захлестнувшая тебя, может тебя и вовсе доконать. Избегай, стало быть, восклицаний вроде этих: «Как прекрасен Рим! Как

восхитительны Афины!» Помни, в самом деле, что счастье куда прекраснее и восхитительнее. И сколько хлопот в этом самом Риме, ведь, чтобы жить в нём, скольких людей тебе приходится обхаживать! Не следует ли тебе притти в восторг от того, что все эти хлопоты и заботы ты променял на подлинное счастье – быть самим собой и знать всему цену?

Ничто великое и прекрасное не совершается во мгновение ока, не случается единым махом. Ведь даже винограду или финикам нужно время, чтобы стать самими собой. Если ты в разгар зимы скажешь мне: «Мне хочется смокв, подай их мне!», я тебе отвечу: «Всему своё время, почтеннейший, всему свой черёд. Тебе придётся подождать, ведь смоквы не родятся сами собою, затем им нужно вырасти, и, наконец, – созреть. А ты хочешь, чтобы плоды сразу и вдруг явились в готовом виде по первому твоему зову. Это и не разумно, и не справедливо».⁵⁵

Коли и впрямь хочешь преуспеть в постижении мудрости, откажись от суждений вроде следующих: «Если я не буду заниматься своими делами, то быстро разорюсь и у меня не будет средств к жизни. Если я не накажу своего слугу, он станет совсем нерадивым». Ведь лучше прогнать все заботы и страхи и потом умереть с голоду, чем прозябать посреди изобилия и роскоши со страхами и печалью. Пусть лучше слуга твой сделается нерадивым, чем ты, выбравив его, из-за этого станешь жалким. Начни, стало быть, с мелочей: кто-то разлил твоё масло, кто-то украл у тебя вино; скажи обо всём этом: это цена, которой покупается спокойствие; это цена, которую приходится платить ради обретения свободы. Ведь ничто не достаётся даром. Когда зовёшь слугу, то помни, что он может тебя не слышать; более того, что он может не делать того, что ты ему велел. Ты скажешь мне, что твой слуга дурно истолкует твоё терпение и станет совсем неисправим – именно так, зато тебе это всё пойдёт на пользу, потому что таким способом ты научишься избегать волнений и беспокойств.

Мы можем узнать намерения природы в отношении нас через вещи, относительно которых между нами не появляется разногласий. К примеру, слуга твоего соседа разбил хрустальный кубок, или что-нибудь ещё; ты, чтобы хоть как-то утешить его, непременно ему скажешь, что это, мол, дело обычное, житейское. Знай, стало быть, что когда разобьют кубок у тебя, ты должен оставаться таким же спокойным, как был, когда пострадал кубок соседа. примени это правило к вещам более важным. Когда у кого-то умирает сын или жена, то нет советчика, который бы не сказал ближнему, что все люди смертны. Но когда у такого советчика умирает его сын, или его жена, то от него только слышно, что стоны, плач да стенания: «О, горе мне! Какое несчастье меня постигло!» А ведь ему стоило бы вспомнить, как он держал себя, когда дело касалось других, чтобы и сейчас проявить твёрдость, и это было бы правильно.

Тебе хочется быть увенчанным лаврами как победителю олимпийских игр? Да, пожалуй, и мне тоже – ведь чести много. Но прежде всё же рассмотри, что предшествует и что следует за столь славным событием. После этого рассмотрения можешь уж смело приступать к делу. Так что же потребуется от тебя ради стяжания сих лавров? Прежде всего, придётся тебе придерживаться строгих правил и ограничений: не есть больше, чем можешь; воздерживаться от всего вкусного; холодное пить лишь понемногу, да и то редко; напрочь отказаться от вина. А что же далее? А далее, в установленные часы, невзирая ни на что, и в жару и в холод, упорно заниматься упражнениями; короче говоря, без остатка вверить себя наставнику палестры, а заодно и врачу. И что же после всего этого? А после всего идти и сражаться на игрищах и там наглотаться множества пыли, получать иногда удары бича, а может быть, и оказаться раненым, лишиться ноги. А что потом? А потом, скорее всего, оказаться побеждённым. Приняв всё это во внимание, теперь ступай, коль хочешь, в атлеты. Одно твёрдо знай: без этого

рассмотрения, без подобной предосторожности, ты всего только уподобишься детям, которые лишь шумят да кривляются: то они играют в борцов, то в гладиаторов, то дуют в трубу, то воображают себя трагическими актёрами. Без предварительного помышления то же получится и с тобой: ты будешь то атлетом, то гладиатором, то ритором, и, наконец, даже философом, а в глубине души ты ничем не будешь. Уподобившись обезьяне, ты будешь изображать всё, что делают вокруг тебя другие, и все вещи, тебя окружающие, будут привлекать твоё внимание и по очереди нравиться тебе. А всё потому, что прежде ты не рассмотрел и не обдумал того, чем ты хотел заняться. Ты устремился к этому делу без всякого понимания, из одной лишь прихоти и пустого каприза. Таким же образом некоторые, увидев философа или услышав, как кто-то сказал кому-то: «О, Евфрат хорошо говорит! Разве может с ним кто-то состязаться!», тотчас же сами хотят заделаться философами.

«Здоровье есть благо, а болезнь есть зло». Никудышное рассуждение, вздорные речи! Пользоваться здоровьем во благо – вот что такое добро, пользоваться им во зло – самое настоящее зло. Пользоваться болезнью во благо – вот оно, добро, и пользоваться ею во зло – вот поистине зло. Благо можно извлечь буквально из всего, хоть из самой смерти. Так, Менекей, сын Креонов, не извлёк ли из своей смерти великого блага, принеся себя в жертву ради отчизны? Он проявил тем своё благородство, великодушие, верность, отвагу. А цепляйся он за жизнь, так лишился бы всех этих достоинств и лишь впал в пороки, им противоположные: в ничтожество, мелочность, неблагодарность и трусость. Отриньте же своих идолов из грязи, и, дабы стать свободными, откройте глаза свету и истине!

Я не спрашиваю у вас рекомендательных писем, приберегите их для глупцов и невежд. Вот вам образец такого письма: «Рекомендую вам сей труп – это поистине сгусток крови, который ещё не запёкся». Именно так следует

рекомендовать человека, у которого не хватает ума понять, что не во власти другого сделать его несчастным.

«Ты хочешь от меня рекомендательного письма?» – изумился Диоген просьбе одного чудака и ответил ему так: «Тот, кому ты просишь меня написать похвалы на твой счёт, и без меня первым делом увидит, что ты человек. И если он разбирается в людях, то увидит ещё, *что* ты за человек – добрый или злой. А если он в людях не разбирается, то напиши я ему хоть сто писем, он тебя лучше от того не узнает. Золотая монета сама себя рекомендует тому, кто достаточно знает толк в золоте, чтобы отличить его от подделки. Твоя задача – лишь быть такой золотой монетой!»

Невозможно, чтобы я не совершал ошибок; но весьма возможно, чтобы у меня постоянно имелось намерение помешать себе их совершить. И уже немалое дело, если это непрестанное внимание сокращает их число и избавляет нас от некоторых из них.

Когда ты говоришь, что справишься завтра, знай: это значит лишь одно: что сегодня ты намерен оставаться бесстыдным, распутным, трусливым, вспыльчивым, завистливым, несправедливым, корыстным, коварным. Видишь, сколько зол ты себе позволяешь. «Но завтра-то я буду уже другим человеком!» А почему не сегодня? Начни сегодня готовиться к завтрашнему дню, иначе и завтра ты отложишь это ещё на потом.

На какое-то время ты перестаёшь неусыпно следить за собой, ты считаешь, что всегда можешь вернуться к этому, если тебе будет нужно. Ты заблуждаешься. Самая незначительная ошибка, который ты сегодня пренебрег, завтра направит тебя к большей, и эта небрежность, повторяясь, создаст тебе привычку, от которой ты не сможешь отделаться.⁵⁶

От всего, что можно с пользой перенести на потом, можно ещё с большей пользой отказаться совсем.

Внимание необходимо во всём, вплоть до самих удовольствий. Встречал ли ты в жизни хоть какое-то дело, управиться с которым было бы проще благодаря рассеянности?

Те, кто утверждают, что истина непознаваема, сами же и отрицают это правило своим посягательством на истину. Ведь независимо от того, верно или ложно данное утверждение, оно является общеизвестной истиной.

Поистине власть имущий должен обладать незаурядными достоинствами, если люди привязаны к нему лишь из любви.

«Я хром, а что пользы в том, чтобы я был хромым?» О, жалкий раб! Нужно ли обвинять Провидение из-за дурной ноги? Ведь в чём больше смысла: в том, чтобы Провидение зависело от твоей ноги, или в том, чтобы твоя нога зависела от Провидения?

«Почему мне достался такой отец и такая мать?» Ну, дружок, разве до твоего рождения ты мог сказать: «Хочу, чтобы такой-то женился на такой-то и чтобы я родился у них!»? Если тебе не повезло с рождением, то разве не в твоей власти исправить его добродетелью?

Величие ума не измеряется его протяжённостью, оно измеряется верностью и истинностью суждений.

Я спрашиваю тебя, каких успехов добился ты в деле постижения добродетели, а ты тычешь мне книгой Хрисиппа, да ещё хвастаешь, будто понимаешь её. Несчастный, ведь это всё равно, как если б атлет, силу которого я хотел узнать, вместо того чтоб показать мне свои мускулистые руки и

широкие плечи, предъявил свои гири и гантели. Так вот: точно так же, как если б я хотел увидеть, чего добился атлет своими гирями, я хочу увидеть, чего достиг ты с этой книгой Хрисиппа. Претворил ли ты его наставления, применил ли их в дело? Ты правильно, ты к должным предметам приложил свои страхи и опасения? Успех проявляется только в самом деле. Имеешь ли ты душу возвышенную, свободную, верную, стыдливую? В таком ли она пребывает состоянии, что ничто уже не может ни нарушить её покой, ни служить ей препятствием? Изгнал ли ты навсегда из жизни своей стенания, жалобы и недостойные восклицания вроде: «О, я несчастный! О, горе мне!»? Размыслил ли ты над тем, что такое тюрьма, изгнание, цикута? И можешь ли ты по всякому поводу сказать: «Мужественно пройдем и чрез это, ибо по сему пути призывает нас Бог!»?

Если взять предложение: «Занялся день; наступила ночь», то можно сказать, что оно вполне разумно, когда поделено на две части, и совершенно бессмысленно, если эти части соединены в одну, сложносоставную фразу. Точно так же и на пиру, куда тебя позвали, нет ничего бессмысленнее как желать и требовать всего для одного себя, нисколько не считаясь с другими. Когда, стало быть, тебя пригласят на обед, помни, что следует помышлять не столько о достоинствах и качестве блюд, которыми тебя угощают и кои возбуждают твой аппетит, сколько о достоинстве того, кто тебя призвал, и сохранять к нему внимание и почтение, коих он заслуживает.

Этот субъект доверил тебе свою тайну, и вот ты уже полагаешь, будто с твоей стороны долг вежливости, честности и справедливости доверить ему также свою. Если ты и впрямь так считаешь, то ты попросту осёл, дурак набитый. Вспомни-ка, чему ты так часто был свидетелем: тайный осведомитель, вырядившись обывателем, подсаживается к гражданину и после нескольких пустых фраз начинает дурно говорить о цезаре; гражданин, тронутый

такой откровенностью, воображает, что слова собеседника могут служить залогом его верности, и изливает ему свою душу, также нелестно отзываясь о монархе, и тогда наёмник сбрасывает свою личину и тащит простака в тюрьму. Вот что случается каждый Божий день. У того, кто доверил тебе свою тайну, лишь маска и наряд честного человека. Впрочем, никакого доверия он тебе вовсе не оказывает, это лишь несдержанность языка: то, что он говорит тебе на ухо, он говорит также всем прохожим на перекрёстке. Это дырявая бочка, и твой секрет он будет хранить не больше, чем свой, если б таковой у него был.

Покажи мне, что у тебя есть стыд, преданность, постоянство, что ты не похож на бездонную бочку. Я не стану тогда дожидаться, чтоб ты доверил мне свой секрет, а первым попрошу тебя выслушать мой. Ведь кто откажется от слушателя, который к тому наш благожелательный и верный советник? Кто не ищет и с радостью не обретает преданного наперсника, готового разделить все наши беды и помогающего нам нести их бремя?

Видишь человека любопытного и хлопочущего о вещах посторонних, не находящихся в нашей власти? Можешь быть уверен, что он болтлив и охотно выдаст всем твой секрет. Чтобы заставить его говорить, к нему не нужно подносить ни пылающий факел, ни раскалённые щипцы. Улыбка продажной девки, малейшая милость от придворного, обещание должности или звания от вельможи, надежда получить в наследство какое-то имущество и тысяча других подобных вещей исторгнут у него твой секрет, и без особых хлопот.

Когда ты один, ты говоришь, что ты в пустыне; когда ты в большом свете, ты говоришь, что ты среди разбойников, воров, плутов. Ты жалуешься на родных, на жену, на детей, на друзей и соседей. А ведь если б ты был рассудителен, то, оказавшись в одиночестве, ты бы говорил, что ты на отдыхе,

на свободе, что ты наслаждаешься собственным обществом и что ты подобен Божеству. И тогда среди людей, вместо того чтоб печалиться и называть общение с ними обузой, суетой, ты называл бы это праздником или общественными играми – и так всегда был бы доволен.

Неужели ты хочешь уподобиться скверным трагикам, которые могут петь только вместе с другими?!

Император даровал земле мир: прекратились войны, бои, разбой и пиратство. В любое время, во всякий час можно теперь куда угодно идти одному, ничего не боясь. Но разве во власти монарха даровать нам мир без болезней, без кораблекрушений, пожаров, землетрясений, ударов молний? Увы, даровать такой мир только во власти богов, и глашатай, обнаруживающий сию радостную весть, есть разум. Тот, у кого в душе царит такой мир, не боится всю жизнь провести в одиночестве.⁵⁷

Что делают дети, когда остаются одни? Они играют и развлекаются: строят из камешков и песка маленькие крепости, которые сами же потом разрушают. Таким образом, у них никогда нет недостатка в развлечениях. А разве того, что они делают по детской глупости, ты уже неспособен делать по мудрости лет? Вокруг нас повсюду хватает «песка» и «камешков». Впрочем, нам надо столько построить в себе и столько разрушить! Так что нам вовсе не стоит сетовать на то, что мы одни!

Ты жалуешься на одиночество, а что ты называешь одиночеством? Просто ли быть вне отношений с людьми или быть лишённым всякой помощи от них? А если подумать над тем, что человек иногда ничуть не менее одинок посреди целого Рима в окружении своих родных, друзей, соседей и толпы рабов? Не вид первого встречного разрывает покров одиночества, но именно вид человека добродетельного, преданного, готового прийти на помощь. Да и точно ли ты

один? Бог довольствуется собой и всё отыскивает в себе самом. Старайся на Него походить, ведь это целиком в твоей власти. Веди беседу с самим собой: тебе ведь ещё столько надо сказать самому себе и о столько надо себя спросить! Зачем тебе кто-то ещё? Тебе не от кого ждать помощи? Нет у тебя ни отца, ни брата, ни детей, ни друзей, ты всех их лишился? Но разве нет у тебя бессмертного Отца, который всегда заботится о тебе и окажет тебе всякую необходимую помощь?

Когда видишь кого-то в трауре и в слезах из-за смерти или отъезда сына или из-за потери имущества, смотри, чтобы воображение не сбивало тебя с толку, не позволяй ему убеждать тебя, будто этот человек действительно претерпевает серьёзные беды из-за вещей столь внешних. Сделай внутри себя такое различие: то, что его беспокоит и удручает, совсем не то, что с ним случилось, а только его мнение о происходящем, ибо на кого-то другого те же вещи не производят особенного впечатления. Если, однако, в том есть необходимость, не отказывайся плакать вместе с ним и сострадать ему в боли его своими речами; но остерегись, чтобы твоё сострадание не перешло тебе внутрь и чтобы ты не оказался понастоящему удручён.

Ты только что получил вести из Рима, и вот ты уже в печали и трауре. А с какой стати? Неужели возможно, чтобы то, что происходит в двухстах верстах от тебя, было в состоянии сделать тебя несчастным? Ведь скажи мне, на милость, какое несчастье может постичь тебя там, где тебя нет?

Когда тебе сообщают скверную новость, вспомни, что на самом деле она тебя не касается, так как она не относится ни к одной из вещей, находящихся в твоей воле. «Но мне предъявлено страшное обвинение, меня обвиняют в безбожии и безнравственности!» Ба! Да разве не в том же обвиняли и Сократа? «Но ведь меня могут приговорить к смерти!» А что,

разве Сократа не приговорили к тому же? Пойми толком, что наказание бывает только там, где есть преступление. Эти две вещи нераздельны. Так что и не вздумай считать себя несчастным, коль за тобой нет никакой вины! Кто, по-твоему, был несчастнее: Сократ или же те, кто его осудил? Опасность, стало быть, грозит не тебе, она подстерегает исключительно твоих судей. И поскольку ты не можешь умереть виновным в преступлении, которого не совершал, то они, стало быть, могут приговорить к смерти только невиновного. Может ли быть доля ужаснее той, что они себе уготовят?

Ты раздосадован, что приходится покидать место столь прекрасное; вот ты уже стенаешь и готов разрыдаться. Выходит, ты несчастнее, чем вороны и галки, потому что те меняют климат и перелетают моря без стонов и сожалений по поводу мест, которые оставили. «Так ведь то ж глупые птицы!» А что, разве тебе боги дали ум, чтобы ты был несчастным? Неужели тебе более по нраву, чтоб люди уподобились деревьям, пустившим корни глубоко в землю и потому никогда не переменяющим места? «Но ведь я покидаю друзей!» Ба, весь мир полон друзьями, которые готовы быть тебе опорой и защитой. Ведь в нём живут люди, с которыми тебя соединила природа. Скажи, разве Одиссей, избородивший все моря, не обретал себе в странствиях новых друзей? И Геракл, объездивший мир больше прочих, разве не находил себе друзей в других землях?

Пойми: всё, что у тебя есть, тебе было дано. У тебя нет ничего, что ты бы ни принял от другого во временное пользование. И вот тот, кто тебе что-то дал, это что-то берёт у тебя назад. И ты не только безумец, но и дрянь, неблагодарная и несправедливая, если тому противишься.

Ты готов и сам стареть целую вечность, и отказываешься допустить, что кому-то из тех, кого ты любишь, нужно умереть. Иными словами, ты хочешь, чтобы все друзья твои были бессмертны и чтобы ради тебя одного

боги изменили законы, управляющие миром, и порядок, заведённый в нём. Это что, справедливо? И, может быть, ты думаешь, что ты прав?

Твой друг, твой сын покинул тебя, и ты плачешь. А ты разве не знал, что человек в этой жизни странник? Ты несёшь бремя своего безрассудства. Ты что, надеялся, что при тебе всегда будут предметы твоих удовольствий, что вечно будешь наслаждаться приятными тебе занятиями в приятных тебе местах? Да кто ж тебе и когда обещал такое?

«Так я останусь в полной неизвестности, и меня все станут презирать». Пусть такого рода мысли и соображения тебя не занимают. Потому как если презрение есть зло, ты не можешь подвергнуться злу по вине другого, равно как и понести урон из-за чужих поступков. Занимать самые первые должности – разве это как-то от тебя зависит? И быть званым на пир зависит от тебя? Да ни в коей степени. Так как же это может быть для тебя презрением или бесчестьем? Как может такое выйти, чтоб ты остался в полном ничтожестве – *ты*, который призван быть чем-то лишь в вещах, находящихся в твоей власти, в которых ты можешь проявить всю свою значительность и всё своё превосходство? Ты ничем не сможешь помочь своим друзьям? Что значит – ничем не сможешь? Ты не ссудишь их деньгами? Не дашь им римского гражданства? А кто тебе сказал, что эти вещи входят в число находящихся в нашей власти или принадлежат другим вместо нас? И кто может дать другим то, чего он сам не имеет? «Собирай и копи имущество, – внушают тебе со всех сторон, – тогда и мы сможем им попользоваться». Что ж, если я могу заняться этим, не утратив стыда и скромности, сохранив верность и великодушие, то покажите мне путь, по которому следовать, чтоб стать богатым, – и я им стану. Но если вы хотите, чтоб я лишился своего истинного имущества, для того чтоб вы смогли обрести ложное, то сами судите, насколько скверную шутку вы со мной играете, сколь это честно и порядочно с вашей стороны. Что вам более по душе:

деньги или мудрый и преданный друг? Так и помогите же мне обрести эти добродетели и не требуйте, чтоб я делал то, что заставит меня их лишиться. «Но тогда, – быть может, скажешь ты ещё, – я буду бесполезен отечеству, я не смогу оказать ему услуг!» Что значит бесполезен? Каких услуг? Ты не сможешь воздвигнуть здания с колоннами, настроить купален и чего-то там ещё? Что, из-за этого в городе башмаки станут тачать кузнецы, а башмачники ковать мечи? Да ничего подобного! Достаточно, чтобы каждый был на своём месте и занимался своим делом. И если вместо вздорного бездельника, каким бы ты был, ты преподнёс в дар отечеству своему гражданина мудрого, скромного и верного, разве ты не оказал бы ему никакой услуги? Без сомнения, ты окажешь ему тем услугу, и, будь уверен, немалую; а стало быть, и бесполезным не будешь. «Какое же звание я буду иметь в своём городе?» То, которое ты можешь иметь в нём, не изменяя своей верности и скромности. Ведь если, желая служить городу, ты лишишься этих добродетелей, то от тебя, ставшего коварным и бесстыдным, каких услуг сможет он ожидать тогда?

Все мы рождены не одно дело делать, и разное у нас назначение.

Хочешь украсить и облагородить град свой даром чрезвычайно редким и бесценным? Так отдай ему себя после того, как сделаешь себя образцом порядочности, доброжелательности и справедливости!

О СМЕРТИ

Окинь мысленным взором все годы своей жизни, и ты увидишь, что ты всегда делал то же, что делаешь и сегодня.

Ты боишься произнести слово «смерть», ты считаешь, что это накликает беду. Нет, любезный, то, что происходит в согласии с природой, не может накликать беды. Вот бесстыдство, лень, трусость – они точно накликают беду. И ещё: пусть вещь тебе нежелательна, но бояться произнести слово – сущее ребячество.

Ты остережешься назвать смерть вещью, сулящей дурное. Нет ничего дурного в вещах, указывающих на действие природы. Лень, трусость, неуверенность, бесстыдство и все прочие пороки – вот это уж точно вещи, сулящие дурное.

За каким делом ты желал бы, чтобы тебя застала смерть? Вот я желал бы, чтобы она застала меня за занятием, достойным человека, чтобы это было дело великое, благородное и угодное общественному благу. А ещё более я желал бы, чтоб она застигла меня за исправлением меня самого, внимательного ко всем моим обязанностям, чтобы в этот миг я мог воздеть к небу свои чистые руки и сказать Богу: «Ни одной способностью, полученной мною от Тебя, чтобы познать Твоё провидение и целиком ему повиноваться, я не пренебрёг. Насколько позволяли мне силы, я старался Тебя не опорочить. Так-то я пользовался своими чувствами, мнениями. Я никогда не жаловался на Тебя, никогда не сердился на то, что Ты назначил мне, и никогда не стремился уклониться от этого испытания. Я не нарушил ни одной связи, которую Ты мне назначил. Я исполнен благодарности Тебе за то, что Ты для меня сделал. Я пользовался данными Тобой благами, пока Ты мне это позволял. Ты пожелал взять

их у меня назад, я их Тебе возвращаю, ибо Тебе они принадлежат и располагай ими, как Тебе будет угодно. Я полностью отдаюсь в Твои руки!»

Когда час мой придёт, я умру, но я умру, как то подобает человеку, который лишь возвращает то, что ему не принадлежит.

Зачем рождаются ягоды? Разве не за тем, чтобы созреть и быть сорванными, когда оне наконец созрели? Ведь не оставляют же их на ветвях, словно оне принесены в жертву? Обладай оне способностью чувствовать и рассуждать, неужели, ты думаешь, оне не предпочли бы быть сорванными? Нет, конечно же, остаться несобранными для них было бы равносильно проклятию. Так же и с людьми: лишиться способности умереть было бы проклятием для них. Ведь для человека не умереть – то же, что для ягоды никогда не созреть и остаться несорванной.

Какая тебе разница, от чего в конце концов умереть? Будет ли то лихорадка, меч, море, голод или какой-то тиран? Все дороги, ведущие в мир иной, одна другой стоят. Кратчайшая – это та, по которой отправит тебя тиран. Ведь ни один тиран не убивал человека в продолжении шести месяцев, а болезнь может убивать его в продолжении многих лет.

Человек, умирая, лишь возвращает то, что ему дано во временное пользование.

Так же как в длительном плавании, когда корабль твой заходит в порт, ты сходишь на берег, ты волен при прогулке нагнуться и подобрать раковину или сорвать гриб; но тебе всегда следует держать в уме свой корабль и часто поворачиваться в его сторону, ожидая, что капитан прикажет тебе подняться на борт. А если уж он тебе прикажет, тебе придётся всё бросить и бежать со всех ног, ибо если ты

замешкаешься, тебя кинут в трюм, как барана, со связанными руками и ногами. Точно так же и в путешествии, которым является наша жизнь: только вместо раковины и гриба тебе достались жена и ребёнок, и ты тоже можешь взять их. Но если капитан призовет тебя, тебе точно так же надо всё бросить и бежать на корабль, не оглядываясь назад. И если ты стар, то и не отдаляйся от корабля из опасения, как бы тебе, если капитан тебя призовет, не оказаться не в состоянии явиться перед ним.

Смерть рано или поздно должна прийти к нам – это неизбежно. За каким занятием она застанет нас? Земледелец будет заниматься своей землёй, садовник – своим садом, купец – своей торговлей, а ты, чем ты будешь занят? Что до меня, то я от всего сердца желаю в этот последний миг оказаться господином своей воли, дабы без волнения, спешки и принуждения я мог как свободный человек сделать это последнее своё дело, и чтобы я мог сказать Богу: «Нарушил ли я Твои повеления? Злоупотребил ли я дарами, кои Ты даровал мне? Подчинил ли я Тебе свои чувства, желания, мнения? Жаловался ли я когда на Тебя? Обвинял ли Твоё провидение? Я был больным, потому что Ты пожелал этого, и я тоже желал этого. Я был бедным, потому что Ты пожелал этого, и я тоже желал этого. Я жил в ничтожестве, потому что Ты пожелал этого, и я никогда не стремился выбраться отсюда. Видел ли Ты меня когда-нибудь грустным по поводу моего положения? Застал ли Ты когда-нибудь меня в унынии и ропоте? Я и теперь готов перенести всё, чему Тебе будет угодно подвергнуть меня. Малейший сигнал Твой – для меня ненарушимый приказ. Ты хочешь, чтобы я покинул великолепное зрелище, на которое Тебе было угодно призвать меня? Что ж, я ухожу, и я приношу тебе тысячу самых горячих благодарностей за то, что Тебе было угодно допустить меня сюда, дабы мне стали зримы все дела Твои, и чтобы предо мной развернулся изумительный порядок, с которым Ты правишь этой вселенной!»

* * *

1981-2005 зз.

Пусть даже скажут, что я повторяюсь, лишь бы
одновременно признавали, что и повторения бывают
порой полезны.

И.В. Гёте

Часть Вторая⁵⁸

ФРАГМЕНТЫ ЭПИКТЕТА,

**извлечённые из «Круга чтения» Льва Толстого
и иных источников**

Людей мучают не самые вещи, а представления, которые они создали себе о них.

По отношению к самому себе добро есть всё то, что возвышает, а зло – всё, что умаляет образ Божий. По отношению к людям добро есть желание блага другим, зло – желание блага самому себе.

Если люди делают зло, они делают зло самим себе; тебе же они не могут сделать зла. Ты рождён не для того, чтобы творить зло и грешить вместе с людьми, но для того, чтобы помогать им в добрых делах и в этом находить своё счастье.

Чтобы правильно и хорошо сделать какое-нибудь дело, нужно научиться делать его. Это понимает всякий. Так же точно для того, чтобы правильно и хорошо жить, нужно научиться жить правильно и хорошо.

Строгость отца – прекрасное лекарство: в нём больше сладкого, нежели горького.

Из всех творений самое прекрасное – получивший прекрасное воспитание человек.

Кто крепок телом, может терпеть и жару, и холод. Так и тот, кто здоров душевно, в состоянии перенести и гнев, и горе, и радость, и остальные чувства.

Не то жалко, что человек родился или умер, что он лишился своих денег, дома, имения: всё это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – своё человеческое достоинство.

С богатством увеличиваются пороки.

Умён, кто не печалится о том, чего нет, а доволен настоящим.

Глупцам богатство даже вредно, потому как чем кто глупее, тем безобразнее он себя ведёт.

Большое богатство нажить потом легко, а вот маленькие деньги, лежащие в его основе, наживаются с огромным трудом.

Честная бедность имеет в себе то преимущество, что ни один порядочный человек не променяет своей бедности на нажитое кривым путём богатство.

Нет такого крепкого и здорового тела, которое никогда не болело бы; нет таких богатств, которые не пропадали бы; нет такой высокой власти, под которую не подкапывались бы. Всё это тленно и скоропреходяще, и человек, положивший жизнь свою во всём этом, всегда будет беспокоиться, бояться, огорчаться и страдать. Он никогда не достигнет того, чего желает, а впадёт в то самое, чего хочет избежать.

Одна только душа человеческая безопаснее всякой неприступной крепости. Почему же мы всячески стараемся ослабить эту нашу единственную твердыню? Почему занимаемся такими вещами, которые не могут доставить нам душевной радости, а не заботимся о том, что одно только и может дать покой нашей душе?

Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских благ, откажись от души; если хочешь уберечь свою душу, отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того, ни другого.

Кто хочет иметь успех в мирских делах, тот не спит по целым ночам напролёт, постоянно хлопочет и суетится, подделывается к сильным людям и вообще поступает как

подлый человек. И в конце концов чего он всем этим добился? Он добился того, что его окружают некоторыми почестями, что его боятся и что он, сделавшись начальником, распоряжается другими людьми. Неужели же ты не захочешь сколько-нибудь потрудиться для того, чтобы освободить себя от всех таких забот и спать спокойно, ничего не боясь и ничем не мучаясь? Но знай, что такое спокойствие души не достаётся даром.

Разбросайте на улице орехи и пряники – сейчас же прибегут дети, станут подбирать их, подерутся между собою. Взрослые же не станут драться из-за этого. А пустые скорлупки и дети не станут подбирать. Для разумного человека богатство, почести, слава – или детские сласти, или пустые скорлупки. Пусть дети подбирают их, пусть дерутся из-за них, пусть целуют руки богачей и правителей и их прислужников: для разумного человека всё это – скорлупки. Если случайно попадёт в руки разумного человека какой-нибудь орех, почему же и не съесть его? Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться из-за него, свалить кого-нибудь с ног или самому валиться – не стоит из-за таких пустяков.

Когда я вижу человека, который мучит себя какими-нибудь опасениями и беспокойствами, я спрашиваю себя: что нужно этому несчастному человеку? Наверное, он хочет чего-нибудь такого, что не находится в его власти и чем он не может сам распорядиться; потому что когда то, чего я хочу, находится в моей власти, то я не могу беспокоиться об этом, а прямо делаю то, чего желаю.

Посмотрите, например, на человека, поющего или играющего на лире: пока он играет или поёт сам для себя, без всяких слушателей, он не беспокоится и не волнуется никакими опасениями или сомнениями. Но посмотрите на него тогда, когда он играет перед большой толпой народа; как он мучит себя, как он бледнеет и краснеет, как сильно бьётся

у него сердце! А почему? Потому, что он хочет не только хорошо сыграть или спеть, но чтобы и люди похвалили его, а это, очевидно, зависит не от него, но от слушателей его.

И вот он беспокоится о том, чем не может распорядиться сам, и мучит себя совершенно понапрасну. Он беспокоится не о том, что он плохо споёт или сыграет, – нет: он хорошо знает своё дело; он беспокоится не о деле своём, но о похвале людской, т.е. о том, что не в его власти.

Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка и печени.

Таким расстройством желаний болен всякий человек, который тревожится о будущем или мучит себя разными беспокойствами и страхами о том, что от него не зависит.

Мы все забываем, что если совесть наша чиста, то никто не может нам повредить, и что только от нашего неразумия и желания обладать внешними пустяками происходят всякие ссоры и вражды.

Следует всегда помнить, что мы не можем управлять событиями, а должны прилаживаться к ним.

Люди затрудняются, беспокоятся и волнуются только тогда, когда они заняты внешними делами, от них не зависящими. В этих случаях они тревожно спрашивают себя: «Что я стану делать? что-то будет? что из этого выйдет? как бы не случилось того или другого». Так бывает с теми, которые постоянно заботятся о том, что им не принадлежит.

Наоборот, человек, занятый тем, что от него самого зависит, и полагающий свою жизнь в работе

самосовершенствования, не станет так тревожить себя. Если бы он и стал беспокоиться о том, удастся ли ему держаться истины и избегать лжи, то я сказал бы: «Успокойся, – то, что тревожит тебя, находится в твоих собственных руках; гляди только за своими мыслями и поступками и старайся всячески исправлять себя». Так и не говори: «Что-то будет?» Всё, что ни случится, ты обратишь себе в поучение и пользу.

«А если я умру в борьбе с несчастиями?» – Ну что же? В таком случае ты умрёшь смертью человека честного, совершая то, что ты должен совершать. Нужно же тебе всё равно умереть, и смерть должна же застать тебя за каким-нибудь делом. Я был бы доволен, если бы смерть застала меня за делом, достойным человека, за делом добрым и полезным всем людям; или чтобы она застала меня в то время, когда я стараюсь исправлять себя. Тогда я мог бы поднять руки к Богу и сказать ему: «Господи, Ты знаешь сам, насколько я воспользовался тем, что Ты дал мне для понимания Твоих законов. Упрекал ли я Тебя? Возмущался ли против того, что со мною случилось? Уклонялся ли от исполнения своего долга? Благодарю Тебя за то, что я родился, за все дары Твои. Я пользовался ими довольно; возьми их назад и распорядись ими как Тебе угодно, – ведь они Твои!» Может ли быть лучшая смерть? Чтобы дожить до такой смерти, тебе не нужно многого лишиться, хотя, правда, этим самым ты много приобретаешь. Если же ты захочешь удержать то, что не твоё, то ты непременно потеряешь и то, что твоё.

Если ты знаешь, как надо жить людям для их блага, и желаешь добра людям, то будешь высказывать им это и высказывать так, чтобы они поверили тебе. Для того же, чтобы они поверили тебе и поняли тебя, тебе надо постараться передавать свои мысли спокойно и с добротой.

А между тем как часто мы поступаем как раз наоборот. Мы хорошо умеем беседовать с человеком, согласным или

почти согласным с нами; когда же мы видим, что собеседник наш не верит в ту истину, которую мы признаём, или даже не понимает её и, несмотря на наши усилия объяснить ему, продолжает не соглашаться с нами и, как нам кажется, упрямится или извращает наши слова, то как легко мы теряем наше спокойствие и раздражаемся! Мы или начинаем сердиться и говорить нашему собеседнику неприятности, или прекращаем разговор, думая, что с таким непонятливым или упрямым человеком не стоит и рассуждать.

Когда ты хочешь показать твоему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом – не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова.

Чем более собеседник твой заблуждается, тем важнее и желательнее, чтобы он понял и оценил то, что ты хочешь ему доказать.

Когда ты видишь, что человек заблуждается, не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнялся. Заблуждающийся – тот, кто искренно принимает ложь за истину.

Но бывает и так, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимают истины даже тогда, когда она раскрыта перед ними до полной очевидности. Они не принимают её не потому, что не могут понять её, а потому, что она обличает их злые дела, отнимает у них оправдание их пороков. Эти люди также заслуживают не гнева, а сострадания, потому что они больны не телом, а душою.

Посмотрите на то, как хочет жить раб. Прежде всего он хочет, чтобы его отпустили на волю. Он думает, что без этого он не может быть ни свободным, ни счастливым. Он говорит так: «Если бы меня отпустили на волю, я сейчас же был бы

вполне счастлив: я не был бы принуждён угождать и прислуживаться моему хозяину, я мог бы говорить с кем угодно как с равным себе, я мог бы идти куда хочу, не спрашиваясь ни у кого». А как только отпустят его на волю, он сейчас же разыскивает, к кому бы подольститься, чтобы пообедать, потому что хозяин больше не кормит его. Для этого он готов идти на всякие мерзости и попадает опять в рабство, более тяжёлое, чем прежде.

Когда ему приходится особенно трудно, он вспоминает о прежнем своём рабстве и говорит: «А ведь мне недурно было у моего хозяина! Не я о себе заботился, а меня одевали, обували, кормили и, когда я болен бывал, заботились обо мне. Да и служба была нетрудная. А теперь сколько бед! Был у меня один хозяин, а теперь сколько их стало у меня! Скольким людям должен я угождать, чтобы разбогатеть!» Для того чтобы разбогатеть, он терпит всякие невзгоды, а когда получит то, чего хотел, то опять оказывается, что он оплёл себя разными неприятными заботами.

И всё-таки он не берётся за разум. Он думает: «Вот если бы я стал великим полководцем, все мои несчастья кончились бы: как бы восхваляли меня!» И он отправляется в поход. Он терпит всякие лишения, страдает, как каторжный, и всё-таки просится в поход во второй и в третий раз. И жизнь его всё ухудшается и ухудшается. Если он хочет избавиться от всех своих бед и несчастий, пусть он опомнится. Пусть он узнает, в чём истинное благо жизни.

Истинное благо в том, чтобы на каждом шагу своей жизни поступать согласно законам правды и добра, начертанным в душе каждого человека. Только поступая так, получит человек и истинную свободу и то благо, которого желает всякое сердце человеческое.

Помни об общем принципе – и ты не будешь нуждаться в совете.

Разум дала тебе природа, у тебя с ним родство – так и считай его своим, заботься о нём.

Глупцов вылечивает от горя время, умных – их ум.

В горе нужно призывать на помощь рассудок, как хорошего врача.

Ты – слабый дух, обременённый трупом.

Самое приятное может сделаться самым неприятным, стоит только преступить меру.

Чем реже удовольствие, тем оно приятнее.

Владей страстями, иначе страсти овладеют тобою.

По тем мыслям, которые человек высказывает, нельзя судить о том, как он поступал бы на деле. Также и наоборот: по делам человека очень трудно судить о том, ради чего он так поступает, какие у него в голове мысли, а в душе побуждения.

Если я вижу, что человек без устали хлопочет, читает, пишет или работает с утра до ночи, или даже просиживает за своей работой целые ночи напролёт, то я ещё не скажу, что человек этот любит трудиться, или трудится ради пользы людей, если я не знаю, зачем он всё это делает. Ведь никто не скажет про человека, который по целым ночам кутит с распутными женщинами, что он полезен или что он любит трудиться.

И не только скверные, но как будто и прекрасные дела часто делаются ради скверных целей, например из-за денег или ради славы; и нельзя сказать про человека, поступающего так, что он трудолюбив и полезен, как бы

неутомимо он ни работал и какие бы громкие дела ни совершал. Я скажу про человека, что он любит труд и полезен людям, только тогда, когда узнаю, что он трудится для души своей – для Бога.

Но чужая душа – потёмки. Как же я узнаю внутренние побуждения человека, известные только ему самому? И выходит, что человек не может судить человека, т.е. осуждать или оправдывать его, ни хвалить, ни порицать.

Подверженный какому-нибудь пороку – будет порицать других.

Вспомни, что не тот тебя оскорбляет, кто поносит тебя или даже бьёт, но твоё чисто субъективное мнение, будто в этом есть что-то обидное.

Человек со свободной волей не может быть назван рабом.

Посмотрите на меня. У меня нет ни права гражданства, ни дома, ни денег, ни рабов. Я сплю на голой земле. У меня нет жены, детей, постели. Только земля и небо и вот этот единственный плащ. Чего же мне ещё не хватает?! Разве я не свободен? Я сам себе и царь, и господин.

Тот человек не свободен, кто сам себе не хозяин.

Если хочешь быть свободным, добудь сам себе свободу.

К свободе ведёт лишь одна дорога: презрение к тому, что не зависит от нас.

Только образованные свободны.

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в этом виноват, потому что Бог создал всех людей для их счастья, а не для того, чтобы они были несчастны.

Если кто-то один, это не значит, что тем самым он и одинок, так же, как если кто-то в толпе, это не значит, что он не одинок.

Можно быть одиноким и в толпе.

Где человек находится противясь, там его тюрьма.

Помни, что дверь открыта. Не будь труслив, но как дети, когда им не нравится игра, говорят: «Я больше не играю», так и ты, когда тебе что-то представляется таким же, скажи: «Я больше не играю» и удались, а если остаёшься, то не сетуй.

Разбойника по отношению к свободе воли не бывает, тирана – не бывает.

Свободный это тот, у кого всё происходит в соответствии с его свободой воли и кому никто не может помешать. Что же, сумасбродство ли свобода? Ни в коем случае! Ведь безумие и свобода несовместимы.

Говорят, что для человека самое большое благо есть его свобода. Если свобода есть благо, то человек свободный не может быть несчастным. Значит, если ты видишь, что человек несчастен, страдает, ноет, знай, что этот человек несвободный: он непременно кем-нибудь или чем-нибудь порабощён.

Если свобода есть благо, то свободный человек не может быть добровольным рабом. И потому, если ты увидишь, что человек унижается перед другими, льстит им, – знай, что человек этот также не свободен. Он раб, который

добивается или обеда, или выгодной должности, или ещё чего-нибудь, вообще добивается того, чтобы распорядиться тем, что не принадлежит ему.

Свободный человек распорядится только тем, чем можно распорядиться беспрепятственно. А распорядиться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому если ты увидишь, что человек хочет распорядиться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми.

Свободным человеком бывает только тот, с которым случается всё так, как он того хочет. Но значит ли это, что с ним непременно случится всё то, что ему вздумается? Нисколько. Ведь грамота, например, научает нас писать буквами и словами всё, что мы захотим; но для написания хоть своего имени я не могу писать такие буквы, какие мне вздумается: этак я никогда не напишу своего имени. А я должен пожелать писать именно такие буквы, какие нужны, и в том порядке, который нужен. И во всём так. Мы бы никогда ничему не научились, если бы делали так, как только нам вздумается. Значит, для того чтобы быть свободным человеком, не следует желать всего того, что только придёт в голову. Напротив того, свободный человек должен выучиться желать и соглашаться со всем тем, что с ним случается, потому что то, что с человеком случается, случается только по воле Того, Кто управляет всем миром.

Если ты на самом деле хочешь сделаться истинно свободным, то ты должен всегда быть готовым отдать Богу то, что ты от Него получил.

Если ты можешь сказать по правде и от всего сердца: «Господи, Боже мой! веди меня туда, куда Ты хочешь», – тогда только ты избавишься от рабства и сделаешься истинно свободным.

Только про того человека можно сказать, что он свободен, который живёт так, как он хочет. Разумный человек всегда живёт так, как он хочет, потому что он желает только того, что возможно получить. И потому только разумный человек свободен.

Никто не желает быть виноватым; никто не хочет жить в заблуждениях, несправедливо; никто не выбирает себе нарочно такой жизни, от которой он будет печалиться и мучиться; никто не скажет, что ему хочется жить скверно и развратно. Значит, все люди, живущие несправедливой жизнью, живут так не по своему желанию, а против воли. Они не хотят ни печали, ни страха, а между тем постоянно страдают и боятся. Они делают то, чего не хотят. Стало быть, они не свободны.

Лучше спать, согнувшись на короткой кровати, и быть здоровым, чем лежать больным на просторной постели. Так же лучше нуждаться и быть весёлым, чем жить в роскоши, не зная чувства радости.

Честному человеку жить везде безопасно.

Один только разум указывает нам то, что следует делать и чего не следует.

Наделив нас разумом, Бог дал нам в распоряжение то, что нам нужнее всего и с чем мы можем справиться.

Если бы человек не знал, что глаза могут видеть, и никогда не раскрывал бы их, он был бы очень жалок. Так же и ещё более жалок человек, если он не понимает того, что ему дан разум для того, чтобы спокойно переносить всякие беды. Если человек живёт разумно, то ему легко переносить всякие беды, потому что разум скажет ему, что всякие беды проходят и часто превращаются в добро. А между тем люди, вместо того чтобы смотреть прямо в глаза беде, стараются увернуться от неё. Не лучше ли радоваться тому, что Бог дал

нам власть не огорчаться тем, что с нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Он подчинил нашу душу только тому, что в нашей власти, – нашему разуму. Он ведь не подчинил нашей души ни родителям нашим, ни братьям, ни богатству, ни телу нашему, ни смерти. Он подчинил её одному тому, что от нас зависит, – нашему разуму.

Если человек имеет возможность рассуждать и может созерцать солнце, луну и звёзды и наслаждаться дарами земли и моря, он не одинок и не беспомощен.

От уз телесных природа освобождает смертью, как от бедности – богатством, но от уз духовных одною добродетелью – знанием, учением и трудом.

Как хорошие участники трагедийного хора не могут петь одни, но могут вместе с многими, так некоторые не могут гулять одни. Человек, если ты кто-то, и один гуляй, и с самим собой беседуй, и не прячься в хоре. Пусть насмеются над тобой когда-нибудь, пусть оглядят тебя, пусть встряхнут тебя, для того чтобы ты узнал, кто ты.

Человек создан не для одинокой жизни, но для совместной – для того, чтобы любить себе подобных и находить счастье в общении с ближними.

Только испорченный нравственно способен отказаться от обязанности помочь нуждающимся.

Нет никого, кто, любя деньги, удовольствия и славу, любил бы и людей.

Лошадь спасается от врага своим быстрым бегом, и она несчастна не тогда, когда не может петь петухом, а тогда, когда потеряла то, что ей дано, – свой быстрый бег. Собака имеет чутьё; когда она лишается того, что ей дано, – своего

чутья, она несчастна, а не бывает несчастна тогда, когда она не может летать. Точно так же и человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя, или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, – доброту и рассудительность. Вот такой-то человек воистину несчастен и достоин сожаления.

Когда ты бранишь человека и враждуешь с ним, ты забываешь, что люди – твои братья, и ты делаешься им врагом, вместо того чтобы быть их другом. Этим ты сам себе вредишь, потому что, когда ты перестал быть добрым и общительным существом, каким тебя Бог создал, и вместо того стал диким зверем, который подкрадывается, раздирает и губит свою жертву, тогда ты потерял самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька с деньгами, почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерял своё лучшее богатство: доброту души?

Ты боишься, что тебя будут презирать за твою кротость, но люди справедливые не могут презирать тебя за это, а до других людей тебе дела нет, – не обращай внимания на их суждения. Не станет же искусный столяр огорчаться тем, что человек, ничего не понимающий в столярном деле, не одобряет его хорошей работы.

Не думай, что злые люди могут повредить тебе. Разве может кто-нибудь повредить твоей душе? Так чем же ты смущаешься?

Рассуждай так: «Я смеюсь про себя над теми, которые думают, что они могут повредить мне: они не знают, ни кто я, ни того, в чём я полагаю добро и зло, они не знают, что они не могут даже прикоснуться до того, что есть воистину моё и чем одним я живу».

Умный борется со страстью, глупец – становится её рабом.

Имей в виду, что когда ты даёшь волю своему гневу, ты не просто поступаешь плохо в данный момент, но и развиваешь в себе дурную привычку.

Каждый знает, что всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется. Например, чтобы сделаться хорошим ходоком, надо часто и много ходить; чтобы сделаться хорошим бегуном, надо много бегать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать и т.д. Наоборот, если перестанешь делать то, к чему привык, то и сама привычка понемногу пропадёт. Если ты, например, пролежишь десять дней не вставая и потом станешь ходить, то увидишь, как слабы стали твои ноги. Значит, если ты хочешь привыкнуть к какому-нибудь делу, то тебе нужно часто и много делать это дело; и, наоборот, если ты желаешь отвыкнуть от чего-нибудь, то не делай этого. То же самое бывает и со способностями нашей души: когда ты сердишься, то знай, что ты делаешь не одно это зло, но что вместе с тем ты усиливаешь в себе привычку к гневу, – ты подкладываешь дров в огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только в этом – и больше ничего: нет, ты в то же время усилил ещё привычку к похотливым поступкам. Всякий разумный человек скажет тебе, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желания так именно и усиливаются. А потому, если ты не хочешь приучать себя к гневу, то всячески сдерживай свой гнев и не давай привычке нарастать. Но каким путём приобретается такая сила в борьбе с своими помыслами?

В борьбе с соблазнительными мыслями бывает полезно искать общества людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя.

Истинный борец – тот, кто борется со своими порочными помыслами. Борьба эта святая и приближает тебя

к Богу. От успешности её зависит спокойствие и счастье твоей жизни. Помни всегда два времени: одно – настоящее время, в которое, уступив порочным помыслам, ты будешь наслаждаться похотью, и другое – то, в которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также в соображение то удовольствие, которое будешь испытывать, если воздержишься. Помни и то, что трудно будет воздержаться, если однажды преступил меру. Но если ты будешь уступать своим порочным помыслам и уверять себя, что ты победишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этим доведёшь себя до такой слабости, что на будущее время перестанешь даже замечать свои ошибки, а если и заметишь, то у тебя всегда найдётся готовое оправдание для всех твоих порочных поступков.

Если ты так счастлив, что всегда говоришь только то, что есть на самом деле, отвергаешь то, что ложно, сомневаешься только в том, что сомнительно, желаешь только добра и пользы, то ты не будешь негодовать на злых и безрассудных людей. «Да ведь они воры и мошенники!» – говоришь ты. А что такое вор и мошенник? Ведь это человек порочный и заблудший. А такого человека жалеть надо, а не гневаться на него. Если ты можешь, то убеди его в том, что для него самого нехорошо так жить, как он живёт, и он перестанет делать зло. А если он ещё не понимает этого, то неудивительно, что он скверно живёт.

«Но неужто, – скажешь ты, – таких людей не должно наказывать!» Не говори так. А лучше скажи: этот человек заблуждается в том, что важнее всего на свете. Он слеп не телесной слепотой, но духовной. И как только ты себе скажешь это, так ты и поймёшь, как ты был жесток к нему. Если у человека глаза заболели и он лишился зрения, то ведь ты не скажешь, что его надо за это наказывать. Так почему же ты хочешь наказать такого человека, который лишён того, что дороже глаз, лишён самого большого блага – умения жить разумно? Не сердиться нужно на таких людей, а только

жалеть их. Пожалей же этих несчастных и старайся, чтобы их заблуждения не обозлили тебя. Вспомни, как часто ты сам заблуждался и согрешал, и понегодуй лучше на себя за то, что в душе твоей гнездятся злоба и жестокость.

Жалость есть чувство, достойное осуществления. Помогай несчастным, но в то же время сам не размягчайся и не испытывай сострадания к ним.

Любовь свойственна только здравомыслящему человеку.

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать от других людей, то люди не могут быть страшны тебе, как пчеле не страшна другая пчела, как лошади не страшна другая лошадь. Но если твоё счастье находится во власти других людей, то ты непременно будешь бояться людей.

С этого и надо начать: надо отрешиться от всего того, что нам не принадлежит, отрешиться настолько, чтобы оно не было нашим хозяином; отрешиться от привязанности к своему телу и ко всему, что нужно для него; отрешиться от любви к богатству, к славе, должностям, почестям; в этом смысле отрешиться от своих детей, жены, братьев. Надо сказать себе, что всё это не наша собственность.

Тогда не понадобится нам уничтожать людское насилие насилием. Вот тюрьма. Какой вред мне, моей душе, от того, что она стоит? Зачем мне разрушать её, зачем нападать на людей, производящих насилие, и убивать их? Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело моё могут взять, но дух мой свободен, и ему никто ни в чём не может помешать, и потому живу я так, как я хочу.

А как я дошёл до этого? Я подчинил свою волю воле Бога: хочет Он, чтобы у меня была лихорадка? И я этого хочу. Хочет Он, чтобы я делал это, а не то? И я этого хочу.

Хочет Он, чтобы со мною что-нибудь случилось? И я этого хочу. Не хочет Он, и я не хочу. Хочет Он, чтобы я умер, чтобы меня подвергли пытке? И я хочу умереть, хочу перенести пытку.

Создав меня таким, каков я есть, Бог как бы сказал мне так: «Эпиктет! Я мог бы даровать гораздо больше твоему ничтожному телу и твоей маленькой судьбе. Но не упрекай Меня в том, что Я этого не сделал. Я не хотел даровать тебе полной свободы делать всё, что тебе вздумается, но Я вселил в тебя божественную частицу Себя Самого. Я даровал тебе способность стремиться к добру и избегать зла; Я вселил в тебя свободное разумение. Если будешь прикладывать свой разум ко всему тому, что случается с тобою, то ничто в мире не будет служить тебе препятствием или стеснением на том пути, который Я тебе назначил; ты никогда не будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать их или подделываться к ним. Не считай, что этого мало для тебя. Неужели мало для тебя того, чтобы прожить всю твою жизнь разумно, спокойно и радостно? Так довольствуйся же этим!»

Когда я говорю тебе о Боге, то ты не думай, что я говорю тебе о каком-нибудь предмете, сделанном из золота или серебра. Тот Бог, о котором я тебе говорю, – ты Его чувствуешь в своей душе. Ты носишь Его в самом себе, и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образ в твоей душе.

Перед идолом золотым, которого ты считаешь за Бога, ты остерегаешься делать что-либо непристойное, а перед лицом того Бога, который в тебе самом и который всё видит и слышит, ты даже не краснеешь, когда предаёшься своим гнусным мыслям и поступкам.

Если б только мы постоянно помнили, что Бог в нас – свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы

перестали бы грешить, и Бог неотлучно пребывал бы в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о Нём как можно чаще.

О Боге думай чаще, чем дыши. Лучше каждый день помышлять о Боге, нежели о пище.

Чтобы сделаться истинно свободным, ты должен всегда быть готовым отдать Богу то, что ты от Него получил. Ты должен соединить свою волю с волей Бога. Только в том, что противно воле Бога, человек может быть несвободен. Желая же только того, чего желает Бог: правды, любви, ты не можешь быть несвободен. Нет такого положения, в котором ты бы не мог проявить правду и любовь, и потому нет того положения, в котором ты бы мог быть лишён свободы. Если же ты не хочешь этого, то ты на всю жизнь останешься рабом между рабами, хотя бы у тебя и были всевозможные мирские почести, хотя бы ты и сделался самим императором.

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один: он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему и тогда уж не боится разбойников. Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: «В жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища подождать, чтобы проехать в безопасности? За кем ехать следом – за тем ли или за другим? За богатым ли, за важным вельможей или за самим царём? Но уберегут ли они меня? Ведь и их грабят и убивают, и они так же бедствуют, как и другие люди. Может быть ещё и то, что тот, с кем я пойду, сам нападёт на меня и ограбит. Какого же мне найти себе такого сильного и верного дорожного товарища, который был бы мне защитой и сам не напал бы на меня? За кем мне идти следом?» Только один есть такой верный товарищ. Товарищ этот – Бог. За Ним надо идти, чтобы не попасть в беду. А что значит идти за Богом? Это значит желать того, чего Он хочет, и не желать того, чего Он

не хочет. А как достигнуть этого? Понять Его законы и следовать им.

Из всего того, что Бог предоставляет нам в этой жизни, он одну часть отдал в наше полное распоряжение: она составляет как бы нашу собственность; другая же часть находится вне нашей власти, так сказать, не принадлежит нам: всё, что другие могут сказать, насиловать, отнять у нас, не принадлежит нам, а всё то, чему никто и ничто не может помешать и повредить, составляет нашу собственность. И Бог по Своей благодати дал нам в нашу собственность как раз то, что и есть настоящее благо. Значит, Бог не враг нам; Он поступил с нами как добрый отец: Он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

И потому мудрый человек заботится только о том, чтобы исполнять волю Божию, и размышляет в глубине своей души так: «Если Ты желаешь, Господи, чтобы я ещё жил, то я буду жить так, как Ты велишь, буду распоряжаться тою свободой, которую Ты дал мне во всём, что принадлежит мне. Но если я Тебе больше не нужен, то пусть будет по-Твоему. Я до сих пор жил на земле единственно для того, чтобы служить Тебе; если же Ты пошлешь мне смерть, то я уйду из мира, повинувшись Тебе, как служитель, понимающий приказания и запрещения своего хозяина. А пока я остаюсь на земле, я хочу быть тем, чем Ты хочешь, чтобы я был».

Дело разумного человека в том, чтобы приложить свои мысли к делу сообразно с законами природы, чтобы держаться истины, отстранять заблуждение и не рассуждать о том, что неизвестно.

Есть люди, которые едва только послушают мудрых поучений, как уже сами начинают поучать других. Они делают то же самое, что и больной желудок, который тотчас извергает принятую пищу. Не подражай таким людям. Сначала хорошенько перевари в себе то, что ты услышал, а не

извергай прежде времени, – иначе выйдет такая гадость, которая не может служить никому пищей.

С простыми людьми поменьше говори о теориях, а побольше поступай согласно им.

Когда мы обучаемся грамоте, то мы учимся, как читать и писать. Но грамота не научит нас, нужно ли написать нашему другу письмо или не нужно. Точно так же и музыка научает нас петь или играть на инструменте, но она не научит нас, когда можно петь и играть.

«О, какой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги, и вот вместо того изволь исполнять просьбы этого докучливого человека». – А разве, – отвечу я тебе, – твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи? Тебе надо знать и помнить одно: что хочет Бог, чтобы ты сделал теперь, и чего Он не хочет. Недавно Он устроил так, чтобы ты был в одиночестве, чтобы ты беседовал сам с собою, читал, писал, подготовлялся к добрым делам. А сегодня Он послал к тебе людей, которые просят тебя помочь им делом. Этим самым Бог как бы говорит: «Выходи из своего одиночества и покажи на деле то, чему ты выучился, потому что пришло время и тебе и людям увидеть пользу того, о чём ты читал и думал». Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твоё занятие: ведь если б не было людей, то кому бы ты служил и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?

Вся философия заключена в двух словах: выдерживай и воздерживайся.

Не следует человеку с философскими взглядами на вещи говорить среди невежд, как трезвому – среди пьяных.

Философия учит не протягивать, не подумавши, даже палец.

Размышляй над божественным управлением, над своим отношением ко всему остальному. Рассматривай, как мы раньше относились ко всему, случающемуся с нами, как – теперь. Определяй, *что* всё ещё оказывает на нас удручающее действие, как можно было бы исправить и это, как избавиться от этого. Если что-то из всего этого требует совершенствования, совершенствуй в соответствии с лежащим в основе этого принципом, руководствуясь этим и ночью и днём. Об этом пиши, об этом читай, об этом веди разговор и с самим собой, и с другим.

Старайся не думать о том, что ты считаешь дурным.

Нужно позволять себе не всякие удовольствия, но только те, в которых нет ничего дурного.

Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях.

Низко уступать своё место дурным людям: глупо желать лучше быть дурно управляемым, нежели управлять хорошо самому.

Намерен ты украсить приношениями родной свой город, сослужить службу своей отчизне, так принеси, прежде всего, в дар им самого себя: свою кротость, любовь к справедливости и доброе сердце – драгоценнейшие из даров.

Живи без лжи, выполняй свой долг и вместе с тем в любых условиях будь человеком понимающим, доброжелательным, справедливым и честным.

Нет ничего отвратительнее двух пороков – нетерпимости и невоздержности, когда мы равнодушны к обидам, которые нам следовало терпеть, или не

воздерживаемся от вещей и страстей, от которых должны воздерживаться.

Чем отомстить своему врагу? Стараться делать ему как можно больше добра.

Людям добрым свойственно прощать, и только злые мстят за себя.

В несчастье познаётся друг и изобличается враг.

Не берись судить других, прежде чем не сочтёшь себя в душе достойным занять судейское место.

Если хочешь быть беспристрастным судьёю, смотри не на обвинителя, а на самое дело.

Пьяному всё равно не убедить трезвого, как трезвому не уговорить пьяного.

С безумным не умножай речи, а к неразумному не ходи.

Зависть – враг счастливых.

Лаская своего ребёнка, следует сказать самому себе: «Быть может, завтра он умрёт». И это не накликание беды, это обозначение одного из действий природы. Иначе и слова: «Колосья пожинаются» – также являлись бы накликаньем беды.

Жизнь полна случайностей, похожа на разлившуюся от дождей реку – бурна, полна тины, непреходима, бешена, шумна и скоропреходяща.

Когда ты чем-нибудь мирским встревожен или расстроен, то вспомни, что тебе придётся умереть, и тогда то, что тебе раньше казалось важным несчастьем и волновало

тебя, станет в твоих глазах ничтожной неприятностью, о которой не стоит и беспокоиться.

Жизнь короткую, но честную всегда предпочитай жизни долгой, но позорной.

В этом и будет мне польза – хранить в себе человека честного.

Вместе со смертью безнравственного человека умирает всякое воспоминание о нём.

Если Ты, Боже, послал меня туда, где жить в согласии с природой человеку невозможно, я покину эту жизнь, не из непокорности, а потому что Ты сам подал мне сигнал к отступлению.

Не будем пытаться изменить природу вещей – это невозможно и бесполезно; но, принимая их такими, каковы они суть, научимся приспособлять к ним свою душу.

Если ты хочешь быть писателем, пиши.

Правда побеждает сама собою, мнение – через других.

Укрепляй в себе чувство довольства своею судьбою: с этим оружием ты непобедим.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИЯ

¹ На эти три афоризма Эпиктета стоит обратить самое пристальное внимание: именно в них заключена вся соль стоической философии. Всё остальное – лишь их развитие, иллюстрация или вариации.

² Здесь необходимо отметить, что редакторы и современные читатели, имеющие весьма поверхностное представление о русском языке, не раз и не два пытались указывать автору перевода о недопустимости использования им слова «зараз» в данном контексте. Причём эти знатоки русского слова неизменно норовили просторечно переиначить ударение. Автор перевода решительно их наскоки отметал, так как, по его разумению, это единственное русское слово, которое в данном случае не только передаёт дух подлинника, но и исключительно удачно вписывается в ритм фразы. Впоследствии автор перевода получил возможность узнать, что он своей непреклонностью никакого подвига не совершил, а лишь, что называется, заново «изобрёл велосипед»: изучая «Круг чтения» Льва Толстого, автор наткнулся там на старый русский перевод этого же пассажа Эпиктета и с изумлением увидел, что тот, слово в слово, соответствует написанной им фразе и что в нём на должном месте стоит всё то же русское слово – «зарáз». Вот что значит верность духу подлинника и чувство ритма!

³ Сенатор – член сената, т.е. государственного совета Рима.

⁴ Консул – глава Римской республики, высшее должностное лицо у римлян-республиканцев. Ежегодно центуриатными комиссиями избирались на один год два консула – до 367 г. до н.э. из патрициев, а после также из плебеев. В период империи должность консула превратилась лишь в почётный титул.

⁵ Геракл (у римлян – Геркулес) – один из самых популярных героев в древнегреческой мифологии. Из многочисленных сказаний, связанных с его именем, наиболее популярен рассказ о его 12 подвигах на тяжёлой службе у царя Эврисфея.

⁶ Нерон, Клавдий Цезарь (37 – 68 гг.) – римский император, прославился своим самодурством, жестокостью и чудовищной моральной испорченностью.

Траян, Марк Ульпий (53 – 117 гг.) – римский император, полная противоположность Нерону, образец государственной мудрости и морального совершенства.

⁷ Трибун – командная должность в римской армии (командиры отрядов в легионах и самих легионов).

⁸ По римскому праву, с 366 г. до Р.Х., претор – второй после консула сановник, осуществлявший верховную судебную власть; с 247 г. до Р.Х. преторов стало двое: претор по делам римских граждан и претор по делам иностранцев и их взаимоотношениям с римскими гражданами; впоследствии число преторов возросло до 16.

⁹ Речь идёт о *фасциях*, представлявших собой пучки прутьев, перевязанных ремнём. Фасции служили в Древнем Риме атрибутом власти высших должностных лиц. Нести фасции входило в обязанности *ликторов*, которые шли впереди должностного лица (консула, претора, диктатора, а впоследствии императора и императорских легатов).

¹⁰ Тезей (Тесей) – легендарный афинский герой и царь (по традиции приблизительно XIII в. до н.э.). Ему приписывается ряд легендарных подвигов, в том числе победа над разбойником Прокрустом, участие в походе аргонавтов, в войне с амазонками и освобождение Афин от господства Крита.

¹¹ Прокруст – в древнегреческой мифологии великан-разбойник, который насильно укладывал путников на ложе и тем, кто был больше его размеров, отрубал ноги, а малорослых вытягивал до его длины.

¹² Чтобы правильно понимать стоиков и, в частности, Эпиктета, необходимо точно знать смысл, который они вкладывают в слова «Бог», «боги», «божество», «провидение». Стоики используют эти слова совершенно равнозначно, когда речь заходит о Высшем Уме, т.е. о том «неведомом Боге», о котором среди ареопага вещал афинянам апостол Павел. Греки и римляне, как известно, были «язычниками», т.е. в своих религиозных воззрениях они унаследовали идею множественности богов, порождённых неуёмным воображением жрецов времён давно минувших. Поэтому античные философы, когда они желали разъяснить какие-то положения морали, оказывались вынуждены пользоваться терминами всего более понятными окружающим, что определялось уже степенью

культуры и умственного развития слушателей, к которым они обращались. Но философы столь возвышенного склада, как Эпиктет, сами, разумеется, знали, что следует разуметь под природой этого «неведомого Бога», несмотря на мишурные одежды и покровы, коими Его обряжала каждая секта в зависимости от степени оглупления мысли, которой в интересах собственного господства добивались от своей паствы жрецы того или иного идола. Таким образом, там, где говорится о «богах» или о «божестве», следует понимать, что речь идёт о христианском Боге. Поэтому в переводе мы нередко и использовали сразу соответствующий термин. Под «провидением» и «промыслом», соответственно, понимается «попечение Божие о всяческом Его создании».

¹³ Диоген из Синопа (404 – 323 г. до н.э.) – древнегреческий философ, наиболее знаменитый представитель школы киников. Прославился эксцентричными выходками и воинствующим аскетизмом, доведённым до крайности.

¹⁴ Гераклит (конец VI – начало V вв. до н.э.) – крупнейший древнегреческий философ-материалист.

¹⁵ Сократ (469 – 399 г. до н.э.) – древнегреческий философ-идеалист, родоначальник философской диалектики, понимаемой как нахождение истины при помощи беседы, т.е. постановки определённых вопросов и методического нахождения ответов на них. Философских сочинений принципиально не писал, главным источником сведений о его жизни и учении являются сочинения его знаменитых учеников – Платона и Ксенофонта. Философ на все времена. К.Маркс справедливо назвал Сократа «воплощённой философией», «олицетворением философии».

¹⁶ Руф, Квинт Курций (I век н.э.) – философ, историк, автор «Истории Александра Македонского» в 10 книгах, из которых первые две не сохранились, а в остальных встречаются пропуски. Тенденциозное сочинение, в котором автор откровенно враждебен создателю греческой империи.

¹⁷ Аристид (540 – 467 г. до н.э.) – политический и военный деятель Афин периода греко-персидских войн, талантливый полководец.

¹⁸ Эпаминонд (418 – 362 г. до н.э.) – древнегреческий полководец и политический деятель. Введённые им новации в тактике ведения боевых

действий позволили войскам Беотического союза во главе с Фивами одержать ряд решающих побед на войсками Пелопоннесского союза во главе со Спартой.

¹⁹ Ликург (IX – VIII вв. до н.э.) – полулегендарный спартанский законодатель. Ему приписывается авторство законов, по которым жили спартанцы, а также создание институтов спартанского общественного и государственного устройства.

²⁰ Эту мысль Эпиктета имеет смысл сопоставить с следующим пассажем Сенеки из его «Писем к Луцилию»: «Представь себе, что судьба устраивает игры и бросает в толпу людей почести, богатства и другие милости. Одни из даров судьбы разрываются руками хватющих их; другие делятся в нечестном сообществе; третьи ловятся с большим ущербом для тех, кого достигают. Иные из этих даров достаются более ловким, другие из-за того, что слишком многие хватаются за них, теряются и утрачиваются в то время, пока их жадно хватают. Но никому, даже тем, кто успел удачно захватить свою добычу, не доставляют эти дары судьбы продолжительной радости. Благоразумные люди, как только увидят, что в театре бросают подарки черни, уходят, так как знают, что при этом ничтожная вещь иногда обходится очень дорого. А между тем никто не вступит в драку с тем, кто уходит, никто не будет на него сердиться: все ссоры происходят около добычи. То же случается и с теми дарами, которые судьба бросает нам свыше. Мы, несчастные, волнуемся, мечемся из-за них, хотим иметь множество рук, смотрим то туда, то сюда. Нам кажется, что слишком поздно посылаются нам эти дары, и желаемые всеми, выпадающие на долю немногих, они возбуждают наши страсти. Мы жаждем идти им навстречу; радуемся, если что-нибудь достанется на нашу долю или если других обманула надежда на получение подачки. Словом, мы или приобретаем ценою многих лишений и трудов ничтожную добычу, или обманываемся в своих ожиданиях. Итак, уйдём лучше с этих игр и уступим своё место хищникам. Пусть смотрят они на эти висящие в воздухе блага, не имея под собою твёрдой почвы».

²¹ У А.Конан-Дойля («Письма Старка Монро») есть такой афоризм: «Ты ценишь себя дешево – и другие будут ценить тебя дешево. Ты ценишь себя высоко – и другие оценят тебя высоко. Такова человеческая природа, и ты не в силах переделать её».

²² Агриппин (I в. н.э.) – римский сенатор, мудрец-стоик.

²³ В этом разделе нетрудно увидеть родство взглядов стоиков с философией йогов и ведантистов. Мы имеем в виду учение о Высшем «Я».

²⁴ Фидий (2-я и 3-я четверть V в. до н.э.) – древнегреческий скульптор, один из крупнейших мастеров древнегреческого искусства эпохи высокой классики.

²⁵ Афина – в древнегреческой мифологии одно из главных божеств, богиня-девственница. Богиня войны и в то же время олицетворение ума, покровительница знаний, искусств и ремёсел.

²⁶ Зевс (у римлян – Юпитер) – в древнегреческой мифологии верховный бог, владыка богов и людей.

²⁷ Домициан, Тит Флавий (51 – 96 гг. н.э.) – римский император. Прославился интригами, бездарной политикой и дурным нравом.

²⁸ Зенон из Китиона (336 – 264 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, основатель стоической философской школы в Афинах. Название «стоик» происходит от греческого слова «стоя» (по-латински «портик»). Первоначально собрания учеников Зенона происходили в афинском портике (стое), украшенном картинами художника Полигнота. Место это пользовалось дурной славой, так как во времена правления тридцати тиранов здесь совершались казни афинских граждан, противившихся диктатуре олигархов. Зенон, избрав это место центром своих занятий, имел намерение очистить его от дурной славы и, надо полагать, в намерении своём вполне преуспел.

²⁹ Александр – имеется в виду Александр Македонский (о нём см. ниже примеч. № 39). Филипп – речь идёт о Филиппе II (382 – 336 гг. до н.э.) – царь Македонии, провёл ряд важных реформ, способствовавших усилению политической, экономической и военной роли Македонии. Отец Александра.

³⁰ Латеран (I в. н.э.) – римский сенатор, разумеется, стоик по убеждениям. Героически принял мученическую смерть, о чём и повествует Эпиктет.

³¹ Истории известен только Флор, Луций Анней – древнеримский писатель-историк. Но он жил во II веке н.э., стало быть, здесь речь ведётся не о нём, что и к лучшему.

³² Приск Гельвидий (I в. н.э.) – снова римский сенатор, и опять-таки стоик по убеждениям. Император Веспасиан, Тит Флавий (9 – 79 гг.) прославился интригами, введением режима экономии и учреждением сомнительных налогов, в частности, налога на писсуары. Крылатое выражение «Деньги не пахнут» является его ответом на упрёк за введение столь нелепого налога.

³³ Это место нельзя выхватывать из контекста. Буквальное и упрощённое понимание его совершенно ошибочно и не имеет никакого отношения к стоической философии. Эпиктет понимает здесь, что высшее благо для человека – во всём следовать воле Бога; поэтому, исполняя Его волю, человек блюдет собственные интересы.

³⁴ Авгуры – коллегия древнеримских жрецов, бравшихся предсказывать будущее (т.е. волю богов) по полёту и крику птиц, по наблюдению за едой священных кур. Гадания авгуров происходили перед каждым важным государственным актом, и поэтому заключения жрецов имели большое политическое значение. Но, по свидетельству Цицерона, уже в его время авгуры не могли без улыбки смотреть друг на друга, ибо сами не верили в свои гадания.

³⁵ Аполлон – в древнегреческой мифологии один из наиболее почитаемых богов. Культ Аполлона охватывал очень широкий круг религиозных представлений греков. В частности он выступал как бог света и победитель тьмы, как покровитель переселений и мореплавания, а в более позднюю эпоху сделался ещё и покровителем музыки, пения, поэзии, предводителем хора муз и олицетворением искусства.

История, на которую здесь ссылается Эпиктет, в античности, видимо, была общим местом и в комментариях не нуждалась, у сегодняшнего же читателя она может скорее всего вызвать известное недоумение. Объяснение её ныне можно найти только у Симплиция. В своём комментарии к Эпиктету он сообщает, что двое друзей на пути в Дельфы подверглись нападению разбойников. Пока одного убивали, другой успел спастись бегством. Но когда он вошёл в дельфийский храм, оракул велел ему удалиться, как человеку, подло оставившему друга в беде.

³⁶ Аргус – в древнегреческой мифологии великан, обладавший множеством глаз, часть из которых постоянно бодрствовала.

³⁷ Евфрат (I в. н.э.) – римский философ, прославился главным образом своими ораторскими талантами.

³⁸ Терсит (Ферсит) – ахейский воин в «Илиаде» Гомера; в переносном смысле – злой, дерзкий, неуживчивый человек. Агамемнон – предводитель ахейцев под Троей.

³⁹ Александр Македонский (356 – 323 гг. до н.э.) – величайший полководец и крупнейший государственный деятель античности, первоначально – царь Македонии. Объединил Грецию, разгромил Персию, провёл ряд блистательных военных кампаний в Азии, завоевал часть Индии и в результате завоеваний и побед создал греческую империю – огромное государство, которое простиралось от берегов Дуная в Европе до берегов Инда в Азии. В условиях античности такое государство, разумеется, было нежизнеспособно и после смерти Александра тут же распалось на несколько крупных царств. Александр был выдающимся умом своего времени, достаточно сказать, что его наставником и учителем был сам Аристотель, у которого не было нужды разочаровываться в способностях своего юного ученика. Впоследствии Александр с большим уважением относился к мудрецам и философской мудрости. От его отношений с Диогеном, на которые намекает Эпиктет, в истории сохранился всего лишь единственный анекдот: Александр, желая оказать уважение Диогену, спросил, что он мог бы для него сделать, на что услышал дерзкий ответ: «Отойти, чтобы не загораживать солнцу».

⁴⁰ Хрисипп из Солы (280 – 208/205 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, главный систематизатор стоицизма, автор более 700 работ (сохранились только фрагменты), более половины которых посвящено проблемам логики. Сочинения Хрисиппа были написаны языком, трудным для понимания непосвящённых, на что и намекает Эпиктет.

⁴¹ Гомер – полупоэтический эпический поэт Древней Греции. Время жизни определялось поразному, где-то между XII и VII вв. до н.э. За ним признано авторство двух больших поэм – «Илиады» и «Одиссеи», а также более мелких произведений – «гомеровских гимнов» и комической поэмы «Маргит». В античную пору мнимые учёные злоупотребляли Гомером точно так же, как в наши дни они бесстыдно злоупотребляют

«Библией» и Пушкиным. На их ложную мудрость и намекает Эпиктет. Более подробно этот вопрос рассмотрен Сенекой в его «Письмах к Луцилию».

⁴² Гефест (у римлян – Вулкан) – в древнегреческой мифологии бог огня, покровитель кузнечного ремесла. Согласно мифу, Гефест выковал оружие для многих богов и героев, в частности, щит для Ахилла.

⁴³ Аристид и Эвемис – фривольные авторы античности, никаких сведений о них или их сочинений, похоже, не сохранилось.

⁴⁴ Нечто сходное говорит и Марк Аврелий: «В жизни следует походить не столько на гладиатора, который, едва только упал, как тут же оказывается убит, сколько на кулачного бойца, который волен упасть – и не раз, но тут же может вскочить и снова готов ринуться в бой».

⁴⁵ Ахилл (Ахиллес) – в древнегреческой мифологии храбрый из греческих героев, осаждавших Трою. Ссора Ахилла с предводителем ахейцев Агамемноном, затем их примирение и победа Ахилла над троянцами составляют главное содержание гомеровской «Илиады».

⁴⁶ Кастор и Полидевк (у римлян – Поллукс) – в древнегреческой мифологии братья-близнецы, известные под именем *диоскуров*.

⁴⁷ Гесиод (VIII – VII вв. до н.э.) – древнегреческий поэт, создатель назидательного эпоса. До нас дошли две поэмы: «Теогония» («Происхождение богов») и «Труды и дни», написанные гекзаметром.

⁴⁸ Алкивиад (450 – 404 гг. до н.э.) – афинский полководец и политический деятель, младший современник Сократа и его ученик, славился поразительной красотой. Платон посвятил ему два своих ранних «сократических» диалога.

⁴⁹ Гермес (у римлян – Меркурий) – в древнегреческой мифологии бог скотоводства и пастухов, позднее сделался покровителем путников, дорог, купцов, торговли и прибыли, хранителем тайного знания и изобретателем лиры и пастушеской флейты. Изображался обычно юношей с жезлом в руке и шапочкой на голове. Жезл Гермеса обладал свойствами, аналогичными «волшебной палочке». По повериям греков, Гермес низводил души умерших в подземное царство. В эллинистический период в Египте Гермеса отождествляли с богом Тотом, изобретателем

письмён, искусств и наук, и именовали его «Гермес трижды величайший» («Гермес Трисмегист»). Гермесу приписывали и основание так называемых «герметических» наук, в частности, алхимии. Манера изложения материала в этих школах «тайного» знания отличалась невняtnостью, запутанностью и зашифрованностью с целью отпугнуть «посторонних» и не пропустить их «в святая святых», отсюда и более поздние оттенки этого слова вплоть до «герметичности» и названия клея «Герметик».

⁵⁰ Видимо, какой-то греческий тиран или наместник римской провинции. Мы, по крайней мере, такого не знаем, да для целей данного изложения этого и не требуется: смысл и без того достаточно прозрачен.

⁵¹ Сестерций – древнеримская монета. С 269 г. до н.э. чеканилась из серебра, с конца I в. до н.э. – из сплава цветных металлов. Основная монета и расчётная единица Римской республики и Римской империи. С 217 г. до н.э. 1 сестерций равнялся 4 ассам. Асс – древнеримская медная монета. Короче говоря, в данном случае (50000 сестерциев) речь идёт о весьма солидной сумме, хотя и недостаточной для того, чтобы стать сенатором: имущественный ценз для сенаторов в ту пору составлял 1200000 сестерциев.

⁵² Еврипид (Эврипид) (480 – 406 гг. до н.э.) – древнегреческий драматург. По свидетельству античных авторов, сочинил 92 трагедии, из которых до нас дошло лишь 17. Наиболее известны: «Гераклиды», «Ифигения в Авлиде», «Троянки», «Орест», «Медея», «Ипполит», «Электра» и «Ион».

⁵³ Софокл (496 – 406 гг. до н.э.) – древнегреческий драматург. По античным свидетельствам написал свыше 120 драм. До нас целиком дошли трагедии «Аякс», «Антигона», «Филактет», «Царь Эдип», «Электра», «Трахинянки» и «Эдип в Колоне». От прочих произведений сохранилось множество отрывков.

⁵⁴ Здесь и далее разбираются эпизоды гомеровской «Илиады». Эпиктет в этом месте выражает, собственно, весьма простую мысль: если б не человеческая глупость, т.е. если б у людей были правильные, а не превратные мнения, то серьёзных общественных трагедий в жизни бы не происходило. От этого бы, конечно, понесли урон литература и искусство, но едва ли это повод для сожалений.

⁵⁵ Повидимому, здесь Эпиктет полемизирует (и, на наш взгляд, вполне справедливо) с Христом. См. евангельскую притчу о смоковнице. Сразу оговоримся, что в русском синодальном переводе это место, как, собственно, и многие другие ключевые места, завуалировано и затемнено, отсюда и лишённые здравого смысла комментарии со стороны ортодоксальных теологов и их всегдашнее умиление. Нам это место дорого тем, что оно ясно показывает, что и Христу присущи слабости человечества. А дерево ни в чём не виновато. А.Конан-Дойль (См. «Письма Старка Монро») называет эти штрихи к портрету Христа «наиболее человеческими чертами» и перечисляет, что следует под этим разуметь: «Это и его упрёк сибаритам. И разгон, который он учинил торговцам в храме. Вспышки его негодования и гнева в адрес фарисеев. Его довольно неразумное раздражение против смоковницы за то, что она не приносит плодов зимой. Его вполне человеческое недовольство женщиной, которая суетится, когда он говорит. Его согласие с тем, что благовоение лучше было использовать на него, чем употребить деньги, коих оно стоило, на оказание помощи бедным. Его сомнения в себе накануне перелома – всё это позволяет мне увидеть и любить в нём именно человека».

⁵⁶ Нечто похожее утверждается и древнеиндийским изречением. Сравните: «Посеешь поступок – пожнёшь привычку, посеешь привычку – пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу».

⁵⁷ Или, говоря словами песни Дж.Харрисона, “and life flows on within you and without you”.

⁵⁸ В качестве второй части мы представили систематизированные нами фрагменты изречений Эпиктета, позаимствованные прежде всего из «Круга чтения» Льва Толстого, а также некоторых иных, менее значительных источников.

И. Раманантáта

1981-2005 гг., Москва-Алабино

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издателя</i>	3
--------------------------	---

Часть Первая

ИЗРЕЧЕНИЯ ЭПИКТЕТА

О ДОБРЕ И ЗЛЕ	9
ОБ ИСТИННЫХ И МНИМЫХ БЛАГАХ	10
О СВОБОДЕ МНЕНИЯ	14
О ЖЕЛАНИИ И СВОБОДЕ	33
О СВОБОДЕ	36
О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ	45
О ДОСТОИНСТВЕ И ТВЁРДОСТИ ХАРАКТЕРА	49
О БОГЕ И РЕЛИГИИ	59
О ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФАХ	60
О ЖЕНЩИНАХ И СЛАДОСТРАСТИИ	90
ОБ УХОДЕ ЗА ТЕЛОМ	94
О ПРЕЗРЕНИИ К ОСКОРБЛЕНИЯМ	97
О ДРУЖБЕ И БРАТСТВЕ	100
О ЛОЖНЫХ МНЕНИЯХ	104
О СМЕРТИ	128

Часть Вторая

ФРАГМЕНТЫ ЭПИКТЕТА

.....	135
-------	-----

Примечания и комментарии	156
--------------------------------	-----